

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 5/2022

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЬКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЪЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); ЛЕОНОВ Н.С. (Москва); MARTINES PERES X. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЫНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Маринельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru

А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАЙС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21

Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2022.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2022.

Latinskaya Amerika N 5/2022

(Latin America)

Founded in 1969

Established by

Academy of Sciences of the Soviet Union
Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences

Issued monthly

Published under the authority of the Global Problems

and International Relations Department of the RAS

Included in the list of the Higher Attestation Commission

Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science

ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L. HEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKI Z.W. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); LEONOV N.S. (Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLIAR N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru
A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN,
A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia
Phone number: +7 495 951 01 67; *e-mail:* revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2022.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2022.

В НОМЕРЕ:

6 **Николай Сергеевич Леонов** (1928—2022)

ЭКОНОМИКА

8 Л.Н.Симонова. **Цифровая трансформация экономики Латинской Америки**

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

28 Л.В.Дьякова. **Социальная политика в период COVID-19: латиноамериканские подходы**

ПОЛИТИКА

45 О.Н.Богатырева. **Гуманитарная дипломатия и права человека в Латинской Америке. Региональная и цивилизационная специфика**

60 М.В.Кирчанов. **«Политика памяти» в современной Бразилии (2012—2022 гг.)**

ИБЕРИЙСКИЙ АСПЕКТ

72 А.В.Баранов. **Электоральное поведение граждан на Региональных выборах в Испании (2020—2022 гг.): новые тенденции**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

85 В.Н.Шкунов. **Внешняя торговля Бразилии с 1822 г. до конца XIX в.: поиск идентичности**

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

101 Л.С.Хейфец. **«Ответ», вызывающий новые вопросы**

SUMARIO

6 En memoria a Nikolay Leónov

ECONOMIA

- 8 Ludmila Símonova. **La transformación digital de la economía de América Latina**

TEMA ACTUAL

- 28 Ludmila Diákova. **La política social en el período de *COVID-19*: enfoques latinoamericanos**

POLITICA

- 45 Olga Bogatyreva. **La diplomacia humanitaria y los derechos humanos en América Latina. Lo específico a niveles regional y civilizacional**
- 60 Maxim Kirchanov. **La «política de memoria» en el Brasil moderno (2012—2022)**

ASPECTO IBERICO

- 72 Abdrei Baránov. **La conducta electoral de los ciudadanos en las elecciones regionales en España (2020—2022): nuevas tendencias**

PAGINAS DE LA HISTORIA

- 85 Vladímir Shkúnov. **El comercio exterior del Brasil a partir de 1822 hasta finales del siglo XIX: la búsqueda de identidad**

REFLEXIONANDO SOBRE LO LEIDO

- 101 Lázár Jeifets. **La «respuesta» que provoca nuevas preguntas**

CONTENTS

6 In memory of Nikolay Leonov

ECONOMY

- 8 Ludmila Simonova. **Digital transformation of the Latin American economy**

ACTUAL TOPIC

- 28 Ludmila Diakova. **Social policy in the period of COVID-19: Latin American approaches**

POLICY

- 45 Olga Bogatyreva. **Humanitarian diplomacy and human rights in Latin America. Regional and civilizational specifics**
- 60 Maxim Kirchanov. **The «politics of memory» in modern Brazil (2012—2022)**

IBERIAN ASPECT

- 72 Andrei Baranov. **Electoral behavior of citizens in regional elections in Spain (2020—2022): new trends**

HISTORY PAGES

- 85 Vladimir Shkunov. **Brazil's foreign trade from 1822 to the end of the XIX century: the search for identity**

THINKING ABOUT READ

- 101 Lazar Heifets. **An «answer» that raises new questions**

Николай Сергеевич Леонов

(1928—2022)

Ушел человек-легенда — Николай Леонов. Почти в целый век его жизни вместились так много, что этого хватило бы на биографии нескольких знаменитостей. Дипломат, разведчик, ученый, преподаватель, государственный деятель. Настоящий патриот своей страны и подлинный интернационалист.

Случайность — непознанная закономерность. Судьбе было угодно свести на пересекающем Атлантику *Andrea Gritti* выпускника МГИМО Николая Леонова и студента Гаванского университета Рауля Кастро. Второй раз они столкнулись на ули-

це мексиканской столицы — один из руководителей восстания 26 июля и сотрудник посольства СССР. Рауль познакомил Николая с Фиделем и Че. Эти встречи заложили основу их дружбы на долгие годы. Наверное, он был единственным за всю историю разведчиком, который оказался на трибуне Мавзолея Ленина между Фиделем Кастро и Никитой Хрущевым. Да, как переводчик Фиделя. Но Леонов не был простым переводчиком. После победы кубинской революции он оказался для советского руководства главным источником информации о ее лидерах. То, что еще три года назад считалось серьезным проступком для молодого сотрудника посольства в Мехико, стоившим ему дипломатической карьеры — контакты с будущими вождями кубинской герильи, — в 1959 г. приобрело судьбоносное значение для формирования отношения к ним лидеров КПСС. И Леонов стал их тенью во время визитов в Москву Че Гевары, Рауля Кастро, Фиделя, первой поездки Анастаса Микояна в Гавану, а точнее, оказался посредником между советским и кубинским руководством. Стал одним из первых, если не первым «кирпичиком», в фундаменте советско-кубинских связей. Его лицо — открытое, улыбающееся, стало знакомо миллионам людей, с восторгом и упоением наблюдавших за молодой кубинской революцией. Опять редчайший случай в истории разведки — растиражированная в СМИ фотография сотрудника тайных служб.

Нет такого этапа, такого события в истории кубинской революции, к которому, в той или иной степени, не был бы причастен Н.С.Леонов — «дорогой русский друг Кубы на все времена», как его называли кубинские газеты, выразив искренние соболезнования по поводу его кончины. Президент Кубы Мигель Диас-Канель высказал «глубокое сожаление о смерти милого друга, знатока нашей истории и необыкновенного свидетеля событий необыкновенной эпохи». Кубинские власти высоко оценили заслуги Леонова,

наградив его орденами Эрнесто Че Гевары 1 степени и «Playa Girón». В прошлом году кубинские кинематографисты сняли фильм-интервью с Николаем Сергеевичем — «Жизнь, которая осталась позади».

Николай Леонов сумел осуществить свою юношескую мечту, и уже будучи профессиональным разведчиком, смог совместить это с профессией историка. Латиноамериканистика в 1950-е годы возрождалась после того, как «большой террор» и Великая Отечественная война буквально выкосили целую плеяду советских ученых. В ядро возрождавшейся как птица Феникс из пепла этой отрасли науки вошли разведчики и дипломаты, знавшие проблемы Нового света не понаслышке: кроме Николая Леонова это были Иосиф Григулевич, Алексей Штрахов, Семен Гонионский, вместе с которыми работали Аделаида Зорина, Моисей Альперович, Лев Слезкин, Николай Лавров. По оценке Николая Сергеевича, это была небольшая группа энтузиастов, занимавшихся исследованием региона на свой страх и риск. Именно они оказались мотором развития, фундаментом современной латиноамериканистики. Каждое историческое исследование Н.С.Леонова было событием: и изданная монография «Борьба церкви с государством в Мексике» (1965), и «Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки» (1975), и биографии — «Омар Торрихос: Я не хочу войти в историю, я хочу войти в зону канала» (1990), «Фидель Кастро: политическая биография», написанная совместно с В.А.Бородаевым» (1998, 1999), «Рауль Кастро» (2015, единственное жизнеописание лидера революции, изданное и на Кубе).

Он был смелым, рискованным человеком. До конца жизни с сожалением вспоминал, что ему не дали санкцию на реализацию, по его собственной оценке, «великолепного профессионального авантюрного плана» — десантной операции по освобождению генерального секретаря компартии Чили Луиса Корвалана, содержавшегося режимом Пиночета в концлагере на острове Досон.

Выпускник МГИМО, он пришел в свою альма-матер уже как преподаватель. Какое счастье должны были испытывать его студенты, слушая лекции профессора Леонова о событиях, свидетелем, участником, вершителем которых был их наставник.

Н.С.Леонов был членом редколлегии журнала «Латинская Америка» с первого номера, создавая его вместе с Серго Микояном — удивительным человеком, который «благодаря особому политическому чутью понял важную роль и большое значение Латинской Америки для нашего государства». Интервью Николая Сергеевича главному редактору нашего журнала стало его «лебединой песней», последним посланием читателям старейшего латиноамериканиста, символа эпохи в отечественной латиноамериканистике.

Светлая память о Николае Сергеевиче Леонове навсегда сохранится в наших сердцах!

ЭКОНОМИКА

Л.Н.Симонова

Цифровая трансформация экономики Латинской Америки

Статья посвящена анализу результатов цифровой трансформации в странах Латино-Карибской Америки (ЛКА) за последние 15 лет. Особое внимание уделено формированию цифровой экосистемы и выявлению проблем, с которыми сталкиваются страны региона в цифровизации производственных процессов. Несмотря на определенные успехи, достигнутые в последние годы, и резкое увеличение спроса на цифровые платформы и онлайн-услуги во время пандемии *COVID-19*, продвижение государств ЛКА к цифровой экономике происходит с опозданием, а масштабы и эффективность использования ее преимуществ в производственной сфере обусловлены структурными и социально-экономическими факторами. Отмечаются межстрановые различия в доступе к цифровым технологиям, что усиливает дифференциацию внутри региона. Серьезными препятствиями остаются ограниченные возможности финансирования малого и среднего бизнеса, низкий уровень компьютерной грамотности населения, наличие обширного неформального сектора.

Ключевые слова: цифровая экономика, концепция цифровой экосистемы, цифровая конкурентоспособность, цифровые платформы.

DOI: 10.31857/S0044748X0019913-3

Статья поступила в редакцию 20.01.2022.

В последние годы страны Латинской Америки и Карибского бассейна добились значительного прогресса в использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и продвижении к цифровой экономике. По определению Конференции ООН по торговле и развитию (*United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD*), цифровая экономика — это применение цифровых интернет-технологий в производстве товаров и услуг [1, р. 156]. Сократился разрыв в доступе к Интернету, как внутри стран, так по сравнению с более развитыми государствами, особенно в отношении мобильных технологий. В большинстве стран региона произошла серьезная модернизация законодательной базы, регулирующей

Людмила Николаевна Симонова — кандидат экономических наук, руководитель Центра экономических исследований ИЛА РАН (РФ, 115035, Москва, ул. Б. Ордынка, 21, ludmila-simonova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1144-2392>).

процессы цифровизации, заметны успехи в реализации программ электронного правительства, расширился спектр государственных услуг, предоставляемых населению и бизнесу в онлайн-режиме.

Активно идет формирование цифровой экосистемы, определяемой как набор инфраструктур и функций (платформ, устройств доступа), связанных с предоставлением контента и услуг через Интернет [2, р. 1]. В свою очередь в рамках цифровой экосистемы быстро растут технологические стартапы и новые отрасли промышленности, перестраивая производственно-сбытовые цепочки и объединяя различные звенья. Вместе с тем страны региона продолжают испытывать трудности в преодолении цифрового отставания от развитых государств и существенно уступают им по уровню цифровой конкурентоспособности и применению новых технологий в сфере производства, транспорта и управления бизнесом.

Цифровые технологии стали объектом исследований экспертов Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) и других региональных организаций с начала XXI в. в связи с проникновением этих технологий во все области экономики и общественной жизни. В 2003 г. благодаря сотрудничеству ЭКЛАК с Андской корпорации развития (*Corporación Andina de Fomento, CAF*) была создана «Обсерватория для информационного общества в Латинской Америке и Карибском бассейне» (*Observatorio para la Sociedad de la Información en Latinoamérica y el Caribe, OSILAC*), целями которой были расширение статистических исследований, мониторинг технологической политики, проекты в области ИКТ, анализ движения стран ЛКА к информационному обществу, техническая помощь государствам региона в создании статистических организаций и прочих госинститутов.

Наиболее полно и всесторонне концепция цифровой экосистемы применительно к странам ЛКА представлена в работах Рауля Каца, профессора Колумбийского университета, президента компании «Телекоммуникационные консультационные услуги» (*Telecom Advisory Services, TAS*). Р.Кац рассматривает воздействие цифровой трансформации на социально-экономическую сферу и приходит к выводу, что трансформация происходит в три волны. Технологическим базисом первой волны являются компьютеры, мобильные телефоны, мобильная связь и широкополосный доступ в Интернет, базисом второй — онлайн-платформы и «облачные» вычисления, а основа третьей — Интернет вещей, робототехника, искусственный интеллект. Изучение цифровой экосистемы включает в себя три измерения: новые способы производства информации, социальное поведение, связанное с использованием технологий и потреблением товаров и услуг, а также воздействие ИКТ на экономику и общество [2, р. 5].

В статье Р.Каца и его коллеги Ф.Каллорда, опубликованной в 2017 г. в журнале *Telecommunications Policy*, выделен ряд проблем, с которыми латиноамериканские страны сталкиваются в развитии цифровой экономики. Несмотря на значительный прогресс, достигнутый в цифровизации потребления, цифровой разрыв остается важной особенностью интернет-ландшафта региона. Кроме того, цифровизация производства, определяемая как освоение цифровых технологий предприятиями, по-прежнему остается, что негативно сказывается на уровне производительности [3].

Научные работы Р.Каца и сотрудников *TAS* легли в основу целого ряда совместных работ *CAF*, ЭКЛАК и Центра телекоммуникационных исследований Латинской Америки (*Centro de Estudios de Telecomunicaciones de América Latina, CETLA*). В частности, в исследовании *CAF* 2017 г. представлена методология измерения состояния цифровой экосистемы, разработан соответствующий индекс и даны оценки уровня развития данной сферы в ЛКА в сравнении с другими развитыми и развивающимися странами [4].

Проблемам цифровой трансформации в Латинской Америке посвящен ряд статей отечественных исследователей, опубликованных в 2020—2021 гг. В них даются оценки уровня цифровизации и перспектив внедрения технологий цифровой экономики в странах ЛКА [5], проанализированы законодательные акты, раскрывающие усилия государств региона в сфере цифровизации, а также государственные стратегии цифровизации [6]. В фокусе исследований авторов находятся такие важнейшие аспекты цифровизации, как влияние ИКТ на латиноамериканский рынок труда [7], проблемы кибербезопасности [8], перспективы развития электронной торговли [9].

Вместе с тем в отечественной литературе практически отсутствуют публикации, посвященные вопросам цифровизации производственной сферы, непосредственно влияющей на конкурентоспособность латиноамериканских компаний и, в конечном счете, определяющей возможности и перспективы адаптации экономических систем стран региона к глобальным сдвигам в технологической парадигме. Цель данной статьи — выявить современные тенденции развития цифровой экосистемы, восполнив существующий пробел в исследовании процессов цифровизации производства в ЛКА.

При проведении сравнительного анализа показателей ИКТ и уровня развития цифровой экосистемы в ЛКА, включая рейтинг цифровой конкурентоспособности и индекс сетевой готовности, использовались открытые базы данных и отчеты Института развития менеджмента (*The Institute for Management Development, IMD*), Международного союза телекоммуникаций (*International Telecommunications Union, ITU*), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирного банка, Всемирного экономического форума и других международных организаций.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ

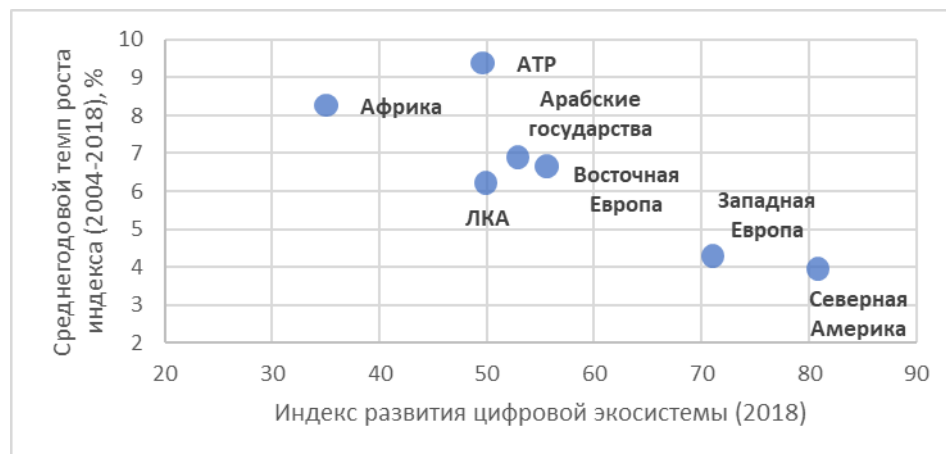
ЛКА в целом находится на среднем уровне развития цифровой экосистемы по сравнению с другими регионами. По данным совместного исследования *CAF* и *TAS*, регион с индексом 49,92 (по шкале от 0 до 100) занимает более высокое положение по сравнению с Африкой (35,05) и Азиатско-Тихоокеанским регионом (49,16). Однако, несмотря на значительный прогресс, достигнутый за последние 15 лет в развитии цифровой экосистемы, ЛКА по-прежнему отстает от Западной Европы (с индексом 71,06), Северной Америки (80,85), Восточной Европы (52,90) и арабских государств (55,54) [10, p. 13].

Следует также отметить, что в период 2004—2018 гг. ЛКА демонстрировала весьма умеренные темпы роста цифровизации. Как показано на рис. 1, по среднегодовому темпу роста индекса развития цифровой экосистемы в 6,21% ЛКА уступала другим развивающимся регионам —

Азиатско-Тихоокеанскому (9,39%), Африке (8,27%) и Восточной Европе (6,89%). Ожидается, промышленно развитые страны показывают более низкие темпы роста, чем развивающиеся, что соответствует продвинутой стадии развития экосистем: цифровизация в Западной Европе росла на 4,28% в год, в Северной Америке — на 3,94%.

Р и с у н о к 1

ИНДЕКС РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ И ТЕМПЫ РОСТА

Источник: составлено по данным [10, р. 13].

Различия в цифровой индустрии стран ОЭСР и Латинской Америки особенно очевидны, если сравнить вес цифровой экосистемы в ВВП (3,98% против 4,58%) и такие показатели, как объем экспорта услуг и высокотехнологичной продукции на душу населения, по которым отставание региона кратно 9 и 14 соответственно [11, р. 19].

Несмотря на определенные успехи, цифровая трансформация экономики стран ЛКА происходит с опозданием, при этом отмечаются серьезные различия внутри региона, что усиливает дифференциацию стран по уровню социально-экономического развития. В 2021 г. в соответствии с индексом международной цифровой конкурентоспособности (*IMD World Digital Competitiveness Ranking*), оценивающим 64 страны, Чили находилась на 39 месте, Бразилия — на 51, Мексика — на 56, а Аргентина занимала лишь 61 позицию* (см. таблицу 1). Возглавляют рейтинг США, на втором месте Гонконг, на третьем — Швеция.

* Рейтинг цифровой конкурентоспособности *IMD* измеряет способность и готовность стран к внедрению и изучению цифровых технологий в качестве ключевого фактора экономических преобразований в бизнесе, правительстве и обществе в целом. Рейтинг создан на основе 50 индикаторов, 30 из которых являются статистическими данными, 20 — опросными данными. 31 показатель рейтинга берется из более общего Индекса конкурентоспособности стран, а еще 19 показателей введены дополнительно [12].

**МЕСТО СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В МЕЖДУНАРОДНОМ
РЕЙТИНГЕ ЦИФРОВОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ**

Страна	Совокупный рейтинг	Знания	Технологии	Готовность к будущему
Аргентина	61	55	62	52
Бразилия	51	51	55	45
Чили	39	49	35	36
Колумбия	59	56	60	53
Мексика	56	54	57	51
Перу	57	53	56	54
Венесуэла	64	61	64	64

Источник: [12].

Основной причиной отставания стран региона по уровню цифровизации продолжает оставаться невозможность доступа почти трети населения к Интернету и соответственно к услугам, которые могут заменить некоторые виды деятельности, обычно требующие физического контакта. Несмотря на то, что процент индивидуальных пользователей глобальной сети в ряде стран ЛКА существенно вырос в последние годы, в целом в регионе в 2018 г. только 68,7% граждан имели доступ к Интернету, в то время как в развитых странах — 83,9%. По оценке *TAS*, основанной на данных *ITU* [13], в 2020 г. уровень проникновения Интернета в ЛКА увеличился до 78,8%, однако в странах ОЭСР он превысил 88,3% [10, p. 13].

Следует также отметить, что средние показатели по стране скрывают значительные различия между сельскими и городскими районами. Например, в Бразилии в 2017 г. уровень проникновения Интернета в городских районах составил 65,1% и только 33,6% в сельских, в Эквадоре — соответственно, 46,1% и 16,6% [10, p. 18].

Рост спроса на информационно-компьютерные технологии в ЛКА в период пандемии сформировал надежды на возможность проведения ускоренной цифровой трансформации в регионе. Пандемия *COVID-19* и последовавшая за ней серия жестких карантинных мер, в том числе «локдаунов» с ограничением перемещений граждан как внутри стран, так и между ними, заметно повлияли на темпы цифровизации экономик государств ЛКА. Резко увеличился спрос на применение цифровых технологий для работы и образования на дистанции, получения онлайн-услуг здравоохранения. Значительное число компаний, специализирующихся преимущественно на торговле и финансовых услугах, дополнили свои сервисы форматом онлайн или полностью перешли в него.

По данным ЭКЛАК, число веб-сайтов, открытых предпринимателями в апреле-мае 2020 г., выросло на 800% в Колумбии и Мексике и на 360% в Бразилии и Чили по сравнению с предыдущим годом. Вместе с тем пандемия обнажила проблемы стран ЛКА, напрямую связанные с неготовностью латиноамериканских сетей к экспоненциальному увеличению трафика. В

частности, в течение марта 2020 г. было выявлено снижение скорости фиксированного широкополосного доступа в Чили (-3%) и Эквадоре (-19,6%) в сочетании с увеличением задержки загрузки веб-страниц в Бразилии (11,7%), Чили (19,0%), Эквадоре (11,8%) и Мексики (7,4%). Согласно моделям *TAS*, фиксированная скорость широкополосного доступа оказывает влияние на ВВП в размере 0,73% при увеличении скорости на 100%, поэтому снижение сетевого трафика имело негативный экономический эффект для стран региона в 2020 г. [14, р. 13].

РЕЗУЛЬТАТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

Использование передовых цифровых технологий становится неотъемлемой частью успешных бизнес-моделей компаний в Латинской Америке и охватывает такие сферы, как образование и здравоохранение, розничную торговлю (электронная коммерция) и логистику, управление городским хозяйством («умные города»), управление сельским хозяйством («умное сельское хозяйство») и промышленным производством (применение технологий Индустрии 4.0), создание «мобильных банков» и финтех-компаний.

Как отмечается в коллективной работе сотрудников ИЛА РАН «Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям», прогресс в развитии робототехники, технологий искусственного интеллекта, аддитивного производства и анализа данных открывает значительные возможности для ускорения процесса инноваций и повышения доли обрабатывающей промышленности в суммарной добавленной стоимости. Новые технологии также могут способствовать экологической устойчивости и социальной инклюзивности при внедрении в адекватных условиях [15, с. 130].

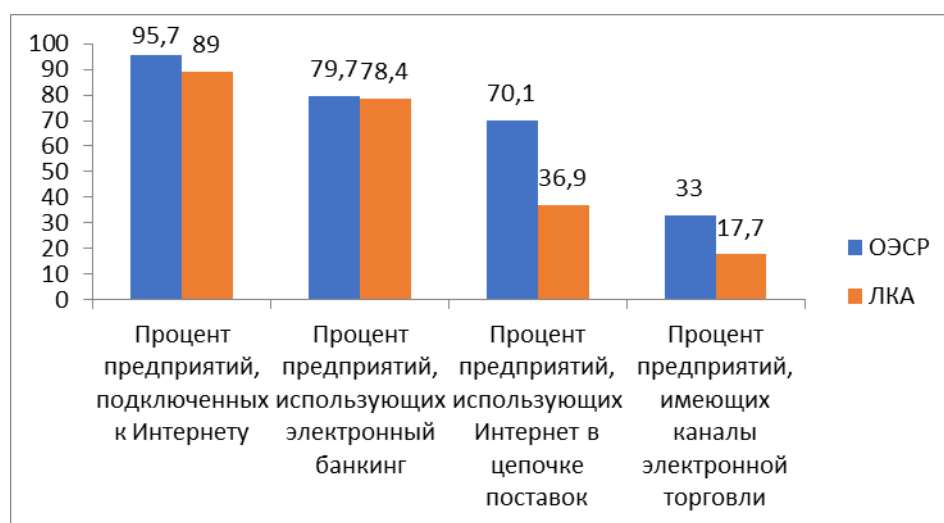
Цифровизация оказывает все большее, хотя и неравномерное по сегментам экономики и странам влияние на деятельность латиноамериканского бизнеса. До полного разворота от интернет-потребления к интернет-производству еще далеко, но продвижение в этом направлении происходит. По данным исследования, проведенного специалистами Организации объединенных наций по промышленному развитию (*United Nations Industrial Development Organization, UNIDO*), в ведущих странах ЛКА распространение цифровых технологий последних поколений (поколения 3.0 и 4.0) идет полным ходом: доля продвинутых в сфере *IT*-компаний обрабатывающей промышленности достигает 20% в Аргентине и около 30% в Бразилии. Однако реальный успех приходит преимущественно к крупным латиноамериканским компаниям, сотрудничающим с транснациональными корпорациями и интегрированным в глобальные производственно-сбытовые цепочки. Результаты исследования *UNIDO* также показывают, как различные поколения технологий сосуществуют в развивающихся странах, создавая «технологические острова», когда вокруг нескольких компаний с передовыми технологиями находится большое число компаний, работающих на гораздо более низком технологическом уровне [16, р. 100]. При этом большинство латиноамериканских фирм не могут извлечь выгоду из преимуществ цифровизации в плане роста производительности, а особенности институциональной среды могут препятствовать принятию эффективной адаптационной стратегии цифровизации, включающей реструктуризацию производства с учетом экологических требований [17].

В апреле 2021 г. эксперты ЭКЛАК и сотрудники Регионального центра исследований в области развития информационного общества (*Cetic.br*) подготовили доклад, в котором приведены основные показатели внедрения цифровых технологий в регионе в соответствии с целями и задачами Плана действий по информационному обществу и Цифровой повестки для Латинской Америки и Карибского бассейна (*eLAC*), принятых в Рио-де-Жанейро в 2005 г. [11].

Отмечая прогресс, достигнутый в области цифровизации экономики за последние 15 лет, эксперты ЭКЛАК подчеркивают, что одна из основных задач, стоящих сегодня перед регионом, связана с внедрением цифровых технологий в производственный процесс. Хотя нет больших пробелов в базовых показателях, таких как доступ предприятий к Интернету и использование электронного банкинга, различия со странами — членами ОЭСР наиболее очевидны по таким показателям, как использование Интернета в цепочке поставок и продажи через цифровые каналы. По данным на 2018 г., всего 18% компаний удалось наладить цифровые каналы продаж в Латинской Америке по сравнению с 33% в странах, входящих в ОЭСР (см. рис. 2).

Р и с у н о к 2

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОЭСР И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В 2018 г.

Источник: составлено по: [11, р. 21].

Статистические данные, приводимые в таблице 2, также свидетельствуют о том, что независимо от уровня внедрения Интернета значительная часть латиноамериканских компаний (главным образом малых и средних предприятий, МСП) не включила цифровую технологию в свою производственно-сбытовую цепочку. В дополнение к разнице в цифровизации цепочки поставок в зависимости от размера компании существует значительный разрыв между отдельными промышленными секторами, а также странами. Например, в автомобильном секторе в целом наблюдается более

высокий уровень подготовки, чем в остальных сферах производства. Тем не менее внутри сектора существуют различия на страновом уровне.

Самым передовым государством в разработке технологических стратегий и внедрении цифровизации в автомобильной промышленности является Мексика (отчасти из-за вертикальной интеграции с компаниями в США), за ней следует Бразилия с обширным рынком сбыта, где осуществляется производство и сборка автомобилей ведущих мировых марок. За ними следуют Аргентина, где цифровая трансформация сектора отстает в значительной степени из-за волатильности макроэкономического контекста страны, и Колумбия (из-за более низких требований к трансформации на меньшем по размеру местном рынке).

Т а б л и ц а 2

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЦЕПОЧКИ ПОСТАВОК В СТРАНАХ ЛКА В 2018 г.

Страна	Доля предприятий, подключенных к Интернету, %	Доля предприятий, использующих электронный банкинг, %	Доля предприятий, использующих Интернет в цепочке поставок, %
Аргентина	94,94	79,60	45,80
Бразилия	96,40	88,00	66,00
Чили	86,16	84,37	28,80
Колумбия	92,81	95,39	37,00
Эквадор	93,89	47,06	13,90
Мексика	94,61	76,60	13,47
Перу	94,00	34,20	15,20
Уругвай	93,39	68,35	38,43

Источник: составлено по: [10, р. 20].

Хотя доля компаний с доступом в Интернет превышает 85% во всех рассматриваемых странах, доля тех, кто использует электронный банкинг, варьируется в диапазоне от 34,20% в Перу до 95,39% в Колумбии. Процент тех, кто использует Интернет для организации цепочки поставок и каналов распределения, колеблется от 15,20% в Перу до 66,00% в Бразилии.

По данным Национального института статистики и географии Мексики (*National Institute of Statistics and Geography, INEGI*), только 19% МСП покупают производственные ресурсы онлайн. То же самое относится и к цифровизации каналов дистрибуции. Страной, где наибольшая доля компаний пользуется платформами электронной коммерции, является Колумбия, но и там эта доля составляет не более 40%.

Ограниченный прогресс, достигнутый в цифровой трансформации, связан с неравномерным внедрением предприятиями новых технологий. В то время как некоторым фирмам удалось использовать многие из преимуществ цифровых технологий, существует длинный перечень отстающих предприятий. В него входят в основном микропредприятия, МСП, а также компании, занимающиеся традиционными и уязвимыми видами деятельно-

сти, которые, как правило, связанными с более низкой производительностью и большей неформальностью бизнеса.

Подчеркнем, что в цифровизации секторов экономики существуют значительные различия. Самый высокий уровень цифровизации в регионе наблюдается в сфере финансовых услуги и в секторе ИКТ (впрочем, как и во всем мире). С другой стороны, есть области так называемого цифрового отставания, в частности, сельское хозяйство (за исключением Бразилии), услуги в сфере недвижимости и образования. В обрабатывающей промышленности наблюдается большая неоднородность. В Аргентине, например, отмечается относительно высокий уровень цифровизации в биофармацевтическом и автомобильном секторах, в то время как сельскохозяйственное машиностроение, пищевая и текстильная отрасли характеризуются более низким уровнем цифровизации [18, p. 18].

Обрабатывающая промышленность не только лежит в основе цифровой революции, но и обладает наибольшим потенциалом для стимулирования использования новых технологий, создания лучших рабочих мест и синергии с другими секторами экономики. Применение цифровых технологий способствует оптимизации цепочки поставок и производства, ускорению выхода на рынок. Кроме того, автоматизация и цифровизация отрасли могут привести к серьезной реконфигурации цепочки, а также к ускорению передачи стоимости от производства к проектированию, исследованиям, разработкам, инновациям и услугам.

Среди основных направлений применения новых технологий в производственном секторе — отслеживание заказов в режиме реального времени и логистика поставщиков, виртуальные системы разработки, межмашинное взаимодействие (*M2M*), мониторинг жизненного цикла продукта, а также автоматизация бизнес-процессов, поддерживаемая искусственным интеллектом.

Существует множество примеров использования цифровых технологий в производственном секторе. Так, в добывающих отраслях и нефтяной промышленности могут применяться датчики и оборудование машинного обучения для регулирования и коррекции насосной системы в скважине с целью увеличения добычи и предотвращения неисправностей. Аргентинская нефтяная компания (*Yacimientos Petrolíferos Fiscales, YPF*) использует технологию этого типа, предоставленную *Schneider Electric* (через свою платформу *EcoStruxure*), в процессах добычи для оптимизации работы скважины в режиме реального времени, в частности, на нефтяном месторождении *Vaca Muerta*. Дополненная реальность дает возможность управлять заводами с планшета, с точными и подробными данными со всех участков завода. Например, симулятор крана со шлемом виртуальной реальности может быть использован для обучения персонала точному управлению. Система генерирует статистику по процессу и определяет частоту отказов и потребление энергии в каждом секторе.

Кроме того, искусственный интеллект и машинное обучение могут способствовать снижению затрат на продажи и закупки ресурсов, помогая прогнозировать спрос и предложение товаров и услуг. Другие приложения ориентированы на продажи: например, внедрение виртуальных агентов улучшает обслуживание клиентов при низких затратах; увеличение прибыли до выплаты процентов и налогов может достигать 13% [19, p. 58].

В области интернет-технологий, применяемых к бизнес-процессам, чилийская государственная компания *Codelco* (крупнейший производитель меди в мире) развивается в трех направлениях: автоматизация производственных процессов, совершенствование информационных систем и применение расширенной аналитики данных, а также использование математических алгоритмов для оптимизации процессов. Последняя функция является одной из основных целей Интегрированного оперативно-стратегического центра (*CIO-E*), запуск которого состоялся в декабре 2020 г. *CIO-E*, расположенный в штаб-квартире в Сантьяго, предоставляет услуги по поддержке и оптимизации работы трех оперативно-тактических центров компании (*CIOs-T*) в Каламе, Лос-Андесе и Ранкагуа. В задачу *CIOs-T* входит мониторинг склонов, мониторинг состояния и поддержка системы управления, расширенное управление заводами *Codelco* [20].

Применение автономных навигационных устройств, которые используются как для транспортировки, так и для решения логистических задач, может снизить затраты на рабочую силу и капитальные расходы за счет автоматизации производственных транспортных средств, например, автономной тяжелой техники в шахтах и карьерах или автономных грузовиков для перевозок на дальние расстояния. Данные из Аргентины показывают, что использование автономных грузовиков приводит к сокращению логистических расходов на 45% [19, p. 59].

Использование устройств виртуальной и дополненной реальности может снизить затраты на производство и обслуживание техники (например, с виртуальным тестированием объектов). Одним из способов применения этой технологии является использование умных очков для руководства процессом сборки с целью снизить число человеческих ошибок на сборочной линии. Использование умных очков также является цифровым решением для техников по ремонту оборудования, так как удаленная помощь ускоряет процесс ремонта.

Интернет вещей (*Internet of things, IoT*) предоставляет цифровые решения, связанные с этапами дистрибуции и логистики, благодаря которым процессы могут быть оптимизированы, а затраты снижены. К ним относятся, в частности, геолокация грузов и флотов, оптимизация маршрутов, мониторинг экологической обстановки и мониторинг «холодовой цепи».

Взаимодополняемость этих технологий на этапах цепочки позволяет развивать «умные заводы». По версии Всемирного экономического форума, в Бразилии расположены единственные два завода в ЛКА, которые являются частью глобальной сети передовых предприятий, служащих витринами для внедрения новых технологий. Завод *Groupe Renault* в Куритибе разработал платформу для применения на всей цепочке создания стоимости, которая включает поставщиков, клиентов и работников. Полученные результаты позволили повысить производительность труда на 18% без крупных капиталовложений.

Морской объект японской компании *MODEC* (разработчик и оператор плавающих нефтяных платформ) в Рио-де-Жанейро использует комбинацию расширенной аналитики для прогнозного обслуживания, цифровую копию своего перерабатывающего завода и запатентованную платформу данных для ускорения разработки и экспоненциального масштабирования алгоритмов на плавающих судах. Это позволило сократить время простоя на 65% [19, pp. 58-59].

Агропромышленный сектор является одним из основных драйверов экспорта в ЛКА и одним из секторов с наибольшей долей занятости во многих странах региона. Однако, за некоторыми исключениями, его производительность значительно ниже, чем в среднем по региону и в наиболее развитых странах. Цифровая революция является важным фактором, раскрывающим возможности повышения производительности в сельскохозяйственном секторе. Например, включение датчиков в обычную сельскохозяйственную технику, такую, как тракторы, опрыскиватели и комбайны, может превратить их в сети интеллектуальных устройств с мониторами урожайности, автопилотом или датчиками для распределения семян и опрыскивания.

Использование расширенной аналитики позволит обрабатывать информацию, полученную датчиками и спутниками, в целях оптимизации производственных процессов и применения приложений с поддержкой Глобальной системы позиционирования (*GPS*). Включение автономных или полуполуприцепных транспортных средств снизит эксплуатационные расходы и потребление энергии, а также повысит безопасность и точность. Цифровые технологии имеют большой потенциал по всей производственной цепочке — от закупки ресурсов до маркетинга товаров.

Многочисленные цифровые платформы действуют как географические информационные онлайн-системы, которые позволяют хранить всю информацию в облаке и получать доступ с любого устройства в любой точке мира в любое время. Например, спутниковые изображения могут определить состояние растений по нормализованному вегетационному индексу*. Платформы также позволяют устанавливать маршруты мониторинга, по которым можно следовать с помощью мобильного приложения, составлять отчет о том, что наблюдается в поле, и делать фотографии с географической привязкой, иллюстрирующие наблюдаемую ситуацию. Отчет и фотографии хранятся в рабочем пространстве, к которому легко получить доступ в Интернете, что позволяет вносить необходимые коррективы для минимизации потерь и повышения эффективности использования вводимых ресурсов. Некоторые из платформ, присутствующих в Латинской Америке: *Campo 360*, платформа *Taranis*, *GeoAgro*, *Climate FieldView* и *Auravant*. В частности, аргентинская платформа *Auravant* предлагает бесплатные инструменты для производителей на площади до 1000 гектаров, включая мониторинг урожая, уведомление о районах с потенциальными проблемами и загрузку карт урожайности [19, p. 56].

Другим примером применения цифровых инструментов, таких, как машинное обучение и Интернет вещей, является прогностическое обслуживание оборудования. С помощью дронов и датчиков постоянно контролируется состояние машин и оборудования, чтобы предвидеть поломки и оптимизировать время ремонта и технического обслуживания, что помогает снизить затраты. Платформы функционируют как онлайн-рынок, предлага-

* Нормализованный вегетационный индекс, также известный как *NDVI*, — это показатель здоровья растения. Он вычисляется по тому, как растение отражает и поглощает разные световые волны. Здоровое растение активно поглощает красный свет и отражает ближний инфракрасный, а больное — наоборот.

гающий производителям ресурсы, инструменты, сельскохозяйственную технику и специализированные транспортные средства. Так, платформы *Agrofy* и *Agroads* предлагают свои услуги в Аргентине и Бразилии для желающих покупать, продавать и продвигать специализированные продукты, представляющие интерес для фермеров [19, p. 57].

Наиболее убедительным примером успешной цифровизации производства в ЛКА является использование цифровых технологий в агробизнесе Бразилии. Реализация программы развития точного земледелия* в Бразилии уже принесла свои плоды. За последние три десятилетия в сельскохозяйственном секторе был зарегистрирован значительный рост производительности. К 2016 г. Бразилия стала третьим по величине экспортером сельскохозяйственной продукции в мире, уступив Евросоюзу и Соединенным Штатам и опередив Китайскую Народную Республику. Доля Бразилии в общей стоимости мирового сельскохозяйственного экспорта увеличилась с 2,8% в 2000 г. до 5,2% в 2020 г. [22].

Большая часть успеха сельского хозяйства Бразилии обусловлена надежной инновационной экосистемой, возглавляемой государственной Бразильской сельскохозяйственной исследовательской корпорацией (*Empresa Brasileira de Pesquisa Agropecuária, Embrapa*). Экосистема также включает научно-техническое сотрудничество с другими странами (например, через виртуальную лабораторную программу *Embrapa, LABEX*), с авторитетными академическими учреждениями, например, Сельскохозяйственным колледжем Луиса де Кейроса (*Escola Superior de Agricultura Luiz de Queiroz, ESALQ*) в Пирасиакабе, Сан-Паулу и частным сектором. Частные компании все чаще становятся активными участниками стартап-сцены Бразилии, поддерживаемой инкубаторами и акселераторами (например, *ESALQTec, Pulse, ScaleUp Endeavour, Wayra*), многие из которых располагаются в непосредственной близости от исследовательских центров, таких как *ESALQ* в Пирасиакабе [23, p. 192].

Запуск Национального плана по развитию Интернета вещей** (часто именуемого *IoT.Br*) в июне 2019 г. обеспечил основу для более широкого применения цифровых технологий в агробизнесе Бразилии. В частности, в *IoT.Br* определены приоритетные меры по управлению агросектором, включая взаимодействие машин, систем, оборудования (например, дро-

* Точное земледелие — это современная концепция управления сельским хозяйством с использованием цифровых методов для мониторинга и оптимизации процессов сельскохозяйственного производства. Понятие точного земледелия означает, что угоды оценивают и обрабатывают не гектарами или условными полями, а отдельными участками земли со всей неоднородностью всходов, вегетации, влажности и продуктивности почвы, внесения удобрений и пр. Точности оценки достигают объединением технологий и получаемых с их помощью данных — снимков со спутников и БПЛА, датчиков на технике и полях (ландшафт, показатели влажности, температуры, уровня pH), метеостанций и пр. [21].

** Национальный план по развитию Интернета вещей (*Plano Nacional de Internet das Coisas, IoT.Br*) является совместной инициативой министерства науки, технологий, инноваций и связи, министерства экономики и Национального банка экономического и социального развития и частных компаний. Четыре основных составляющих новой программы: «умные города», здравоохранение, сельское хозяйство и, собственно, сам Интернет вещей [24].

нов), данных и приложений, по всей стране с уделением особого внимания сельскохозяйственным предприятиям, расположенным в Северном, Северо-Восточном и Центральном-западном регионах Бразилии.

После запуска Плана в рамках соглашения о техническом сотрудничестве между министерством сельского хозяйства Бразилии и министерством науки, технологии, инноваций и коммуникаций в августе 2019 г. официально учреждена Палата *Agro 4.0*, деятельность которой направлена на стимулирование применения в сельском хозяйстве цифровых технологий, ориентированных на *IoT.Br* [25]. По некоторым оценкам, инвестиции в решения *IoT* в сельском хозяйстве Бразилии составили 57,5 млн долл. в 2018 г. В 2019—2021 гг. планировалось инвестировать в *IoT* агробизнеса 330,8 млн долл. при средних темпах роста в 40% в год [23, р. 191].

Grupo SLC Agricola, один из крупнейших производителей хлопка, сои и кукурузы в Бразилии, использует спутниковые снимки, датчики и беспилотные летательные аппараты для мониторинга полей. Большие данные (*big data*) и машинное обучение способствуют повышению эффективности использования вводимых ресурсов, включая удобрения, химикаты, воду или семена, а также облегчают мониторинг урожайности. По данным фирмы, применение этих технологий позволило сократить использование удобрений до 10% и химикатов для защиты растений до 3%. Другие преимущества это — экономия бензина, повышение эффективности управления процессами, лучшее отслеживание машин и сбор огромных объемов данных [26].

Телекоммуникационная компания *Claro SA* через свой корпоративный бренд *Embratel* предлагает широкий спектр систем связи и управления для сельскохозяйственного сектора с использованием искусственного интеллекта, датчиков, облачного хранилища и машинного обучения. Сервисы этой платформы помогают фермерам увеличить производительность и сократить эксплуатационные расходы. *TIM Brazil* (Бразильская дочерняя компания *Telecom Italia*) создала партнерство *Gilat Satellite Networks* для обеспечения 4G с возможностями M2M-подключений в районах Бразилии с низким уровнем покрытия вышками. Более 30 бесплатных приложений для фермеров доступны на веб-сайте *Embrapa*.

С целью объединить в специализированную сеть Интернета все аграрные регионы страны создана организация *ConnectorAGRO* — консорциум из восьми международных компаний, специализирующихся в области агробизнеса и телекоммуникаций. Среди участников консорциума такие известные фирмы, как *CNH Industrial*, *Bayer*, *Nokia* и другие. Консорциум, согласно заявлениям его создателей, поможет бразильским аграриям воспользоваться преимуществами точного сельского хозяйства, различными ресурсами в области автоматизации и цифровых технологий и практически получить доступ к новинкам в различных областях за счет совместимости систем передачи данных. Таким образом, будут оптимизированы производственные процессы.

Несмотря на высокий динамизм в бразильском агробизнесе и растущую роль частного сектора в сельскохозяйственных инновациях, эксперты ОЭСР отмечают наличие значительного неиспользованного потенциала цифровизации. В частности, чрезвычайно сложная бизнес-среда и налоговое регулирование создают узкие места для стартапов и инноваций фирм.

Это усугубляется отсутствием у небольших фермерских хозяйств инвестиционного капитала, гибкости управления и квалифицированной рабочей силы. В свою очередь, плохая инфраструктура еще больше снижает норму прибыли сельскохозяйственных производителей, ограничивая финансовую гибкость для инноваций. Например, стоимость транспортировки сои в Бразилии в семь раз выше, чем в США [23, p. 191].

В целом по всему латиноамериканскому региону цифровая трансформация производственных процессов все еще находится на ранних стадиях развития. Согласно данным Индекса сетевой готовности Всемирного экономического форума 2020 г., страны региона сильно отстают в использовании информационных технологий в бизнесе. Лучшие показатели в регионе у Чили, которая занимает 44-е место из 134 опрошенных государств. За ней следуют Бразилия (56), Перу (58) и Коста-Рика (59). Аргентина и Мексика, две крупнейшие экономики региона, находятся лишь на 67-й и 80-й позициях соответственно. Страны Центральной Америки и Карибского бассейна занимают самые низкие места в рейтинге: Тринидад и Тобаго — 101-е, за ним следуют Гондурас (104) и Сальвадор (105) [27].

За последнее десятилетие большинство стран региона улучшили показатели некоторых факторов, способствующих повышению эффективности внутри цепочки поставок, таких, как инфраструктура портов, междугородних дорог и аэропортов. Это отражается в усилении их положения на международных логистических рынках и в том, что они занимают более высокие позиции в логистическом рейтинге Всемирного банка*. Однако, несмотря на достигнутый прогресс, ЛКА все еще далеко до уровня стран с развитой экономикой. Недостатки в цепочке поставок особенно заметны при анализе слабых мест разных акторов логистической цепочки (например, низкая цифровизация наземного транспорта, отсутствие единых стандартов связи). Даже для тех компаний, которые провели цифровизацию своих внутренних процессов, существуют барьеры в коммуникации между всеми участниками цепочки поставок.

Например, низкая цифровизация наземного транспорта региона является серьезным препятствием для повышения эффективности цепочки поставок. Отрасль автомобильных перевозок в ЛКА чрезмерно фрагментирована и состоит преимущественно из небольших компаний, которые сталкиваются с типичными барьерами для цифровизации МСП: низкий инвестиционный потенциал, ограничения в возможностях внедрения технологий и лимитированный доступ к финансовым ресурсам. По данным ЭКЛАК, из примерно 150 тыс. компаний автомобильного транспорта в Мексике только 10 имеют достаточный масштаб для осуществления цифровой трансформации. В Колумбии из 3500 поставщиков услуг перевозок только 100 компаний могут внедрять цифровые технологии. В этом контексте технологические компании с профилем платформы цифрового сопоставления

* Рейтинговый индекс эффективности логистики (*Logistics Performance Index, LPI*) используется для сравнительного анализа эффективности логистических систем стран мира. Он рассчитывается по шести показателям: эффективность таможенного оформления; уровень инфраструктуры; легкость международных перевозок и низкие цены; качество логистических услуг; отслеживание доставки; сроки и своевременность грузоперевозок [28].

(*matching platforms*) имеют значительные перспективы на латиноамериканском рынке с точки зрения выстраивания более эффективных отношений между поставщиками логистических и транспортных услуг и предложения цифровых решений для устранения сбоев в координации между поставщиками [19, p. 25].

В последние годы были достигнуты определенные успехи в упрощении и цифровизации процессов таможенного оформления, включая внедрение во многих странах услуги «единого окна» для внешней торговли. Однако, несмотря на это, страны Латинской Америки по-прежнему отстают от передовой международной практики. Это проявляется, например, в том, сколько времени требуется для обработки документации для внешней торговли (см. таблицу 3).

Т а б л и ц а 3

**ВРЕМЯ, НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ДОКУМЕНТОВ
ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В 2018 г. (в часах)**

Страна	Экспорт	Импорт
Аргентина	30	192
Бразилия	12	48
Колумбия	60	64
Мексика	8	18
Парагвай	24	36
<i>Для сравнения:</i>		
Нидерланды	1	1
Сингапур	2	3

Источник: составлено по [29].

Проблемы на пути цифровизации цепочки поставок в ЛКА распространяются и на каналы дистрибуции. В таблице 4 представлены статистические данные о процентной доле латиноамериканских компаний, которые развернули цифровые каналы продаж и разработали веб-сайты.

Приведенные данные хорошо иллюстрируют ситуацию, сложившуюся в цифровизации каналов продаж в Латинской Америке: в то время как многие компании разработали веб-сайты для повышения своего онлайн-присутствия на рынке, гораздо меньшее их число имеют возможность получать электронные заказы на покупку. Самым быстрым способом преодоления этого барьера является использование и ускорение развития платформ электронной коммерции, которые, как посредники, позволяют повысить эффективность в распределении товаров.

В 2020 г. в условиях пандемии в Латинской Америке наблюдался аномально высокий рост электронной коммерции (на 36,7% при среднемировом показателе в 26,7%) на фоне снижения общих розничных продаж на 3,4%. Розничная электронная коммерция Аргентины увеличилась на 79,0%, продемонстрировав самый высокий показатель в мире (на втором месте Сингапур с темпом прироста в 71,1%) [31].

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАНАЛОВ ДИСТРИБУЦИИ В СТРАНАХ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В 2018 г.**

Страна	Доля предприятий, имеющих web-сайт, %	Доля предприятий, имеющих каналы электронной торговли, %
Аргентина	63,60	18,52
Бразилия	59,52	22,00
Чили	78,80	10,60
Колумбия	67,21	38,00
Эквадор	н/д	9,20
Мексика	49,79	8,68
Перу	н/д	7,20
Уругвай	52,75	35,41

Источник: составлено по [30].

Одним из примечательных аспектов для крупных стран ЛКА является то, что, помимо глобальной платформы *Amazon*, четыре самых посещаемых интернет-магазина в Латинской Америке имеют региональное происхождение. Наиболее посещаемой платформой электронной коммерции в ЛКА является *Mercado Libre* с центральным офисом в Аргентине. В 2020 г. в этой компании работали 15,5 тыс. сотрудников, осуществляя операции в 18 странах. Общее число пользователей — около 200 млн человек (30% населения Латинской Америки) [32]. В Бразилии группа *B2W* управляет крупнейшим в стране интернет-магазином, занимая 50% рынка. Цифровые платформы, создаваемые такими компаниями в ЛКА, открывают новые возможности для участников торговых операций, в том числе для микро-, малых и средних предприятий. Они могут способствовать повышению эффективности за счет сокращения транзакционных издержек и информационной асимметрии. Это приводит к снижению потребительских цен, расширению доступа на рынки, усилению конкуренции, более эффективному использованию ресурсов и к возрастанию гибкости поставщиков услуг.

Вместе с тем существует целый набор факторов, сдерживающих цифровизацию торговли в латиноамериканских странах. Так, известная исследовательница К.Суоминен выявила ряд направлений, по которым латиноамериканские компании чаще всего сталкиваются с барьерами в развитии цифровой торговли: финансирование торговых операций (получение быстрых онлайн-кредитов, доступность для компаний банковских кредитов и инвестиций на ранней стадии развития такого вида торговли); логистика и таможенные процедуры; регулирование электронных платежей при осуществлении трансграничных сделок; законодательная поддержка, включая определение ответственности интернет-посредников, обеспечение конфиденциальности при передаче данных, защита авторских прав, связанных с онлайн-контентом, налогообложение цифровых транзакций и другие. Для малого бизнеса серьезными проблемами остаются неопределенность в отношении цифровой идентичности покупателей и стоимость широкополосного доступа в Интернет [33, pp. 16-22].

Как отмечает российский ученый Н.А.Школяр, важнейшими из преград развития электронной коммерции и всего процесса цифровой трансформации латиноамериканских стран являются бедность значительной части населения и безграмотность среди коренных народов. В ряде стран ЛКА отсутствуют законы, способствующие созданию институциональной основы для внедрения и широкого распространения ИКТ, особенно в МСП, ощущается нехватка квалифицированных работников для адекватной поддержки цифровой трансформации [34].

Кризис, вызванный пандемией *COVID-19*, представляет собой новый сложный глобальный сценарий, характеризующийся экономическим и социальным коллапсом неожиданных масштабов. В новой реальности цифровые технологии оказались важными инструментами для смягчения экономических и социальных последствий кризиса. Требования самоизоляции в период пандемии ускорили переход к широкому применению новых технологий. Подключение к Интернету стало решающим фактором для работы и образования на дистанции, получения онлайн-услуг здравоохранения и торговли. Однако масштабы и эффективность использования преимуществ цифровизации в странах ЛКА по-прежнему обусловлены структурными и социально-экономическими факторами.

В целом по латиноамериканскому региону цифровая трансформация производственных процессов все еще находится на начальном этапе развития, что тормозит повышение производительности труда и негативно влияет на конкурентоспособность экономик. Страны ЛКА существенно уступают развитым государствам по таким показателям, как использование интернет-технологий в бизнес-процессах, организация цепочек поставок и продаж через цифровые каналы. Увеличивается и без того огромный разрыв в применении робототехники, технологий искусственного интеллекта, аддитивного производства и анализа данных. Кроме того, существуют межстрановые различия в плане доступа к цифровым технологиям, что усиливает социально-экономическую дифференциацию внутри ЛКА.

Освоению новейших интернет-технологий и запуску масштабного инновационного процесса в производственной сфере препятствует ряд факторов, связанных с особенностями хозяйственного развития и формирования модели инновационного развития в странах ЛКА. Как отмечается в коллективной работе ученых ИЛА РАН «Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки», в регионе сложилась «вторичная» и преимущественно ассоциативная, фрагментарная модель инновационного развития с обширными застойными зонами, где используются устаревшие или сравнительно новые, но уже выводимые из использования в развитых странах технологии в силу появления более производительных аналогов [35, с. 503].

Наибольших успехов в использовании преимуществ цифровизации производства, как правило, достигают крупные латиноамериканские компании, сотрудничающие с транснациональными корпорациями и интегрированные в глобальные производственно-сбытовые цепочки (например, автомобильная промышленность). В список лидеров по уровню цифровизации ожидаемо входят государственные компании горнодобывающей и нефтяной промышленности (Аргентина, Бразилия, Чили) и агробизнеса

(Бразилия), имеющие приоритетный доступ к финансированию и возможности разработки собственных и адаптации зарубежных технологий. При этом за рамками процесса цифровизации остается огромный массив латиноамериканских фирм, прежде всего МСП, имеющих ограниченные финансовые возможности, низкий уровень компьютерной грамотности сотрудников и работающих зачастую в неформальном секторе.

В заключение следует отметить, что государства ЛКА, прежде всего Аргентина, Бразилия, Мексика, Колумбия и Чили, обладают потенциальными возможностями по ускорению технологического обновления и проведению «новой цифровой революции», охватывающей экономические, экологические и социальные аспекты. Эти страны постепенно преодолевают инерцию догоняющего развития в сфере инновационной деятельности и начинают двигаться (хотя и с замедленной скоростью) в направлении формирования конкурентоспособной экономики, использующей преимущества цифровизации. Однако более полная реализация имеющихся возможностей остается пока под вопросом, по крайней мере в ближайшей перспективе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. UNCTAD. World Investment Report 2017: Investment and the Digital Economy. Geneva, 2017. 252 p. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf (accessed 20.12.2021).
2. Raúl Katz. El ecosistema y la economía digital en América Latina. Fundación Telefónica, Editorial Ariel, CEPAL. Madrid, 2015. 425 p. Available at: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/38916-ecosistema-la-economia-digital-america-latina> (accessed 25.02.2021).
3. Katz, R., Callorda, F. Accelerating the development of Latin American digital ecosystem and implications for broadband policy. *Telecommunications Policy*, Göteborg, 2017, pp. 661-681. doi.org/10.1016/j.telpol.2017.11.002
4. CAF. Hacia la transformación digital de América Latina y el Caribe: El Observatorio CAF del Ecosistema Digital. Caracas, 2017. 216 p. Available at: <https://scioteca.caf.com/bitstream/handle/123456789/1059/Observatorio%20CAF%20del%20ecosistema%20digital.pdf?sequence=7&isAllowed=y> (accessed 15.03.2021)
5. Ревина С.Ю., Чаварри Гальвес Д.П. Перспективы развития цифровой экономики в странах Латинской Америки. *Вопросы инновационной экономики*, М., 2021, № 2, сс. 849-868. [Revinova S.YU., Chavarri Gal'ves D.P. Perspektivy razvitiya cifrovoj ekonomiki v stranah Latinskoj Ameriki [Prospects for the development of the digital economy in Latin America]. *Voprosy innovacionnoj jekonomiki*, Moscow, 2021, N 2, pp. 849-868. (In Russ.).]
6. Смаль С.В. Государственная политика цифровизации в странах Латинской Америки. Опыт применения многомерных интегральных индексов на примере Бразилии. *Латинская Америка*, М., 2021, № 4, сс. 40-55. [Smal' S.V. Gosudarstvennaya politika cifrovizacii v stranah Latinskoj Ameriki. Opyt primeneniya mnogomernyh integral'nyh indeksov na primere Brazilii [State policy of digitalization in Latin America. Experience in the application of multidimensional integral indices on the example of Brazil]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2021, N 4, pp. 40-55. (In Russ.).]
7. Ермольева Э.Г. Влияние информационно-коммуникационных технологий на латиноамериканский рынок труда. Текущие изменения в формах занятости. *Латинская Америка*, М., 2021, № 4, сс. 7-22. [Ermol'eva E.G. Vliyanie informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij na latinoamerikanskij rynek truda. Tekushchie izmeneniya v formah zanyatosti. *Latinskaya Amerika* [The impact of information and communication technologies on the Latin American labor market. Current changes in forms of employment]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2021, N 4, pp. 7-22. (In Russ.).]
8. Стадник И.Т., Цветкова Н.Л. Место и роль стран Латинской Америки в системе международной и региональной кибербезопасности. *Латинская Америка*, М., 2021, № 4, сс.69-84. [Stadnik I.T., Svetkova N.L. Mesto i rol' stran Latinskoj Ameriki v sisteme mezhdunarodnoj i regional'noj kiberbezopasnosti [The place and role of Latin American countries in the system of international and regional cybersecurity]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2021, N 4, pp. 69-84 (In Russ.).]

9. Коваль А.Г. Перспективы развития цифровой экономики в Mercosur. *Латинская Америка*, М., 2020, №3, сс. 18-32. [Koval' A.G. Perspektivy razvitiya cifrovoj ekonomiki v Mercosur [Prospects for the development of the digital economy in Mercosur]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2020, N 3, pp. 18-32. (In Russ.).]
10. CAF. El estado de la digitalización de América Latina frente a la pandemia del COVID-19. Caracas, 2020, 40 p. Available at: <https://scioteca.caf.com/handle/123456789/1540> (accessed 15.03.2021).
11. CEPAL. Datos y hechos sobre la transformación digital: informe sobre los principales indicadores de adopción de tecnologías digitales en el marco de la Agenda Digital para América Latina y el Caribe, Santiago, 2021, 49 p. Available at: https://www.cepal.org/sites/default/files/publication/files/46766/S2000991_es.pdf (accessed 25.08.2021).
12. IMD. World digital competitiveness ranking 2021. Available at: <https://www1.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/> (accessed 25.12.2021).
13. ITU World Telecommunication/ICT Indicators Database 2021 (25th edition/December 2021). Available at: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/wtid.aspx> (accessed 02.01.2021).
14. CEPAL. Universalizar el acceso a las tecnologías digitales para enfrentar los efectos del COVID-19. Informe Especial COVID-19. Santiago, 2020. 27 p. Available at: https://www.cepal.org/sites/default/files/publication/files/45938/S2000550_es.pdf (accessed 23.03.2021).
15. Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям. Под общ. ред. В.М. Давыдова. М., ИЛИА РАН, 2022, 448 с. [Perspektiva ustojchivogo razvitiya. Apellyaciya k obshchemirovym i latinoamerikanskim realiyam [Perspective of sustainable development. Appeal to global and Latin American realities]. Moscow, ILA RAS, 2022, 448 p. (In Russ.).]
16. UNIDO. Industrial Development Report 2020. Industrializing in the digital age. Vienna, 2020. 228 p. Available at: <https://www.unido.org/sites/default/files/files/2019-12/UNIDO%20IDR20%20main%20report.pdf>. (accessed 25.03.2021).
17. Sanchez-Riofrio, A.M., Lupton, N.C., Rodríguez-Vásquez, J.G. Does market digitalization always benefit firms? The Latin American case. *Management Decision*. City of Bradford, 2021, Aug 23. Available at: <https://www.scinapse.io/papers/3193390595> (accessed 22.12.2021).
18. Dmitriy V. Razumovskiy, Yuri N. Moseykin. Digitalización en América Latina y oportunidades para empresas rusas. *Iberoamérica*, 2022, núm. 1, pp. 5-37.
19. ECLAC. Digital technologies for a new future. Santiago, 2021, 95 p. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/468171/S2000960_en.pdf (accessed 01.01.2022).
20. La transformación digital de Codelco se acelera con el nuevo CIO-E de Casa Matriz. Available at: https://www.codelco.com/transformacion-digital-de-codelco-se-acelera-con-el-nuevo-cio-e-de-casa/prontus_codelco/2020-12-02/004352.html (accessed 25.12.2021).
21. Агроаналитика. Система эффективного управления агропредприятием. [Agroanalitika. Sistema ehffektivnogo upravleniya agropredpriyatiem [Agroanalytics. The system of effective management of the agricultural enterprise]. (In Russ.). Available at: <https://smartagro.ru> (accessed 20.01.2022).
22. WTO. World Trade Statistical Review 2021. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2021_e/wts2021_e.pdf (accessed 05.01.2022).
23. OECD. Going Digital in Brazil, OECD Reviews of Digital Transformation. Paris, 2020. 248 p. Available at: <https://doi.org/10.1787/e9bf7f8a-en> (accessed 25.12.2021).
24. Plano Nacional de Internet das Coisas. Decreto nº 9.854, de 25 de junho de 2019. Available at: <https://www.gov.br/governodigital/pt-br/estrategias-e-politicas-digitais/plano-nacional-de-internet-das-coisas> (accessed 28.12.2021).
25. Mapa e MCTIC criam Câmara do Agro 4.0 para levar mais conectividade ao campo. *EMBRAPA, Notícias*, 16/08/19. Available at: <https://www.embrapa.br/busca-de-noticias/-/noticia/45785396/mapa-e-mctic-criam-camara-do-agro-40-para-levar-mais-conectividade-ao-campo> (accessed 25.12.2021).
26. Agricultura de Precisão é Mais Rentável e Reduz a Necessidade do Uso de Insumos. Ministério da Agricultura, Pecuária e Abastecimento. Brasília, 2019. Available at: <https://www.gov.br/agricultura/pt-br/assuntos/noticias/agricultura-de-precisao-e-mais-rentavel-e-diminui-necessidade-do-uso-insumos>
27. WEF. The Network Readiness Index 2020. Accelerating Digital Transformation in a post-COVID Global Economy. Available at: https://networkreadinessindex.org/wp-content/uploads/2020/11/NRI-2020-V8_28-11-2020.pdf (accessed 15.12.2021).

28. World Bank. Logistics Performance Index (2007-18). Available at: <https://lpi.worldbank.org/> (accessed 25.12.2021).
29. World Bank. Doing Business 2018. Available at: <https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf> (accessed 20.12.2021).
30. CAF, CEPAL. Las oportunidades de la digitalización en América Latina frente al Covid-19. Santiago, 2020, 36 p. Available at: https://scioteca.caf.com/bitstream/handle/123456789/1541/Las_oportunidades_de_la_digitalizacion_en_America_Latina_frente_al_Covid-19.pdf?sequence=5&isAllowed=y (accessed 19.07.2021).
31. Global Ecommerce Update 2021. Available at: <https://www.emarketer.com/content/global-e-commerce-update-2021> (accessed 05.01.2022).
32. Trading Economics. Mercado Libre. Available at: <https://ru.tradingeconomics.com/meli:us:market-capitalization> (accessed 05.01.2022).
33. Suominen K. El comercio digital en América Latina: ¿qué desafíos enfrentan las empresas y cómo superarlos? CEPAL, serie Comercio Internacional, N 145. Santiago, 2019, 49 p. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/44976/1/S1900842_es.pdf (accessed 25.12.2021).
34. Школяр Н.А. Цифровая трансформация Латинской Америки. РСМД, 21 марта 2022. [Shkolyar N.A. Tsifrovaya transformatsiya Latinskoy Ameriki [Latin America's Digital Transformation]. RIAC, March 21, 2022. (In Russ.). Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovaya-transformatsiya-latinskoy-ameriki/> (accessed 25.03.2022).
35. Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. Отв. ред. Симонова Л.Н. М., ИЛА РАН, 2017, 552 с. [Vozmozhnosti i predely innovatsionnogo razvitiya Latinskoy Ameriki [Opportunities and Limits of Innovative Development in Latin America], Moscow, ILA RAS, 2017, 552 p. (In Russ.).

Ludmila N.Simonova (ludmila-simonova@yandex.ru)

Ph.D. (Economic Sciences), Head of the Center for Economic Research of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences

B. Ordynka str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Digital transformation of the Latin American economy

Abstract. The article is devoted to the analysis of the results of digital transformation in the countries of Latin-Caribbean America (LCA) over the past 15 years. Particular attention is paid to the formation of digital ecosystem and identification of problems faced by the countries of the region in the digitalization of production processes. Despite some successes achieved in recent years and a sharp increase in demand for digital platforms and online services during the COVID-19 pandemic, progress towards the digital economy of the LCA countries is delayed, and the scale and effectiveness of using its advantages in the production sector are due to structural and socio-economic factors. There are cross-country differences in terms of access to digital technologies, which increase the differentiation within the LCA. Limited opportunities for financing small and medium-sized businesses, a low level of computer literacy, and the presence of an extensive informal sector remain a serious obstacle.

Key words: digital economy, concept of digital ecosystem, digital competitiveness, digital platforms.

DOI: 10.31857/S0044748X0019913-3

Received 20.01.2022.

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Л.В.Дьякова

Социальная политика в период *COVID-19*: латиноамериканские подходы

В период распространения в регионе *COVID-19* латиноамериканские государства начали проводить политику срочных мер поддержки, осуществление которой должно было предотвратить социальную катастрофу, грозившую самым уязвимым категориям населения. В каждой стране данная политика имела свои особенности, в ее рамках предлагались те или иные механизмы реагирования. В статье рассматриваются как общие подходы, так и конкретные стратегии ряда латиноамериканских государств, отмечаются специфика и факторы, повлиявшие на формирование той или иной модели. Выделяется преобладавшая тенденция к наиболее дифференцированной оценке уязвимых и нуждающихся социальных групп, к выявлению их потребностей и рисков, повышению адресности применяемых мер.

Ключевые слова: Латинская Америка, *COVID-19*, политика срочной социальной помощи, бедность.

DOI: 10.31857/S0044748X0019914-4

Статья поступила в редакцию 03.01.2022.

Пандемия *COVID-19* имела катастрофические социальные последствия в Латинской Америке. Системы здравоохранения большинства стран региона, в работе которых и в спокойный период были серьезные проблемы, оказались бессильны перед новыми, непредвиденными вызовами. Кризис охватил и сферу образования: стали очевидны такие проблемы, как недостаток компьютеров, низкий уровень доступа к дистанционному обучению для детей и молодежи из уязвимых социальных групп, общее ухудшение их уровня жизни в условиях пандемии. В ситуации, когда государства региона ввели карантинные меры, остановили или сократили деятельность ряда важнейших отраслей экономики, а также роста безработицы и падения неформального сектора, на систему социальной защиты легла огромная нагрузка. Если в 2019 г. общее количество бедных составляло 30,5%

Людмила Владимировна Дьякова — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, Б.Ордынка, 21/16, diakova65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3684-4523>).

(187 млн), а исключительно бедных (нищих) — 11,4% (70 млн), то в 2020 г. число бедных возросло до 33% населения (204 млн жителей), впервые за два десятилетия превысив критическую для региона отметку в 200 млн человек. При этом количество латиноамериканцев, находившихся в ситуации крайней бедности (или нищеты — *extrema pobreza*), составило 13,1% (81 млн человек) [1, pp. 67-68].

В плане оценки общей бедности приведенные выше показатели в процентном отношении близки к тем, которые фиксировались в 2009—2010 гг., а в отношении нищеты напоминают цифры, которые фиксировались в начале 2000-х годов. В численном выражении данные, отражающие уровень крайней бедности, оказалась даже хуже, чем это было в 1990 г. и в 2002 г.: тогда в состоянии нищеты жили 64 млн и 62 млн человек, соответственно, а в 2020 г. — 81 млн человек. Несмотря на то, что расчеты, приводимые экспертами Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибов (ЭКЛАК) по 2021 г., свидетельствуют о некотором сокращении общей бедности (до 32%), уровень крайней бедности все равно возрос до 13,8% (86 млн человек) [1, pp. 68-69]. Это означает, что по важнейшему направлению социальной политики, связанному с необходимостью решения фундаментальной задачи преодоления бедности и нищеты, страны региона вернулись на позиции первых лет XXI в., предшествовавшие «золотому десятилетию» 2003—2013 гг. — периоду, который характеризовался высокими темпами экономического роста и значительными достижениями в социальном развитии, прежде всего, масштабным и, как представлялось тогда, необратимым сокращением числа бедных.

Многостороннее влияние пандемии COVID-19 на Латинскую Америку, включая политические последствия, реакцию национальных экономик, санитарные меры и механизмы государственного реагирования в различных сферах общественного развития, анализировали российские и зарубежные авторы [2; 3]. В отечественной латиноамериканстике причины глубокой экономической рецессии и комплекс нерешенных проблем политико-управленческого характера, приведший к масштабному негативному эффекту пандемии, контуры новой модели на основе структурной перестройки бизнеса, исследовал Петр Павлович Яковлев [4]; возросшее влияние информационных технологий на формирование рынка труда — Элеонора Георгиевна Ермольева [5]; специфику подходов государств Общего рынка стран Южного конуса (*Mercado Común del Sur, Mercosur*) — Анна Дмитриевна Щербакова [6]. Были отражены и другие аспекты: в частности, рассматривалось участие гражданского общества, практики социальной солидарности, особенно востребованные в периоды изоляции и карантина [7]. Зарубежные, в том числе латиноамериканские, исследователи уделяли приоритетное внимание таким проблемам, как высокий уровень социального неравенства, непреодоленный за предшествующий период [8; 9], ухудшающееся положение беднейших и наиболее уязвимых групп населения, коренных народов [10], различные низовые инициативы взаимопомощи и борьбы с COVID-19 [11], отмечая при этом серьезные просчеты в работе властей в важнейших сферах общественного развития и недостаточность мер, принимаемых правительствами.

Вместе с тем, наряду с заметно возросшей активностью негосударственных структур, бизнеса, нацеленного на поиск новых, высокотехнологичных инструментов развития, и организаций гражданского общества, во время пандемии возникла и другая тенденция, связанная с усилением роли государства. В процессе локдаунов и ухудшения ситуации, связанной с распространением *COVID-19*, правительства латиноамериканских стран разработали политику срочной помощи, применение которой должно было предотвратить социальную катастрофу и поддержать самые уязвимые категории населения. В отличие от исследований, авторы которых сконцентрировали свое внимание на критике результатов государственной политики в социальной сфере, тема возросшей социальной ответственности государства в период пандемии пока слабо представлена в научной литературе.

Несмотря на общие проблемы и задачи, стоявшие перед каждой страной региона, политика срочной помощи имела особые характеристики, связанные, в частности, с разными способами реагирования, рассмотрение которых представляет определенный научный интерес, дополняет представления о пандемийной и постпандемийной реальности Латинской Америки. Автор не ставил цели рассмотреть все латиноамериканские государства и все аспекты направлений социальной поддержки (в том числе такие «сквозные» темы, как помощь мигрантам и беженцам, коренным народам, женщинам, и т.д.). Основными задачами данной статьи являются: анализ конкретных мер срочной помощи, принятых в целях поддержки граждан в некоторых странах, общих тенденций и характерных особенностей в формировании социальной политики нового этапа; определение степени влияния различных факторов, включая сложившуюся традицию и политико-идеологическую ориентацию действующих президентов и правительств, на принятие соответствующих мер. Автор опирается на методы сравнительного анализа и комплексный системный подход, позволяющий рассматривать взаимосвязь социальных и политических явлений, а также общерегиональные тенденции и их специфические национальные проявления.

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

В новых условиях традиционный для всего предшествовавшего десятилетия подход, связанный с «относительным» многофакторным пониманием бедности как особого образа жизни, влияющего не только на конкретного человека, но и на все его окружение, стремительно терял актуальность [12]. Ориентация социальной политики на повышение качества человеческого капитала, на преодоление социокультурного и психологического неравенства, связанного с недоступностью качественного образования и здравоохранения, с невозможностью пользоваться широким спектром услуг, являющихся нормой для других в данном обществе, уступила место стратегии поддержания уровня жизни, необходимого для простого физического существования. Снова, как и в 1990-е годы, возрастала роль «абсолютного», рационально-инструментального подхода к определению бедности, значение формальных характеристик и цифр и вместе с тем усиливалось стремление госструктур ряда стран к максимально дифференцированной, детализированной оценке положения нуждающихся групп населения,

выявлению их особых потребностей и рисков, повышению адресности применяемых мер.

Характерным общим трендом 2020 г. явилось существенное возрастание социальных расходов латиноамериканских государств по сравнению с 2019 г. Эта тенденция была особенно заметна в Аргентине, Бразилии, Боливии, Доминиканской Республике, Чили, Колумбии, Перу, Сальвадоре. При этом затраты непосредственно на социальную защиту населения везде имели первостепенное значение, а в Аргентине и Бразилии приблизились к 80% от всех государственных трат, направляемых на общественное развитие, и намного превысили расходы на образование и здравоохранение. В других странах распределение было более равномерным; тем не менее роль социальной поддержки бедных и уязвимых групп оставалась приоритетной.

ОБЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РАСХОДЫ РЯДА ГОСУДАРСТВ РЕГИОНА И ИХ ЦЕЛЕВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Страна	Социальные расходы в % от ВВП		Целевое распределение социальных расходов в 2020 г. (в % от общих социальных расходов государства)				
	2019 г.	2020 г.	Соц. защита	Образование	Здраво-охранение	Жилье	Другое
Аргентина	13,0	17,2	83,0	7	7,2	2,5	0,4
Боливия	12,4	15,6	40,9	39,5	16,7	2,9	0
Бразилия	17,3	22,5	77,5	9,6	11,9	0,4	0,7
Чили	17,3	20,2	40,2	26,8	29,9	1,7	1,3
Колумбия	12,5	15,5	48,3	23,5	24,8	2,0	1,4
Коста-Рика	12,0	12,3	37,4	54,8	5,6	0,5	1,8
Эквадор	10,5	11,7	34	35,7	23,4	4,7	2,2
Мексика	9,2	10,4	43,1	33,1	11,9	10,5	1,4
Перу	11,0	13,4	31,4	30,3	25,3	3,5	9,5
Сальвадор	8,5	13,8	46,7	28,9	22,0	1	1,4
Доминиканская Республика	7,7	12,3	38,6	37,5	18,6	3,4	2
Уругвай	16,2	16,7	46,0	27,9	21,9	2,9	1,3

Источник: CEPAL. Panorama social de América Latina, 2021. Santiago de Chile, 2022, p. 204.

Некоторые исследователи отмечают, что латиноамериканские страны, имевшие значительные временные преимущества в самом начале пандемии, не смогли их использовать и создать адекватные механизмы реагирования, прежде всего в рамках системы здравоохранения [2, с. 10]. Вместе с тем изучение ряда примеров показывает, что в дальнейшем, принимая многочисленные и разнонаправленные вызовы COVID-19, большинство государств региона стремились ориентироваться на социальную и экономическую реальность, действовать на основе конкретных национальных условий, формировать наиболее адекватную политику срочной социальной помощи, значение которой нельзя недооценивать. Характерными примерами стран, применявших различные стратегии этой социальной помощи, явля-

ются Аргентина, Боливия, Чили, Перу, Сальвадор, Бразилия, Уругвай, Коста-Рика, Доминиканская Республика и Эквадор. Предложенные ниже обобщающие подходы в значительной мере условны: обозначая преобладающие тенденции, они позволяют выделить две группы национальных моделей, но не фиксируют границы, жестко отделяющие одну стратегию от другой.

АДРЕСНЫЙ, ВЫСОКОДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД

Аргентина

В 2020 г. в стране, население которой составляло около 45,8 млн человек, левоцентристское правительство Альберто Фернандеса (2019 — н/в) приняло ряд программ поддержки широкой социальной направленности. Для беднейших семей вводилось «Срочное семейное пособие» (*Ingreso Familiar de Emergencia*). Оно было рассчитано на домохозяйства, потерявшие источники дохода, связанные с неформальной занятостью, но не являющиеся бенефициарами других программ (в том числе не имеющие постоянного пенсионного обеспечения, за исключением детских пособий). Ежемесячные выплаты составляли около 92 долл. на одного из членов семьи [13]*. В марте 2022 г. семьи умерших от COVID-19, уровень жизни которых оказался на грани бедности, получили право на минимальную ежемесячную пенсию.

Комплексная программа поддержки малого и среднего бизнеса в чрезвычайных условиях (*Programa de Asistencia de Emergencia al Trabajo y la Producción*) была нацелена на формальных трудящихся, занятых в частном секторе и потерявших работу в период локдауна, а также мелкие и средние предприятия, деятельность которых пострадала от тяжелых последствий «санитарного кризиса». В программе (в зависимости от категории нуждающихся) были предусмотрены разнообразные меры: ежемесячные денежные выплаты потерявшим доход работникам (в размере от 55 до 92 долл.), льготные кредиты и отсрочку платежей для предпринимателей. Только в мае 2020 г. такую поддержку получили 230 тыс. предприятий (охватывавшие до 2,3 млн работников), в июне 2020 г. — 217 тыс. предприятий (1,9 млн работников) [14]. Программа целенаправленной срочной помощи микропредприятиям, оказавшимся в критическом положении (*Programa de Asistencia de Emergencia a Sectores críticos*), предоставляла единовременную выплату до 203,6 долл. владельцам малого бизнеса (с количеством работников не более пяти человек) и индивидуальным предпринимателям, работавшим в наиболее пострадавших секторах экономики (сфере туризма и гостиничного бизнеса, культуры, фитнес-индустрии, дополнительного образования) [15]. В процессе продления карантинных мер и ухудшения экономической ситуации денежные выплаты производились неоднократно.

* Выплаты пособий даны в долларах, а не в национальных валютах. Курс доллара по отношению к национальным валютам рассматриваемых стран соответствует концу марта 2022 г.

Государственный подход, применявшийся в Аргентине, был нацелен на поддержку малого и среднего бизнеса и неформального сектора, наиболее пострадавших отраслей экономики, а также бедных семей, потерявших средства к существованию.

Боливия

Пандемия совпала с периодом краткого президентства Жанин Аньес (2019—2020), деятельностью временного правительства, близкого правому центру, и высокой степенью политической турбулентности. Рост заболеваемости COVID-19, отмечавшийся с середины марта 2020 г. (когда были объявлены чрезвычайное положение и один из самых строгих локдаунов в регионе), привел к глубокому кризису всей системы здравоохранения, ярко высветив нерешенные проблемы, низкое качество инфраструктуры, неравенство в доступе к жизненно необходимым услугам [16].

Срочная поддержка 12-миллионного населения страны в условиях тяжелых социальных и экономических обстоятельств состояла в диверсифицированной помощи правительства, оказанной наиболее уязвимым группам населения, в форме выплаты единовременных пособий (апрель-май 2020 г.). Основными типами этих пособий являлись следующие:

— «семейная корзина» (*Canasta Familiar*) [17] — выплаты (в размере около 58 долл.) пожилым людям, получающим только социальную пенсию в рамках солидарной пенсионной системы (*Renta Dignidad*), а также инвалидам, беременным женщинам и женщинам с детьми до двух лет, включенным в действующую с 2009 г. общенациональную программу «Бонус Хуаны Асурдуй» (*Bono Juana Azurduy*)*;

— «семейный бонус» (*Bono Familia*) — выплаты семьям с детьми младшего школьного возраста и начальных ступеней средней школы в государственных и частных учебных заведениях (в размере 72,5 долл.) [18].

В рамках программ *Canasta Familiar* и *Bono Familia* помощь за 2020 г. получили более 2,5 млн семей, или около 7 млн жителей [17].

Кроме того, применялись и другие меры поддержки, в частности, «Универсальный бонус» (*Bono Universal*), предусматривавший выплаты (в размере около 72,5 долл.) всем жителям от 18 до 59 лет, включая военнослужащих, в том числе потерявшим работу или доход в условиях локдауна и не получавшим другие пособия и пенсии [19]. Помощь начали оказывать в мае 2020 г. и продолжили в 2021 г., охватив более 3 млн человек [20]. В период строгого карантина правительство Ж.Аньес объявило об отсрочке банковских платежей и обязалось полностью субсидировать оплату за газ, электричество и воду для семей с минимальным уровнем потребления (при более высоких показателях потребления субсидировать от 50 до 30%), а также ввело запрет на отключение этих услуг [17].

Новый президент-левоцентрист Луис Арсе (ноябрь 2020 — н/в) ввел программу «Пособие против голода» (*Bono contra el Hambre*), которая

* Программа предусматривала регулярные выплаты за плановые медицинские осмотры, роды в условиях стационаров и посещения детского врача.

предусматривала поэтапные, с ноября 2020 г. до конца мая 2021 г., единовременные выплаты (в размере 145 долл.) боливийцам от 18 до 59 лет, потерявшим работу в государственном или частном секторе экономики, не имеющим пенсий или других пособий [21]. Этой формой поддержки было охвачено более 4 млн человек.

В целом в программу национального развития Л.Арсе, нацеленную на осуществление мер по активизации национальной экономики, входили обещания покончить с крайней бедностью к 2025 г., развивать программы занятости для молодежи, содействовать большему включению женщин в рынок труда, создавать лучшие условия труда для мелких и средних предпринимателей, формировать новые формы социальной помощи уязвимым семьям, занятым традиционной агрикультурой в сельской местности, инвалидам, пожилым людям, женщинам — главам домохозяйств. В условиях пандемии правительство было намерено продолжить практику выплаты единовременных пособий, а также субсидий на жилищно-коммунальные услуги в наиболее бедных городских и сельских районах наряду с общим улучшением инфраструктуры в этой сфере (обеспечение водоснабжения, канализации, электричества, строительство жилья).

Общий подход боливийских властей характеризовался высокой степенью адресности программ, стремлением к диверсификации, выявлением наиболее пострадавших и нуждающихся в помощи социальных групп.

Чили

Меры, принимаемые правоцентристским правительством Себастьяна Пиньеры (2018—2022 гг.) в условиях сложных политических процессов, происходящих в стране после подъема массового протестного движения октября-ноября 2019 г., касались поддержки наиболее уязвимых категорий населения. В 2020 г. вводилась ежемесячная выплата «чрезвычайного бонуса против COVID-19» (*Bono de Emergencia COVID-19*) беднейшим семьям (около 64 долл. на домохозяйство), детям и подросткам из наиболее уязвимых социальных групп, пенсионерам и инвалидам, получающим минимальные пенсии (около 64 долл. на человека) [22]. В 2021 г. эти выплаты были увеличены в два раза и охватили, в том числе, более широкие группы пенсионеров.

Предусматривалась также и целенаправленная поддержка среднего класса: выплата единовременных пособий работникам, индивидуальным предпринимателям, владельцам малого бизнеса, чьи доходы упали как минимум на 20% в результате локдауна и других последствий пандемии (около 643 долл.) [23]; трехкратное разрешение вывести с индивидуальных пенсионных счетов до 10% накоплений; льготные кредиты для малого бизнеса; поддержка работников общественного транспорта, в том числе водителей автобусов, простаивавших в период карантина (неоднократные выплаты до 643 долл. на человека). Эта помощь, охватившая от 60% (2020 г.) до 80% (2021 г.) пострадавших домохозяйств и 10,4 млн человек [23] (при населении Чили в 19,4 млн жителей), не могла полностью компенсировать тяжелую экономическую ситуацию, сложившуюся в стране, но существенно улучшила отношение к правительству С.Пиньеры широких слоев населения. Осуществлялись также выплаты для поддержки формального секто-

ра экономики. Так, подписавшие рабочий контракт с августа 2021 г. имели право в течение четырех месяцев получать субсидию: повышенную (в среднем около 321 долл.) — женщины, молодежь, инвалиды и люди старше 55 лет; несколько меньшую — мужчины (около 257 долл.) [24].

Для подхода, применявшегося чилийскими властями, были характерны не только диверсификация и адресность социальной поддержки, но и целенаправленное внимание к проблемам среднего класса, микро-, малого и среднего бизнеса, различных профессиональных групп, не относящихся к бедным слоям, но пострадавшим от локдауна и падения экономики.

Перу

В Перу (численность населения — 33,7 млн человек), где пандемия проходила очень тяжело, срочная денежная помощь (*Bono de Emergencia*) оказывалась в виде выплат четырех типов [25], рассчитанных на домохозяйство целиком, хотя получателем являлся только один из членов семьи. Осуществление программы было начато в 2020 г. правоцентристским правительством Мартина Вискары (2018 г. — импичмент 10 ноября 2020 г.) и частично продолжено в 2021 г. при президентах Франсиско Сагасте (17 ноября 2020 г. — 28 июля 2021 г.) и Педро Кастильо (28 июля 2021 г. — н/в).

1. Пособие «Я остаюсь дома» (*Yo me quedo en casa*) — денежные выплаты семьям, живущим в бедности и нищете; в 2020 г. предусматривалось две выплаты (в размере 102 долл.). Это пособие распространялось на семьи, включенные, в том числе, и в другие меры социальной поддержки.

2. «Независимый бонус» (*Bono Independiente*) — выплата независимым работникам, оказавшимся на грани бедности, но не подпадавшим ни под какие другие социальные программы; в 2020 г. предусматривалось две выплаты (в размере 102 долл.).

3. «Сельскохозяйственный бонус» (*Bono Rural*) — единовременная выплата в размере около 204 долл. в 2020 г. семьям, проживающим в сельской местности и не включенным в другие программы помощи.

4. «Универсальный семейный бонус» (*Bono Familiar Universal*) — единовременная выплата в размере около 204 долл. в 2020 г. семьям, оказавшимся в критическом положении из-за экономических последствий локдауна, но также не включенным в другие программы помощи.

В процессе развития кризиса к перечисленным выше мерам были добавлены следующие:

— субсидии и льготы по аренде предприятиям частного сектора; предусматривался бонус в 35% от минимальной оплаты труда, направленный на сохранение минимальной заработной платы сотрудников (на уровне около 402 долл. в месяц) и предотвращение увольнений (подобные меры в плане поддержки предпринимателей были приняты и в Эквадоре);

— *Bono-600* — выплата 600 перуанских солей (около 161 долл.) семьям в регионах и провинциях страны, попавшим в экстремальную ситуацию в результате второй волны COVID-19 (2021 г.) [26].

Использовались и другие варианты поддержки. Например, перуанское министерство культуры оказывало помощь некоторым работни-

кам данной сферы и небольшим коллективам, деятельность которых была приостановлена.

Таким образом, в Перу срочная помощь предоставлялась не только беднейшим группам населения, которые уже получали социальные пособия, но и неформальным работникам, самозанятым, индивидуальным предпринимателям, не включенным в другие программы. Социальная поддержка отличалась высоким уровнем дифференциации и касалась микропредприятий и малого бизнеса, особенно в туристической отрасли, производителей и продавцов сувениров и печатной продукции, гидов, уличных торговцев, чистильщиков обуви в туристических центрах, а также владельцев и работников небольших кафе, в том числе тех категорий населения, которые ранее не получали никаких социальных пособий и льгот.

Сальвадор

К типу стран с относительно высокой детализацией политики срочной социальной помощи относится и Сальвадор, население которого в 2021 г. составило 6 830 млн человек. Правительство правого популиста Найиба Букеле (2019 г. — н/в) уже в марте-апреле 2020 г. приняло пакет мер, в число которых входили: выплаты единовременных пособий в размере 300 долл. на семью, охватившие 75% домохозяйств страны; приостановка (на три месяца) оплаты платежей за коммунальные услуги, телефон и Интернет; заморозка платежей по ипотечным и крупным потребительским кредитам, а также кредитным картам. В апреле 2020 г. было заключено соглашение с крупным бизнесом о предоставлении продуктов питания на 1 млрд долл. для 1,7 млн нуждающихся семей. Особую поддержку (в виде льготных кредитов на 600 млн долл.) получали предприятия малого и среднего бизнеса, а также неформальный сектор экономики (субсидии на 90 млн долл.). Часть денежных средств была выделена Межамериканским банком развития, высоко оценившим усилия правительства страны [27, р. 14]. В октябре 2021 г. Н.Букеле объявил благодарность и вручил премии (500 долл.) всем будущим медсестрам и медбратьям, а также студентам-медикам, работавшим в пандемию в системе социальной службы [28].

«УНИВЕРСАЛИСТСКИЙ», СЛАБОДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД

Бразилия

В 2020 г. государственная поддержка населения (216 млн) была ориентирована на выплату «срочных бонусов» — *Bono de emergencia* — неформальным работникам, потерявшим источники дохода, безработным из формального сектора, и в среднем достигала 56 долл. в месяц [27, р. 13]. В 2021 г. ежемесячные выплаты стали более дифференцированными и составили от 26,5 до 66,3 долл.: максимальные суммы получали женщины — главы домохозяйств с несовершеннолетними детьми (около 9,3 млн), наименьшие предоставлялись одиноким работникам. В целом охват насе-

ления «срочными бонусами» в 2021 г. составил 45,6 млн человек; в более тяжелом 2020 г. это число было на 22 млн больше [29].

Во время пандемии семьи, живущие в бедности и включенные в действующую с 2003 г. масштабную программу «Семейное пособие» (*Bolsa Familia*) со средней выплатой 35 долл. в месяц, получали дополнительную помощь. В конце 2021 г. правительство правого консерватора Жаира Болсонару (2019 — н/в) заявило о замещении программы *Bolsa Familia* на новую — «Помощь-Бразилия» (*Auxilio Brasil*) с охватом в 14,5 млн семей на первом этапе (со средними выплатами в 41 долл.) и последующим распространением еще на 17 млн семей с перспективой — на 50 млн бразильцев (средние ежемесячные выплаты — в 73 долл.) [30].

Социальная поддержка, оказанная пострадавшим от COVID-19, в данном случае была тесно связана с реализацией общих программ, направленных на борьбу с бедностью, в которых, по мнению экспертов, усиливался фактор «выполнения условий» (так называемых *transferencias condicionadas*), характерный для предшествующего периода социальной политики [12]. Так, например, в рамках новой программы *Auxilio Brasil*, которая формально является продолжением *Bolsa Familia*, предусмотрено включение в число бенефициаров не просто безработных, а тех глав домохозяйств, кто стремится получить или уже имеет низкооплачиваемую работу, с доходом, недостаточным для преодоления бедности [30].

Таким образом, для Бразилии был характерен более общий, «универсалистский», недетализированный подход борьбы с последствиями пандемии, нацеленный на бедные группы общества в целом, без серьезной дифференциации наиболее уязвимых и пострадавших категорий населения.

Уругвай

Ситуацию в Уругвае (население — 3,5 млн человек) в значительной степени определила развитая система социальной защиты в сочетании с высоким уровнем государственных расходов, направляемых на общественные нужды, а также низкий уровень бедности, достигнутый к последнему предпандемийному году (3% населения) [1, p. 89]. Влияние этих факторов продолжалось и в период пандемии, а меры, предпринимаемые правительством Луиса Лакалье Поу (2020 — н/в), лидера коалиции правых партий, в значительной степени были связаны с распространением уже действующих программ социальной защиты на более широкие слои населения (доступность пособий для потерявших работу и работников с частичной занятостью; сохранение медицинских страховок; сохранение 70% основной зарплаты для людей старше 65 лет, вынужденных прекратить работу в период карантина) [27, p. 15]. Беднейшие домохозяйства продолжали получать помощь в рамках принятой ранее программы «Социальная карточка-Уругвай» (*Tarjeta Uruguay Social*), предусматривающей льготное приобретение продуктов питания и товаров первой необходимости. В качестве срочной кратковременной меры вводилось и распределение продовольственных продуктов среди наиболее нуждающихся групп [31]. Меры поддержки малого и среднего бизнеса, наиболее пострадавшего во время локдауна (кафе, баров, ресторанов, туристических агентств), включали облегчение условий кредитования и налоговые льготы.

Коста-Рика

В Коста-Рике (население — 5,23 млн) с апреля 2020 г. действовал предложенный правительством левоцентриста Карлоса Альварадо (2018 — н/в) и быстро одобренный парламентом «План защищать» (*Plan Proteger*). Он был направлен на группы населения, потерявшие работу или испытывавшие резкое падение доходов в результате пандемии, в том числе на тех, чьи предприятия приостановили работу, сократили рабочее время (на 50% и более), а также на владельцев малого бизнеса, работников неформального сектора и сезонных рабочих. Денежные выплаты, временный и срочный характер которых был обозначен в самом начале пандемии, составляли около 220 долл. и осуществлялись в течение трех месяцев ежемесячно. Выплатами единовременных пособий — «защитных бонусов» (*Bono Proteger*) — в итоге были охвачены более 696 тыс. человек по всей стране [32]. В 2021 г., несмотря на наличие, по данным министерства труда Коста-Рики, более миллиона новых заявлений на предоставление выплат, правительство объявило об отсутствии ресурсов на продление этой программы [33].

Опора на сложившуюся развитую систему социальной защиты и ориентация на предоставление помощи всем нуждающимся, без особой детализации целевых групп, позволяют отнести подходы и уругвайских, и коста-риканских властей ко второму типу антикризисного реагирования.

Доминиканская Республика

Основной мерой срочной социальной помощи, предложенной левоцентристским правительством, стала программа «Оставайся дома» (*Quédate en casa*), направленная на 1,5 млн жителей из наиболее уязвимых социальных групп, особенно связанных с неформальным сектором экономики (при населении страны в 10,5 млн человек). Каждый день 45 тыс. семей получали продукты питания на девять дней; отдельно продовольственную поддержку получали учащиеся и дети до пяти лет (в детских садах). Главам домохозяйств, потерявшим работу в период локдауна, помимо общего пособия по бедности (92 долл.), выплачивалось дополнительное ежемесячное пособие (37 долл.). Эту помощь получили 350 тыс. семей [34]. Несмотря на сложную экономическую ситуацию и первоначально предполагавшуюся кратковременность действия программы, она осуществлялась с апреля 2020 по апрель 2021 г. Кроме того, был расширен масштаб постоянно действующей в стране социальной программы «Главное — еда» (*Comer es primero*), предусматривающей льготное приобретение продуктов питания по специальной социальной карточке: за время пандемии к этой программе подключились еще 800 тыс. семей [34]. Характерной особенностью доминиканского варианта социальной помощи явилось сочетание мер широкой денежной поддержки и целевого массового распределения продуктов питания среди уязвимых групп населения.

Эквадор

Тактика срочных единовременных пособий стала преобладающим способом реагирования на вызовы пандемии властей Эквадора, где проживают

17,8 млн жителей. «Бонус семейной защиты» (*El Bono de Protección Familiar*) предполагал единовременную денежную выплату в размере 120 долл., рассчитанную на наиболее пострадавшие в результате пандемии группы населения, прежде всего семьи, оказавшиеся в крайне тяжелом материальном положении из-за потери работы или других источников дохода. В течение 2020—2021 гг. около 480 тыс. семей стали реципиентами этой помощи. Одним из условий получения выплаты являлось отсутствие поддержки, оказываемой в рамках других социальных программ, действие которых стало распространяться еще на 450 тыс. человек [35]. Кроме того, эволюционировавшее к центру правительство Ленина Морено (2017—2021 гг.) санкционировало единовременную выплату беднейшим семьям «Бонуса продовольственной поддержки» (*Bono de Apoyo Nutricional*) (240 долл.). В 2021 г. эта мера была продолжена новым президентом-неолибералом Гильермо Лассо (2021 — н/в); при этом подчеркивался ее чрезвычайный и однократный характер [36]. Важной формой социальной помощи стала отсрочка платежей по коммунальным услугам, а также по оплате мобильных телефонов и Интернета в случае тяжелого экономического положения пользователей. Предусматривалась и определенная поддержка предпринимателей, которые, как и в Перу, получали субсидии для выплаты минимальных зарплат работникам и льготы по аренде площадей. Систему оказания помощи гражданам во время пандемии (которая протекала в стране крайне тяжело), использованную в Эквадоре, отличают низкий уровень детализации принятых мер и исключительно ограниченный формат, что выделяет эту модель как из первой, так и из второй группы стран.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что благодаря социальной помощи (главным образом в форме целевых кратковременных программ, единовременных пособий или расширения инструментов минимального соцобеспечения), которую оказывали правительства латиноамериканских стран, были поддержаны самые уязвимые, наиболее пострадавшие от пандемии и карантинных мер группы населения, относившиеся как к беднейшим слоям, так и к среднему классу. Меры поддержки были направлены на малый и (частично) средний бизнес; индивидуальных предпринимателей; неформальных работников, в том числе уличных торговцев; производителей сувениров и других, занятых в сфере услуг и туристическом секторе (особенно это проявилось в Боливии и Перу); владельцев и работников небольших кафе; водителей прекратившего работу общественного транспорта (в Чили); официальных безработных, семьи с детьми, оказавшиеся в критической ситуации; женщин, возглавлявших обедневшие домохозяйства. Общей чертой, характерной для большинства стран региона, стала прямая и безусловная поддержка, оказанная правительством неформальному сектору экономики. Несмотря на определенные различия, эта помощь везде носила временный характер, представляла собой частичные компенсации и являлась отступлением от комплексной социальной стратегии предыдущего периода.

Вопрос об эффективности и результатах примененных мер является наиболее сложным, требующим особого рассмотрения в каждом конкрет-

ном случае. Несмотря на приложенные усилия, в 2020 г. уровень бедности повысился во всех рассматриваемых странах, за исключением Бразилии (где наблюдалось ее сокращение на 1,8%). Минимальным было увеличение количества бедных в Сальвадоре (на 0,3%). В то же время, как отмечают эксперты ЭКЛАК, если бы программ чрезвычайной помощи не было, общая бедность в каждой стране региона за тот же период возросла в среднем на 2,9 % по сравнению с зафиксированными показателями, а нищета увеличилась бы еще на 1,8 %, соответственно [1, р. 73].

КОЛИЧЕСТВО БЕДНЫХ И НИЩИХ В РАССМАТРИВАЕМЫХ СТРАНАХ (согласно подсчетам экспертов ЭКЛАК, в %)

Страна	Нищета		Общая бедность	
	2019 г.	2020 г.	2019 г.	2020 г.
Аргентина	4,2	6,3	27,2	34,3
Боливия	12,1	13,5	31,0	32,3
Бразилия	5,8	5,1	20,2	18,4
Чили	1,4	4,5	10,7	14,2
Коста-Рика	3,4	4,0	16,5	19,4
Эквадор	7,6	10,8	25,7	30,6
Перу	3,0	8,6	15,4	28,4
Сальвадор	5,6	8,3	30,4	30,7
Доминиканская Республика	3,9	5,6	19,0	21,8
Уругвай	0,1	0,3	3,0	5,0

Источник: CEPAL. Panorama social de América Latina, 2021. Santiago de Chile, 2022, p. 89.

Вместе с тем эффективность государственной политики в условиях исключительной нагрузки на все социальные системы не должна оцениваться только в цифрах: ее значение состоит и в том, каковы были формы реагирования властей на возникавшие проблемы, и в разработке комплекса мер, которые могут быть востребованы в будущем, а также — в безусловном признании государством своей ответственности за предотвращение наиболее тяжелых последствий. При наличии общих моментов (ограниченно-компенсаторном характере, ориентации на поддержку низших слоев и наиболее уязвимых категорий среднего класса) в социальной стратегии «ковидного» этапа определилось два преобладающих подхода: высокодифференцированный, адресный, в рамках которого выделялись специфические риски и потребности определенных целевых групп (это наглядно проявилось в Боливии, Перу, Чили, Сальвадоре и Аргентине), и более универсалистский, основанный на массовой выплате «срочных пособий», расширении существующих льгот или подключении к действующим социальным программам (в Бразилии, Уругвае, Коста-Рике, Доминиканской Республике). Наименее последовательная и детализированная помощь оказывалась в Эквадоре, где преобладал вариант однократных «чрезвычайных» выплат. Это затрудняет

включение данного примера в рамки первой (очевидно более адресной) или второй (значительно более универсалистской) модели.

Признавая важность и удобство узкоцелевых дифференцированных проектов, трудно говорить об однозначных преимуществах первого подхода, поскольку масштаб, специфика и степень адресной направленности применявшихся мер социальной поддержки в каждой стране были обусловлены действием ряда факторов: уровнем общего экономического благосостояния, национальными традициями социальной политики, связанными, в том числе, с успешностью осуществления программ преодоления бедности на предыдущем этапе, общественными ожиданиями в отношении государства, качеством и устойчивостью системы социальной защиты в целом. Значительно меньшую роль, как представляется, играли в данном случае собственно идеологические аспекты, обусловленные «левой» или «правой» ориентацией президентов и правительств. Существенно возросла роль конкретных управленческих решений.

Традиционно диверсифицированный подход к социальным проблемам, нацеленность на определенные группы населения, прагматизм и активная позиция государства были характерны в первые десятилетия XXI в. для Чили. Необходимость действовать максимально целенаправленно и эффективно перед лицом беспрецедентных угроз, принимая предельно адресные, детализированные меры поддержки в условиях ограниченных экономических ресурсов, формировала политику срочной помощи в Боливии, Перу и Сальвадоре. Масштабность, успешность и проработанность предшествовавших широкоформатных программ предопределили «универсалистский» дизайн срочной социальной поддержки в 200-миллионной Бразилии. Определенная экономическая и социальная стабильность доковидного периода, наряду с широким распространением системы социальной защиты, повлияли на подход правительств Уругвая, Коста-Рики и — частично — Доминиканской Республики. В критической ситуации различия между умеренными правоцентристами (например, С.Пиньерой, Л.Лакалье Поу, Г.Лассо, Ж.Аньес, М.Вискарой), правым популистом Н.Букеле, левоцентристами (А.Фернандесом, Л.Арсе, К.Альварадо) и радикально-правым консерватором Ж.Болсонару заключались, прежде всего, в способности принимать адекватные возникающим вызовам и отвечающие реальности своих стран меры — способности, проявленной большинством упомянутых лидеров и руководимых ими правительств.

Очевидно, что кризис, связанный с замедлением темпов экономического роста после 2014 г. и многократно усиленный пандемией 2020—2021 гг., обнажил давно существующие серьезные проблемы, не решенные, несмотря на масштабные усилия, предпринятые в период «золотого десятилетия» XXI в. В новой, постковидной реальности страны Латинской Америки вновь оказались перед вызовами социального неравенства, высокой доли неформального труда, низкого уровня образования и здравоохранения, ограниченного характера системы социальной защиты. Иллюзия приближения к латиноамериканскому «государству благосостояния» рассеялась, но социальная стратегия прошлых лет не прошла бесследно: ее различные составляющие и опыт, накопленный в ходе ее применения, стали основой для формирования политики чрезвычайных срочных мер по спасению

населения от глобальной бедности в 2020—2021 гг. Можно предположить, что, учитывая уроки COVID-19, на следующем этапе экономического роста страны Латинской Америки перейдут от тактики социальной компенсации к последовательному и необратимому преодолению структурных диспропорций в ключевых сферах общественного развития.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. CEPAL. Panorama social de América Latina, 2021. Santiago de Chile, 2022, 247 p.
2. Дашкина И.В., Каратеев А.Ю., Пашин М.М. Механизмы реагирования государств Латинской Америки в условиях COVID-19. М., *Латинская Америка*, 2022, № 2, сс. 6-22. [Dashkina I.V., Karateev A.YU., Pashin M.M. Mekhanizmy reagirovaniya gosudarstv Latinskoj Ameriki v usloviyah COVID-19. [Response mechanisms of Latin American countries in the context of COVID-19]. Moscow, *Latinskaya Amerika*, 2022, N 2, pp.6-22. (In Russ.). DOI 10.31857/S0044748X0017975-1
3. Косевич Е.Ю. Коронавирус и новый политический ландшафт. М., *Латинская Америка*, 2020, № 10, сс. 39-53. [Kosevich E.Yu. Koronavirus i novyj politicheskij landshaft. [Coronavirus and a New Political Landscape]. Moscow, *Latinskaya Amerika*, 2020, N 10, pp.39-53. (In Russ.). DOI 10.31857/S0044748X0011330-2
4. Яковлев П.П. Экономические шансы Латинской Америки в постковидном мире. М., *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, т. 65, № 5, сс.5-13. [Yakovlev P.P. Ekonomicheskie shansy Latinskoj Ameriki v postkovidnom mire. [Latin America's Economic Chances in a Post-Covid-19 World]. Moscow, *World Economy and International Relations*, vol. 65, N 5, pp.5-13. (In Russ.). DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-5-5-13
5. Ермольева Э.Г. Влияние информационно-коммуникационных технологий на латиноамериканский рынок труда. Текущие изменения в формах занятости. М., *Латинская Америка*, 2021, № 4, сс.7-22. [Ermol'eva E.G. Vliyanie informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij na latinoamerikanskij rynek truda. Tekushchie izmeneniya v formah zanyatosti. [The impact of ICTs on labour market in Latin America. Recent trends and changes in the forms of employment]. Moscow, *Latinskaya Amerika*, 2021, N 4, pp. 7-22. (In Russ.). DOI 10.31857/S0044748X0014085-2
6. Щербакова А.Д. Страны Mercosur перед лицом пандемии COVID-19: каждый сам за себя? М., *Латинская Америка*, 2021, № 6, сс.53-64. [Scherbakova A.D. Strany Mercosur pered licom pandemii COVID-19: kazhdyj sam za sebya? [Mercosur countries in the face of the COVID-19 pandemic: is it every man for himself?]. Moscow, *Latinskaya Amerika*, 2021, N 6, pp.53-64. (In Russ.). DOI 10.31857/S0044748X0014983-0
7. Дьякова Л.В. Гражданское общество Латинской Америки перед вызовами времени и практики социальной солидарности в период COVID-19. М., *Латинская Америка*, 2022, № 1, сс.6-22. [Diyakova L.V. Grazhdanskoe obshchestvo Latinskoj Ameriki pered vyzovami vremeni i praktiki social'noj solidarnosti v period COVID-19. [Latin American civil society facing the challenges of the time and the practice of social solidarity in the period of COVID-19]. Moscow, *Latinskaya Amerika*, 2022, N 1, pp.6-22. (In Russ.). DOI 10.31857/S0044748X0018048-1
8. Andia T., Chorev N. Inequalities and Social Resilience in Times of COVID-19. Bogotá, *Revista de Estudios Sociales*, 2021, № 78, pp. 2-13. Available at: <https://journals.openedition.org/revestudsoc/50398> (accessed 25.12.2021). DOI 10.7440/res78.2021.01
9. Carreras M., Vera S., Visconti G. A Tale of Two Pandemics: Economic Inequality and Support for Containment Measures in Peru. Hamburg, *Journal of Politics in Latin America*, 2021, Vol.13, N 3, pp.358-375. Available at: <https://journals.sagepub.com/toc/plaa/13/3> (accessed 30.12.2021). DOI 10.1177/1866802X211035393
10. Alana Rieger I. COVID-19 and Indigenous Communities in Latin America: A Comparative Analysis of State Public Policy Strategies in Mexico, Bolivia, and Colombia. Bogotá, *Revista de Estudios Sociales*, 2021, N78, pp. 36-55. Available at: <https://journals.openedition.org/revestudsoc/50398> (accessed 30.12.2021). DOI 10.7440/res78.2021.03
11. Rieiro A., Castro D., Pena D., Veas R., Zino C. Tramas solidarias para sostener la vida frente a la COVID-19. Ollas y merenderos populares en Uruguay. Bogotá, *Revista de Estudios Sociales*, 2021, № 78, pp. 56-74. Available at: <https://journals.openedition.org/revestudsoc/50398> (accessed 30.12.2021). DOI 10.7440/res78.2021.04

12. Дьякова Л.В. Социальная политика латиноамериканских стран в начале XXI века: возможности и пределы. М., *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т.64, № 10, сс. 112-120. [Diyakova L.V Social'naya politika latinoamerikanskih stran v nachale XXI v.: vozmozhnosti i predely. [Social Ppolicy in Latin American Countries in the Early 21st Century: Opportunities and Limits]. Moscow, *World Economy and International Relations*, 2020, vol. 64, N1 0, pp.112-120. (In Russ.). DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-10-112-120]
13. Ingreso familiar de emergencia // Argentina.gob.ar. Available at: <https://www.argentina.gob.ar/economia/medidas-economicas-COVID19/ingresofamiliardeemergencia> (accessed 29.12.2021).
14. Boletín IFE I-2020.pdf. Available at: <http://observatorio.anses.gob.ar/archivos/documentos/Boletin%20IFE%20I-2020.pdf> (accessed 29.12.2021).
15. Ley simple: COVID-19 - Asistencia de Emergencia a sectores críticos | Argentina.gob.ar. Available at: <https://www.argentina.gob.ar/justicia/derechofacil/leysimple/covid-19-asistencia-de-emergencia-sector-gastronomico#titulo-1> (accessed 29.12.2021).
16. La crisis sanitaria y la pugna política dibujan una Bolivia camino "al desastre". Available at: <https://www.france24.com/es/20200801-bolivia-covid-crisis-sistema-salud-politica> (accessed 23.04.2021).
17. Desde el 3 de abril se inicia el pago de la canasta familiar, que alcanzará a 1.054.738 beneficiarios en todo el país. Available at: <https://comunicacion.gob.bo/?q=20200331/29059#:~:text=Se%20entregará%20Bs%20400%20y,Ministro%20en%20conferencia%20de%20prensa.> (accessed 23.04.2021).
18. Bono Familia en Bolivia: requisitos para recogerlo y hasta cuándo se puede cobrar - AS.com. Available at: https://as.com/diarioas/2020/05/19/actualidad/1589914204_541134.html (accessed 23.04.2021).
19. Bono Universal en Bolivia: requisitos y cómo consultar si soy beneficiario - AS.com. Available at: https://as.com/diarioas/2020/05/26/actualidad/1590522427_824008.html (accessed 24.04.2021).
20. Presidenta Áñez anuncia pago del "Bono Salud" de Bs 500, que beneficiará a más de 3 millones de bolivianos. Viceministerio de Comunicación – Bolivia. Available at: <https://comunicacion.gob.bo/?q=20200719/30068> (accessed 24.04.2021).
21. Presidente Arce recuerda que el 31 de mayo vence el plazo para el cobro del Bono Contra el Hambre | Viceministerio de Comunicación – Bolivia. Available at: <https://www.comunicacion.gob.bo/?q=20210529/32605> (accessed 24.03.2021).
22. Bono de Emergencia COVID-19 - Instituto de Previsión Social. Available at: <https://www.ips.gob.cl/servlet/internet/content/1421810834624/bono-de-emergencia-covid-19> (accessed 27.12.2021).
23. Flores J., Alonso C. Presidente Piñera promulga paquete de ayuda económica para clase media. *La Tercera*, 05.04.2021. Available at: <https://www.latercera.com/pulso/noticia/presidente-pinera-promulga-paquete-de-ayuda-economica-para-clase-media/VLIS5CMFTJCSJCUIRYKQN6Q4NQ/> (accessed 27.11.2021).
24. Postula al IFE Laboral, AQUÍ | SENCE. Available at: <https://sence.gob.cl/personas/noticias/postula-al-ife-laboral-aqui> (accessed 14.12.2021).
25. Cartilla – Bonos Otorgados por el Gobierno en el marco de la Emergencia Sanitaria Producto del COVID-19. Available at: <https://prcp.com.pe/wp-content/uploads/2020/05/Cartilla-BONOS-OTORGADOS-POR-EL-GOBIERNO-EN-EL-MARCO-DE-LA-EMERGENCIA-SANITARIA-PRODUCTO-DEL-COVID-19.pdf> (accessed 14.12.2021).
26. Coronavirus: consultar los apoyos económicos que brinda el Estado - Gobierno del Perú. Available at: <https://www.gob.pe/8895-coronavirus-apoyos-economicos-del-estado-por-el-aislamiento-social-obligatorio> (accessed 14.12.2021).
27. Covid-19 en América Latina y el Caribe: Panorama de las respuestas de los gobiernos a la crisis. Available at: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/covid-19-en-america-latina-y-el-caribe-panorama-de-las-respuestas-de-los-gobiernos-a-la-crisis-7d9f7a2b/> (accessed 27.12.2021).
28. Presidente Nayib Bukele extiende apoyo económico a más estudiantes en servicio social. *CSSP*. Available at: <http://cssp.gob.sv/news/presidente-nayib-bukele-extiende-apoyo-economico-a-mas-estudiantes-en-servicio-social/> (accessed 25.11.2021).

29. Carranza Jimenez D.C. Brasil empieza a pagar auxilios de emergencia a más de 40 millones de afectados por la pandemia. Available at: <https://www.aa.com.tr/es/mundo/brasil-empieza-a-pagar-auxilios-de-emergencia-a-mas-de-40-millones-de-afectados-por-la-pandemia/2200181> (accessed 17.11.2021).
30. Betim F. Auxilio Brasil: Bolsonaro pone en marcha su programa de ayudas contra la pobreza. *El país*. Available at: <https://elpais.com/internacional/2021-11-17/bolsonaro-pone-en-marcha-su-programa-de-ayudas-contr-la-pobreza.html> (accessed 20.12.2021).
31. Covid-19: Uruguay XXI. Available at: <https://www.uruguayxxi.gub.uy/es/respuesta-covid-19/recurso/medidas-y-herramientas-de-apoyo-a-las-mipymes/> (accessed 17.12.2021).
32. Bono Proteger llegará a nuevos beneficiarios a través de un depósito único – Presidencia de la República de Costa Rica. Available at: <https://www.presidencia.go.cr/comunicados/2020/12/bono-proteger-llegara-a-nuevos-beneficiarios-a-traves-de-un-deposito-unico/> (accessed 14.03.2021).
33. Bono Proteger se queda sin fondos para desembolsar en 2021. *El Observador CR*. Available at: <https://observador.cr/bono-proteger-se-queda-sin-fondos-para-desembolsar-en-2021/> (accessed 29.12.2021).
34. Para beneficiarios de planes sociales — Coronavirus República Dominicana. Available at: <https://coronavirusrd.gob.do/para-beneficiarios-de-planes-sociales/> (accessed 20.12.2021).
35. Gobierno Nacional Fortalece ayudas para los más afectados por la Pandemia – Ministerio de Inclusión Económica y Social. Available at: <https://www.inclusion.gob.ec/gobierno-nacional-fortalece-ayudas-para-los-mas-afectados-por-la-pandemia/> (accessed 14.12.2021).
36. Bono de Apoyo Nutricional MIES de \$240 Dólares – EcuadorLegalOnline. Available at: <http://www.ecuadorlegalonline.com/consultas/nuevo-bono-de-apoyo-nutricional-mies-de-240-usd/> (accessed 27.12.2021).

Ludmila V. Diakova (diakova65@mail.ru)

Doctor of Political Sciences. Leading researcher, Center of Political Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences (ILA RAN)

Bolshaya Ordynka, 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation

Social policy in the period of *COVID-19*: Latin American approaches

Abstract. During the spread of *COVID-10* in the region, Latin American states formed a policy of "urgent measures" of social assistance, which was supposed to prevent a social catastrophe by supporting the most vulnerable categories of the population. In each country of the region, this policy had its own characteristics, offered its own response mechanisms. The article examines both general approaches and specific strategies of a number of Latin American countries, highlights their specifics, factors that influenced the formation of the model. The prevailing trend towards the most differentiated assessment of vulnerable and needy groups, identification of their special needs and risks, and increased targeting of the measures applied is emphasized.

Key words: Latin America, *COVID-19*, "urgent social assistance" policy, poverty.

DOI: 10.31857/S0044748X0019914-4

Received 03.01.2022.

О.Н.Богатырева

Гуманитарная дипломатия и права человека в Латинской Америке

Региональная и цивилизационная специфика

Статья посвящена анализу латиноамериканской модели гуманитарной дипломатии, выявлению ее особенностей и региональных правозащитных традиций. Специфика региона, связанная с наличием коренных народов — бенефициариев защиты, гражданскими конфликтами и массовыми перемещениями, явилась причиной появления в Латинской Америке определенных представлений о гуманизме и правах человека. Государства континента стали первопроходцами в формировании таких гуманитарных институтов, как убежище, международное гуманитарное право, защита перемещенных лиц и пострадавших в вооруженных конфликтах. В статье анализируются деятельность гуманитарных организаций, осуществляемая в целях смягчения кризисов в Центральной Америке, рассмотрены инициативы гуманитарной дипломатии латиноамериканских государств в ООН, касающиеся защиты прав уязвимых групп населения — коренных народов, женщин, детей, мигрантов, а также борьбы с насилием и дискриминацией. Автор отмечает ассиметричный характер латиноамериканской модели, сочетающей в себе глубокие гуманистические традиции, активную правозащитную деятельность и в то же время многочисленные примеры проявления насилия и неравенства, сужающими возможности дипломатического диалога.

Ключевые слова: Латинская Америка, дипломатия, гуманизм, права человека, убежище, уязвимые лица.

DOI: 10.31857/S0044748X0018135-7

Статья поступила в редакцию 29.11.2021.

Современные конфликты, стихийные бедствия и кризисы в странах Латинской Америки поднимают гуманитарные проблемы на беспрецедентный уровень, подрывают поступательное развитие государств и ставят под угрозу их

Ольга Николаевна Богатырева — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского Федерального университета (РФ, 620083 Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51, olga.bogatyreva@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9451-4285>).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00033 «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

стабильность. Международное сообщество, пытаясь мобилизовать ресурсы, необходимые для борьбы с рисками и преодоления гуманитарных кризисов, использует, прежде всего, дипломатические инструменты и механизмы.

В современном научном дискурсе дипломатическим исследованиям уделяется повышенное внимание. Как отметил профессор Университета Страны Басков Ной Корнаго, это вызвано «плюрализацией» современной дипломатии, т.е. расширением участия в ней негосударственных субъектов и появлением новых направлений [1]. Одно из них — гуманитарная деятельность по защите населения в кризисах различной этиологии. Гуманитарный сектор дипломатии тесно связан с защитой человека в вооруженных конфликтах, защитой уязвимых лиц, в том числе беженцев и внутренне перемещенных лиц (ВПЛ). Авторы одной из самых известных монографий, посвященных гуманитарной дипломатии, Ларри Майнер и Хейзел Смит определили ее как дипломатию, направленную на то, чтобы «убедить лидеров, принимающих решения, действовать в любое время и при любых обстоятельствах в интересах уязвимых людей и при полном уважении основных гуманитарных принципов» [2]. Гуманитарная дипломатия включает в себя представительство и установление контактов, переговоры и поиск компромиссов, информационно-пропагандистскую деятельность по продвижению международного гуманитарного права (МГП) и гуманитарных принципов [3].

В конце XX — начале XXI вв. классические принципы гуманности, беспристрастности и нейтралитета были дополнены принципом уважения прав и свобод человека. Гуманитарная дипломатия стала увязываться с «парадигмой устойчивости» [4], с развитием, миростроительством и урегулированием кризисов в соответствии с концепцией «тройной связи» [5; 6; 7]. Гуманитарная деятельность направлена не только на оказание чрезвычайной гуманитарной помощи, но и на реализацию долгосрочных проектов в сферах здравоохранения, образования, ликвидации нищеты и голода, сохранения экосистем, поддержке уязвимых групп населения — беженцев, перемещенных лиц, женщин и детей. Правовым фундаментом гуманитарной дипломатии являются МГП, международное право прав человека и международное право беженцев.

Гуманитарный работник и консультант Всемирной продовольственной программы в Панаме Ана Ургоити отметила, что в ситуациях крайней уязвимости используются разные механизмы реагирования. С одной стороны, в случае сотрудничества в целях развития ответные меры будут долгосрочными, сосредоточенными на структурных проблемах, которые мешают людям жить достойной жизнью. С другой стороны, гуманитарная деятельность фокусируется на «конъюнктурных проблемах, которые вызывает определенное неблагоприятное событие» [8].

Как подчеркнула региональный советник Международного комитета Красного Креста (МККК) Анастасия Станиславовна Кушлейко, гуманитарная дипломатия всегда связана с конкретной работой по оказанию помощи и защиты, требующей участия представителей сообщества на дипломатических форумах, на которых обсуждаются вопросы, связанные с гуманитарными ситуациями. Задача подобной дипломатии состоит также в политической поддержке гуманитарных действий на международном и национальном уровнях [9, с. 74].

Гуманитарная дипломатия может принимать различные формы в зависимости от специфики культурного контекста и географического пространства кризисных ситуаций. Несмотря на то, что обязательство защищать и помогать рассматривается как глобальный универсальный принцип, его этический, моральный и правовой характер может иметь региональную специфику. Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить цивилизационные особенности латиноамериканской модели гуманитарной дипломатии, проанализировать ее основные направления, обусловленные региональной спецификой, показать связь с правозащитной деятельностью.

Теоретико-методологической основой исследования являются концепции «мягкой силы» и «дипломатии второго трека» (*track two diplomacy*). В международных отношениях «мягкая сила» обладает широким спектром гибких рычагов воздействия, опирающихся на ценности и идеи. Гуманитарная дипломатия, использующая ненасильственные инструменты, тесно связана с «мягкой силой». «Дипломатия второго трека», которая в испаноязычном научном дискурсе определяется как параллельная, или гражданская дипломатия [10, р. 9], сочетает в себе поиск каналов диалога и урегулирования конфликтов. В Латинской Америке и особенно в Колумбии такая «дипломатия участия» получила широкое распространение. В качестве методологического инструментария применялись также цивилизационный подход и историко-генетический метод, позволившие, рассмотреть истоки и генезис латиноамериканской модели гуманитарной дипломатии, определить и проанализировать ее специфические черты.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ МОДЕЛИ

В истории стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) можно найти немало примеров деятельности, которая сегодня определяется как гуманитарная. Латиноамериканские государства присоединились к международным гуманитарным и правозащитным учреждениям, имплементировали в свое законодательство договорные обязательства в этой области и приобрели уникальный региональный, например, такой, как горизонтальное сотрудничество Юг — Юг. В его рамках предпринимаются усилия по созданию новых пространств гуманитарного партнерства для обмена передовой практикой в сферах экологии, здравоохранения, социального развития и помощи коренному населению [11].

В латиноамериканских странах проживают коренные народы, заявляющие о самобытности и стремящиеся улучшить свои условия жизни [12, р. 9]. Сегодня регион сталкивается с необходимостью включения этнических различий в гуманитарные мероприятия. Профессор Мадридского университета Лаура Ланга Мартинес подчеркивает, что этническая принадлежность является исторически сформированной социальной конструкцией, основанной на критериях социального неравенства [13]. Комплекс связанных с этим проблем особенно остро проявляется в периоды неопределенности и кризисных ситуациях. Исследователи неоднократно отмечали, что Латинская Америка является регионом, характеризующимся не только этническим и расовым разнообразием, но и неравномерным распре-

делением богатства, что проявляется при анализе таких переменных, как нищета, уровень образования или рынок труда. Эта картина, связывающая бедность с принадлежностью к коренным народам, наблюдается во всех странах — от севера до юга. Гуманитарные организации рассматривают коренные народы как бенефициаров защиты и помощи в силу их уязвимости.

Конфликты, насильственное перемещение населения и крупномасштабные стихийные бедствия определяют особенности гуманитарной истории Латинской Америки: от разрушения культур коренных народов после европейской колонизации в XV в. до войн за независимость в XIX в. и десятилетий партизанских войн в XX в., а также разрушительных ураганов, землетрясений и вулканической активности. Наличие большого количества конфликтов привело к тому, что права человека заняли видное место в латиноамериканском гуманитарном дискурсе.

Регион исторически поддерживал прочные экономические, политические и социальные связи с Европой, но с течением времени в латиноамериканских странах появилась собственное представление о гуманитарной деятельности, правах человека и гуманизме, основанное не только на европейских концепциях и идеях, но также на культуре и традициях коренных народов.

Профессор Института по изучению конфликтов и гуманитарной деятельности в Мадриде Франсиско Рей Маркос исследовал влияние концепций благотворительности, сострадания и социальной помощи периода испанского Просвещения на эволюцию гуманитарных действий и мышления в Латинской Америке. Размышляя об истоках гуманизма в испанской и латиноамериканской культурах, ученый проанализировал терминологию. Он отметил, что в литературе на испанском языке в слова «гуманитарный» и «человеческий» вкладывается различный смысл. В испаноязычных странах, как и во многих других, такие выражения, как «гуманитарная война», «гуманитарные бомбардировки», «гуманитарная катастрофа», воспринимаются как оксюморон, приводят к путанице, вызывают дебаты лингвистов, работников гуманитарной сферы, переводчиков, журналистов. Ф.Рей Маркос обратил внимание на то, что в английском языке использование таких терминов, как «сострадание», «благотворительность», «помощь» не имеет столько религиозных коннотаций как в испанском языке. Чтобы описать процесс оказания помощи, в испанском языке в большей степени, чем в других языках, необходимо употреблять дополнительный термин «гуманитарная деятельность» и обязательно, чтобы она была успешной и консолидированной. Когда речь идет о развитии, в испанском языке применяется выражение «сотрудничество в целях развития», а не «помощь в целях развития», как это было предложено международными учреждениями. Проведенный Маркосом анализ терминов показал, что еще до формирования МГП и международной гуманитарной системы философская мысль и литература использовала гуманитарные термины, придавая им в большинстве случаев преобразующее, демократизирующее и социализирующее содержание. Кроме того, современную гуманитарную деятельность в Латинской Америке все чаще связывают с правозащитным подходом [14].

Корни идей о правах человека в Латинской Америке восходят к католической схоластической философии и связаны с миссионерской деятельностью испанского священника Бартоломе де лас Касаса — одного из самых

несгибаемых защитников прав коренных народов. В его христианской философии содержится утверждение о достоинстве и естественных правах человека. Лас Касас признавал достоинство индейцев, а вся его работа по защите прав индейцев и испанцев, по утверждению мексиканского профессора Маурисио Бешо, посвящалась теоретическому обоснованию и практической защите прав человека [15].

Теолог и историк Мариано Дельгадо указал на основные права индейских народов, которые защищал Лас Касас: право на вооруженное сопротивление незаконному и тираническому испанскому правлению; право на уважение и сохранение культуры американских индейцев; право на уважение религиозности индейцев и на сохранение после их обращения в христианство элементов, совместимых с новой верой; право отвергать христианство, проповедуемое в тени колониального завоевания [16]. Эти права могли служить основой более справедливого мирового порядка. В этом смысле Лас Касас выступил в роли пророка, критиковавшего первую фазу «глобализации» XVI в. с точки зрения жертв испанских колонизаторов, подчеркивая тем самым равенство прав европейцев и коренных народов.

По утверждению исследователей, латиноамериканский регион отчасти стал первопроходцем в развитии новых представлений о человечности и МГП. Как отметил исследователь из Колумбии Луис Осиель Кастаньо Сулуага, в контексте испано-американских войн за независимость материализовался правовой корпус, объединяющий международное публичное право и идеи гуманизма, позволившие смягчить остроту вооруженных конфликтов: согласование условий перемирий, обмена пленными, помилования и амнистии, подписание капитуляций, гуманное и достойное обращение с побежденными, больными и ранеными, военнопленными и гражданским населением, пострадавшим в ходе конфликта [17]. Изученные ученым документы стали предшественниками источников современного МГП, например, Договор о перемирии и упорядочении войны («Перемирие Трухильо»). Документ, подписанный освободителем Симоном Боливаром и испанским генералом Пабло Мурильо в 1820 г., регулировал обращение с военнопленными и лицами, находящимися вне поле боя. Стороны обязались вести войну «как это делают цивилизационные народы», соглашаясь на уважение к некомбатантам, обмен пленными и прекращение традиционной практики войны «до смерти» [18].

Исторически сложилось так, что конфликты и бедствия всегда были причиной перемещения людей в Латинской Америке. Еще в доколониальные времена миграция являлась следствием войны или механизмом, используемым правителями империй коренных народов в качестве метода контроля. Инки, например, умели перемещать членов завоеванных общин в другие районы империи, где царил мир. Миграция также является следствием таких естественных природных явлений, как разрушительные последствия Эль-Ниньо. Археологи обнаружили доказательства того, что столетия назад целые общины, жившие в прибрежных районах, были вынуждены покинуть свои дома [19, pp. 50-51]. Когда колонизаторы вторглись в регион в конце XV в., изгнание и перемещение коренных жителей стало стратегией, позволяющей контролировать общины коренных наро-

дов. Конфликты между ними и европейцами приводили к переселению тысяч людей на протяжении веков, предшествовавших независимости.

Важно отметить, что латиноамериканские региональные организации были одними из первых в мире, обративших внимание на проблему внутреннего перемещения. Так, в 1996 г. Межамериканская комиссия по правам человека (МКПЧ) назначила первого в мире Специального докладчика по вопросу о ВПЛ. Однако этот политический прогресс не во всех странах Латинской Америки привел к улучшению положения перемещенных лиц. В частности, в Колумбии до сих пор происходит широкомасштабная миграция населения. В этой стране после полувековой войны образовалась одна из крупнейших в мире групп ВПЛ. В 2016 г. после длительных переговоров в Гаване правительство Колумбии и лидеры Революционных вооруженных сил Колумбии (*Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia — Ejército del Pueblo, FARC—EP*), подписали Соглашение о прекращении огня для ликвидации конфликта. Однако не все результаты этого прогрессивного соглашения были реализованы; в Колумбии до сих пор более 5 млн человек нуждаются в гуманитарной помощи [20].

Массовое перемещение населения в странах ЛАКБ вызывают также климатические катастрофы и связанные с ними чрезвычайные ситуации. Статистика показывает, что маршруты, по которым следуют мигранты, и климатические катастрофы взаимосвязаны. В течение 2000—2019 гг. Куба, Мексика и Гаити больше всего пострадали от 110 штормов, которые нанесли ущерб в размере 39 млрд долл., затронули 29 млн человек и оставили 5 тыс. погибших [21].

Латинская Америка обладает новаторской и многовековой традицией предоставления убежища. Здесь впервые был подписан многосторонний латиноамериканский договор, предусматривающий право политического убежища. Исторические корни современного института убежища как защиты, предоставляемой государством на своей территории или в другом месте, лицу, обратившемуся с просьбой о таковой, содержатся в первом многостороннем латиноамериканском Договоре о международном уголовном праве Монтевидео 1989 г. [22]. Правовое закрепление этого института было связано с давней традицией перемещения изгнанников по политическим причинам из одной латиноамериканской страны в другую. Общий язык, культура и традиции просителей защиты способствовали их адаптации. Политические эмигранты часто принадлежали к состоятельным и образованным слоям населения, владели имуществом в странах исхода и не превращались в экономическое бремя для государства, которое давало им пристанище [23]. Все эти факторы способствовали формированию института убежища, закрепленного в рамках вышеупомянутого договора. Однако отметим, что долгое время практика предоставления политического убежища преследуемым латиноамериканцам формировалась в рамках классического международного права, без акцента на правах человека.

На Втором Южноамериканском конгрессе по международному частному праву, также проведенному в Монтевидео в 1939 г., была утверждена новая редакция договора, связанного с территориальным убежищем [24]. Кроме того, понятие территориального убежища содержится во всех договорах о выдаче. Однако единственной латиноамериканской конвенцией,

принятой исключительно по этому вопросу, является Каракасская конвенция о территориальном убежище 1954 г. Последующее закрепление понятия «убежище» в межамериканских правовых актах происходило уже в контексте защиты прав человека: в Американской декларации прав и обязанностей человека и Американской конвенции о правах человека (Пакт Сан-Хосе) 1969 г., признавших право не только искать, но и получать убежище в качестве права человека. Картахенская декларация о беженцах 1984 г. а также Международная конференция по проблемам Центральноамериканских беженцев 1989 г. подтвердили актуальность института территориального убежища в регионе и защиты прав беженцев [25, сс. 339, 343-344].

Одной из характерных черт латиноамериканского представления о МГП и правах человека является степень сближения этих двух областей, особенно в контексте гражданских конфликтов и массовых внутренних перемещений. Например, МКПЧ выступала за то, чтобы права, закрепленные в Американской конвенции о правах человека, толковались в контексте МГП в ситуациях вооруженного конфликта. Аналогичным образом в Картахенской декларации о беженцах 1984 г. права беженцев объединяются с их экономическими, социальными и культурными правами. Одно из положений декларации касалось развития программ «защиты беженцев и оказания им помощи, особенно в сферах здравоохранения, образования, труда и безопасности». Эти права распространяются также и на ВПЛ в результате вооруженных конфликтов [26].

Следует подчеркнуть, что несмотря на некоторые культурные аспекты и общую историю с европейской цивилизацией, латиноамериканская гуманитарная модель характеризуется социальной асимметрией, экономическое неравенство усиливается такими эндемическими явлениями, как насилие, незаконный оборот наркотиков, процессы демократического транзита и консолидации. Рост уязвимости населения и количества бедствий, нищета, высокая степень неравенства, крайне низкий уровень безопасности и дезинтеграция привели к тому, что Латинская Америка к началу XXI в. превратилась в один из самых социально неблагополучных регионов мира. Особо отметим Северный треугольник Центральной Америки, где сложилась наиболее сложная ситуация в рамках региона за пределами зон военных действий. После десятилетий гражданской войны в трех странах этого субрегиона активно действуют транснациональные банды [27].

ПЕРЕГОВОРЫ С НЕГОСУДАРСТВЕННЫМИ ВООРУЖЕННЫМИ ГРУППАМИ

Спецификой латиноамериканского региона можно считать попытки гуманитарных субъектов использовать переговорные инструменты гуманитарной дипломатии для смягчения кризисов, вызванных конфликтами между преступными картелями, бандами и государством в Мексике и Северном треугольнике Центральной Америки, а также для обеспечения доступа для защиты беженцев, гражданского населения и работников гуманитарных организаций от насильственных нападений со стороны негосударственных вооруженных групп (НВГ).

Спасаясь от жестокого криминального насилия, беженцы, в том числе женщины и дети, подвергаются уголовной виктимизации, включая нападения, изнасилования и убийства. Медицинские и гуманитарные работники, сотрудники Мексиканского Красного Креста, госпитали, санитарный транспорт, полиция, мэры, журналисты также регулярно становятся жертвами экстремального насилия преступных картелей. Групповое насилие и преступность являются препятствием для гуманитарного доступа и предоставления надлежащей медицинской помощи.

Совокупным результатом этих «криминальных мятежей» является формирование зон беззакония, в которых складывается параллельное управление. В итоге получается «лоскутное одеяло из криминальных анклавов», где государство и преступные организации соперничают за контроль. Последние не пытаются свергнуть действующие правительства, а стремятся к независимости и свободе передвижения, стирая различия между преступностью и политикой, поскольку используют коррупцию и безнаказанность в качестве инструментов для получения и поддержания собственной власти [28]. Следует отметить, что термин «банды» применяется ко всем негосударственным вооруженным субъектам: банды марас, наркоторговцы и другие преступные группы [27].

В современной литературе подчеркивается роль гуманитарной дипломатии как механизма достижения гуманитарного доступа и защиты гражданского населения на территориях, захваченных НВГ и бандами [29]. Вопрос об участии в переговорах НВГ является противоречивым и сложным. Целями взаимодействия могут быть или обеспечение гуманитарного доступа, или, в более широком плане, соблюдение гуманитарных норм, как это сформулировано в МГП. Переговоры могут быть направлены на установление временных перемирий или на заключения долгосрочных мирных соглашений, как, например, в Колумбийских мирных соглашениях.

Сотрудники гуманитарных учреждений, традиционно работающие в условиях классических конфликтов или после стихийных бедствий, осознают необходимость реагирования на так называемую эпидемию насилия. Лидерами среди таких организаций являются МККК и «Врачи без границ» (*Médecins sans frontières, MSF*), но их программы не так масштабны с точки зрения охвата проблемы. Директор Бразильского аналитического центра по вопросам безопасности Роберту Мугги полагает, что ситуация с распространением преступности создает «головоломку для гуманитарного сообщества», поскольку с точки зрения МГП групповое насилие не квалифицируется как вооруженный конфликт, даже если последствия для местного населения являются столь же разрушительными и смертоносными [27].

С практической точки зрения это означает, что сотрудники гуманитарных учреждений, реагирующие на факты группового насилия, не могут рассчитывать на специальную защиту и сами могут стать мишенями. Попытки договориться о доступе к населению с членами банды, контролирующими определенную территорию, на которой хотят работать представители гуманитарных организаций, могут считаться уголовным преступлением. Встречи и связи с членами банд и НВГ могут быть расценены как сообщничество. Сотрудники гуманитарных организаций не обладают иммунитетом, чтобы официально участвовать в такого рода переговорах. В Се-

верном треугольнике правительства с осторожностью относятся к приему помощи от гуманитарных учреждений, и для достижения консенсуса требуется много усилий.

Полевой координатор *MSF* Хоаким Гинарт отметил, что его организация лишь оказывает помощь жертвам сексуального и других видов насилия. По словам же сотрудника по коммуникациям в латиноамериканском регионе Ива Хеллера, МККК приходится идти на переговоры с бандами, и это — совершенно иная ситуация, не похожая на общение с вооруженными субъектами в контексте вооруженного конфликта, где «вы имеете дело с некоторыми очень ясными принципами» [27].

Сотрудники гуманитарных организаций отмечают также и успехи в своей деятельности, когда местные органы власти способствуют работе гуманитарных НПО. Так, когда *MSF* начала оказывать помощь жертвам сексуального насилия в Тегусигальпе (Гондурас), национального протокола для лечения таких пациентов не существовало. Вскоре правительство создало протокол о сексуальном насилии, а гуманитарные организации получили законные основания говорить о такого рода преступлениях и о необходимости поддержки данной категории пострадавшего населения [27].

УЧАСТИЕ В ГЛОБАЛЬНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Представители стран Латинской Америки активно участвуют в международных и региональных форумах, ставя на обсуждение актуальные для региона вопросы гуманитарного характера. Они продвигают глобальную гуманитарную повестку дня и соответствующие принципы, вступая в диалог, прежде всего, с глобальными игроками — Советом Безопасности ООН (СБ), Управлением по координации гуманитарной деятельности ООН (УКГД), Управлением Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ), Управлением Верховного комиссара по правам беженцев (УВКБ), Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ), МККК.

Участие в глобальной дипломатии позволяет латиноамериканским государствам использовать инструменты с участием представителей НПО и гражданского общества. Так, начиная с 1992 г. СБ установил процедуру «по формуле Аррии» — неформальные совещания и консультации государств — членов ООН с участием комиссий по расследованиям Совета по правам человека ООН (СПЧ), должностных лиц международных организаций, представителей НПО, академического сообщества, отдельных лиц.

Практика проведения отмеченных выше совещаний была инициирована и начата в марте 1992 г. венесуэльским дипломатом Диего Аррией, занимавшим тогда должность Председателя СБ. Встречи «по формуле Аррии» созываются по инициативе члена или членов СБ для заслушивания мнений отдельных лиц, организаций или учреждений по вопросам, входящим в компетенцию СБ. В XXI в. страны Латинской Америки 77 раз инициировали обсуждение гуманитарных вопросов «по формуле Аррии». Из них 16 раз Ямайка, Перу, Уругвай, Чили, Аргентина, Колумбия и Мексика предлагали для обсуждения такие темы, как «Женщины, мир и безопасность» (Ямайка); «Дети и вооруженные конфликты», «Права человека и борьба с терроризмом» (Мексика); «Роль ООН в постконфликтном нацио-

нальном примирении», «Правосудие и верховенство права», «Защита внутренне перемещенных лиц», «Уязвимые группы в конфликте» (Чили); «Проблемы Гаити», «Укрепление международного права и поддержание международного мира и безопасности» (Аргентина), «Укрепление синергизма между ООН и региональными и субрегиональными организациями в целях устранения взаимосвязи между терроризмом и транснациональной организованной преступностью» (Перу) [30].

В целом глобальная гуманитарная повестка дня стран Латинской Америки включает в себя международные принципы и приоритеты, выделенные повестками дня ООН по Целям достижения устойчивого развития (ЦУР), Парижской декларацией и Всемирным гуманитарным саммитом 2016 г., Глобальным договором по беженцам 2018 г. В центре внимания находятся вопросы прав человека, проблем коренных народов в контексте высокой уязвимости по отношению к *COVID-19*, инклюзивного развития инвалидов, защиты детей от насилия, гендерные инициативы в рамках программы «Женщины, мир и безопасность». Так, многосторонняя повестка дня МИД Перу включает участие в подготовке резолюций «Инклюзивное развитие для инвалидов», «Детские, ранние и принудительные браки», «Права коренных народов» в рамках Третьего комитета ГА ООН, участие в экспертном механизме по правам коренных народов в СПЧ. Кроме того, Перу является одним из авторов Резолюции 45/12 «Права человека и коренные народы», принятой на 45-й сессии СПЧ 7 октября 2020 г. [31].

Одним из столпов внешней политики Аргентины также является политика прав человека. На региональном и международном уровнях это находит выражение в многочисленных инициативах, вносящих вклад в прогрессивное развитие МППЧ и МГП. Аргентина является членом СПЧ и работает, используя его процедуры в целях создания более справедливых, инклюзивных и разнообразных прав человека. Повестка дня Аргентины в данной области включает поощрение и защиту прав уязвимых и/или исторически подвергающихся дискриминации лиц и групп, таких, как дети, ЛГБТ, лица африканского происхождения, коренные народы, пожилые люди, инвалиды, мигранты и беженцы. Политика социальной интеграции, ориентированная на уважение экономических, социальных и культурных прав, также занимает важное место в повестке дня [32].

Следует отметить уникальный гуманитарный проект министерства иностранных дел, международной торговли и культа Аргентины — Комиссия по «Белым каскам» (*Comisión Cascos Blancos, CCB*). Деятельность *CCB* включает гуманитарную помощь в чрезвычайных ситуациях, восстановление, реконструкцию и управление рисками (в области здравоохранения, образования и продовольствия). За 26 лет работы в рамках этого проекта было разработано около 400 международных гуманитарных программ и миссий на пяти континентах в 81 стране. Так, в течение 2021 г. Аргентина в рамках проекта *CCB* оказала гуманитарную помощь Коста-Рике, Мексике, Гондурасу, Панаме, Сальвадору, Филиппинам, Мозамбику и Гаити, пострадавшим от ураганов, тайфунов и других природных стихий [33].

Основные усилия МИД Эквадора сосредоточены на дипломатии вакцин, миграционной политике и международной защите беженцев. Эквадор подписал Глобальный договор о беженцах, целью которого является обес-

печение более предсказуемых и справедливых мер приема и поддержки потребностей просителей и беженцев. Эквадор является региональным и глобальным лидером в области предоставления убежища. Из всех стран латиноамериканского региона Эквадор принял наибольшее число беженцев — более 71 тыс. человек. Основной иностранной группой, получившей международную защиту в качестве беженцев (97%), являются колумбийские граждане [34].

Государства Латинской Америки рассматривают гуманитарную дипломатию как возможность укрепления влияния в регионе. Так, на конференции доноров Гаити, организованной ООН, Бразилия являлась единственным незападным донором, ставшим сопредседателем этого форума. Страна использовала эту возможность, чтобы продемонстрировать свою ведущую роль на континенте [35, р. 247].

Страны ЛАКБ активно сотрудничают с региональными представительствами гуманитарных и правозащитных учреждений ООН. Так, отделение УВКПЧ ООН для Центральной Америки работает в Белизе, Коста-Рике, Сальвадоре, Никарагуа и Панаме, а также взаимодействует с отделением в Гватемале и советником по правам человека в Гондурасе. Сотрудничество с УВКПЧ осуществляется по актуальным для Центральной Америки направлениям: нищета и неравенство с акцентом на содействие судебному преследованию за нарушение экономических, социальных и культурных прав; дискриминация в отношении лиц африканского происхождения, коренных народов, женщин, ЛГБТ и мигрантов; отсутствие безопасности; насилие, в том числе в отношении женщин. Региональное отделение прилагает дипломатические усилия, устанавливая диалог с правительствами, правозащитными НПО и страновыми группами ООН, используя механизмы Межамериканской системы прав человека и механизмы ООН [36]. Так, УВКПЧ при участии МКПЧ и ЮНИСЕФ подготовило доклад «О безопасности граждан и правах человека», который стал важным информационно-пропагандистским инструментом в регионе [37].

Второе региональное представительство УВКПЧ работает в Южной Америке, имея отделения в Аргентине, Бразилии, Чили, Эквадоре, Парагвае, Перу и Уругвае. В каждой стране усилия сосредоточены на различных целевых группах: в Эквадоре — на судебных органах; в Уругвае и Чили — на органах государственной защиты и законодателях; в Чили — на правозащитниках [38].

С УВКПЧ сотрудничают не только региональные отделения, но и государства. Так, отделение в Мексике сыграло ключевую роль в принятии в 2017 г. законов об исчезновениях граждан и пытках и об оказании поддержки властям и группам жертв в 17 штатах, 6 из которых уже приняли свои законы об исчезновениях людей. Национальное отделение также поддерживало усилия по развитию судебной экспертизы на национальном и государственном уровнях, в том числе в контексте пандемии *COVID-19*.

В 2019 г. отделение УВКПЧ в Мексике провело всестороннюю оценку федерального механизма защиты правозащитников и журналистов. УВКПЧ представило властям 104 рекомендации, касающиеся его укрепления. Все они были приняты. Отделение сотрудничает с более чем 180 органами власти в разработке показателей в области прав человека, а также

планов действий в области прав человека и других государственных стратегий в этой сфере. Благодаря активным внешним контактам мексиканское отделение УВКПЧ смогло значительно расширить круг своей аудитории. За семь лет фан-страница *Facebook* выросла на 3500%, а учетная запись *Twitter* — на 1600% [39].

Особо отметим уникальную роль представительства УВКПЧ в Колумбии, работающего в Боготе и имеющего девять филиалов по всей стране. Историческое мирное соглашение, подписанное в ноябре 2016 г. между правительством Колумбии и *FARC-EP*, наделило отделение УВКПЧ новыми обязанностями, связанными с правами человека: мониторингом и отчетностью государственной политики по ликвидации преступных организаций и защите правозащитников, обеспечением безопасности бывших комбатантов *FARC-EP*, рассмотрением дел задержанных членов *FARC-EP* и сопровождением жертв в поисках справедливости, возмещения ущерба и гарантий неповторения. Достижениями сотрудничества с отделением УВКПЧ стали содействие расширению гражданского пространства, а также использование УВКПЧ в качестве эффективного инструмента для деэскалации конфликтов и предотвращения насилия путем создания возможностей для демократического обсуждения проблем [40].

Обобщая основные характеристики латиноамериканской модели гуманитарной дипломатии, можно сделать следующие выводы. В регионе сформировалось собственное представление о гуманитарной деятельности, правах человека и гуманизме, основанное не только на европейских традициях, но также на идеях, возникших в периоды доколониального, колониального и освободительного развития латиноамериканских стран, культуре и традициях коренных народов. Этническое разнообразие, неравномерное распределение богатства, наличие коренных народов как основных бенефициаров защиты и помощи, конфликты, насильственное перемещение населения и крупномасштабные стихийные бедствия являются характерными особенностями данного региона и влияют на специфику гуманитарной дипломатии. Этот комплекс проблем привел к тому, что права человека заняли видное место в латиноамериканском гуманитарном дискурсе. Исследование латиноамериканской модели гуманитарной дипломатии показало ее ассиметричный характер. С одной стороны, существуют глубокие гуманистические традиции, регион лидирует в формировании МПП, институтов убежища и защиты перемещенных лиц, осуществляет активный диалог с глобальными учреждениями по защите прав уязвимых групп населения и коренных народов. С другой стороны, эндемические явления насилия [41, pp.284–286; 42], неравенство, стихийные бедствия, засилье НВГ и крайне низкий уровень безопасности осложняют гуманитарную и правозащитную деятельность, а также сужают возможности дипломатического диалога.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Cornago N. Diplomacias plurales: nuevas prácticas, instituciones y discursos. *Cursos de Derecho Internacional y Relaciones Internacionales de Vitoria-Gasteiz*. Madrid, Thomson Reuter Aranzadi, 2017, pp. 83-111.
2. Minear L., Smith H. Introduction. *Humanitarian Diplomacy: Practitioners and Their Craft*. Tokyo: United Nations University Press, 2007, pp. 1-5.

3. Abenza O.A. Conceptualización de la diplomacia humanitaria y su papel en las crisis humanitarias de Oriente Medio. The Institute of Studies on Conflicts and Humanitarian Action (IECAN). Documento 19/2016. Available at: <https://iecah.org/wp-content/uploads/2016/10/DocuOmar1.compressed.pdf> (accessed 17.07.2021).
4. Hilhorst D. Classical humanitarianism and resilience humanitarianism: making sense of two brands of humanitarian action. *Journal of International Humanitarian Action*, 2018, N3. Available at: <https://jhumanitarianaction.springeropen.com/track/pdf/10.1186/s41018-018-0043-6.pdf> (accessed 19.07.2021).
5. Guinote F. S. Q&A: The ICRC and the «humanitarian – development – peace nexus» discussion. *International Review of the Red Cross*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019, vol.101, N 912, pp. 1051-1066.
6. Богатырева О.Н. Устойчивое гуманитарное воздействие как стратегическая цель деятельности Международного комитета Красного Креста. *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. Екатеринбург, 2020, № 6, сс.1-40 [Bogatyreva O. N. Ustojchivoe gumanitarnoe vozdejstvie kak strategicheskaya cel' deyatel'nosti Mezhdunarodnogo komiteta Krasnogo Kresta [Sustainable humanitarian impact as a strategic orientation of the International Committee of The Red Cross]. *Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu»*. Yekaterinburg, 2020, N 6, pp.1-40. (In Russ.). (DOI: 10.34076/2219-6838-2020-6-31-40)
7. La Acción Humanitaria en 2019–2020: una agenda condicionada por la pandemia. Available at: <https://reliefweb.int/report/world/la-acci-n-humanitaria-en-2019-2020-una-agenda-condicionada-por-la-pandemia> (accessed 09.10.2021).
8. La acción humanitaria y sus vínculos con el Derecho Internacional Humanitario // Derecho al Día. Año XX – Edición 355 27 de mayo de 2021. Available at: <http://www.derecho.uba.ar/derechoaldia/notas/la-accion-humanitaria-y-sus-vinculos-con-el-derecho-internacional-humanitario/+8309> (accessed 17.10.2021).
9. Кушлейко А. С. Современные вызовы для гуманитарной деятельности. *Пути к миру и безопасности*. М., 2018, № 1 (54), сс. 67-66 [Kushlejko A. S. Sovremennye vyzovy dlya gumanitarnoj deyatel'nosti [Modern challenges for humanitarian activities]. *Puti k miru i bezopasnosti*. Moscow, 2018, N 1 (54), pp. 67-66. (In Russ.). (DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-67-76)
10. Díaz Martínez K. Diplomacia de los Pueblos: Participación popular en las relaciones internacionales, *Revista América Latina*, 2011, 10, 9. Available at: https://www.academia.edu/1893900/Diplomacia_de_los_Pueblos_Participaci%C3%B3n_Popular_en_las_Relaciones_Internacionales?auto=download (accessed 27.11.2021).
11. Андреев А.С. Страны Южного конуса в сотрудничестве Глобального Юга. М., *Латинская Америка*, 2020, № 9, сс. 63-76 [Andreev A.S. Strany YUzhnogo konusa v sotrudnichestve Global'nogo Yuga [Countries of the Southern Cone in cooperation of the Global South]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, N 9, pp. 63-76 (In Russ.). (DOI: 10.31857/S0044748X0010600-9)
12. Neoliberalismo, ONGs y pueblos indígenas en América Latina. Eds. Oscar Calavia, Juan Carlos Gimeno y Ma. Eugenia Rodríguez. Madrid, Sepha, 2007, 270 p.
13. Martínez L.L. Pueblos indígenas y acción humanitaria en América Latina y el Caribe. *Aproximaciones a la historia del humanitarismo en América Latina y el Caribe*. Ed. por Irina Mosel, Christina Bennett y Hanna Krebs. London, Diciembre 2016, pp. 21-30.
14. Marcos F.R. Los orígenes del humanitarismo en las culturas española y latinoamericana: Algunas consideraciones terminológicas. *Aproximaciones a la historia del humanitarismo en América Latina y el Caribe*. Ed. por Irina Mosel, Christina Bennett y Hanna Krebs. London, NOREF, Diciembre 2016, pp. 1-8.
15. Beuchot M. El fundamento de los derechos humanos en Bartolome de las Casas. Areté, 5 (1–2), 4–13. Available at: <https://revistas.pucp.edu.pe/index.php/arete/article/view/5086> (accessed 15.07.2021).
16. Delgado M. Bartolomé de Las Casas y los derechos humanos. *Revista Mexicana de Historia del Derecho*. Segunda Época, vol. XXXVIII, julio-diciembre, 2018, pp.31–58.
17. Luis Ociel Castaño Zuluaga. Antecedentes del Derecho humanitario bélico en el contexto de la Independencia hispanoamericana (1808–1826). *Revista de Estudios Histórico-Jurídicos*. Sección Historia del Derecho Internacional Público, XXXIV. Valparaíso, 2012, pp.323–368.
18. Tratado de regularización de la guerra Ce-Lebrado entre los Gobiernos de España y Colombia y Firmado en Trujillo el 26 de noviembre de 1820. Available at:

<https://web.archive.org/web/20190313112525/http://www.archivodellibertador.gob.ve/escritos/buscador/spip.php?article11723> (accessed 17.07.2021).

19. Ferris E. y Wherry A. E. Paradojas y paradigmas: El desplazamiento interno en América Latina. Aproximaciones a la historia del humanitarismo en América Latina y el Caribe. Ed. por Irina Mosel, Christina Bennett y Hanna Krebs. Diciembre 2016, pp. 49-60.

20. A fraught peace in Colombia. The 25 crises that shaped history. Available at: <https://www.thenewhumanitarian.org/Rethinking-humanitarianism-25-crises-shaped-history> (accessed 10.09.2021).

21. Climate Crisis Fuels Exodus to Mexico, Both Waystation and Destination. Available at: <https://redhum.org/documento/3786438>.

22. Tratado sobre derecho penal internacional. Firmado en Montevideo, el 23 de enero de 1889, en el Primer Congreso Sudamericano de Derecho Internacional Privado. Available at: <https://www.refworld.org/docid/4f3d15682.html> (accessed 27.08.2021).

23. San Juan C. El asilo y la protección internacional de los refugiados en América Latina. Análisis crítico del dualismo «asilo-refugio» a la luz del Derecho Internacional de los Derechos Humanos. Ed. C. San Juan, M. Manly. El Asilo y la protección internacional de los refugiados en América Latina. San José, EDITORAMA, 2004, pp. 23-76.

24. Regional Refugee Instruments & Related, Treaty on Asylum and Political Refuge, 4 August 1939. Available at: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b3833.html> (accessed 27.10.2021).

25. Богатырева О.Н. Защита прав беженцев в Латинской Америке: эволюция региональной гуманитарной дипломатии (1984–2014). *Научный диалог*, Екатеринбург, 2020, № 11, сс. 335-361. [Bogatyreva O.N. Zashchita prav bezhencev v Latinskoj Amerike: evolyuciya regional'noj gumanitarnoj diplomatii (1984–2014) [Protecting the Rights of Refugees in Latin America: The Evolution of Regional Humanitarian Diplomacy (1984–2014), *Nauchnyj dialog*. Yekaterinburg, 2020, N 11, pp. 335-361. (In Russ.). (DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-335-361)]

26. Cartagena Declaration on Refugees, Colloquium on the International Protection of Refugees in Central America, Mexico and Panama, 22 November 1984. Available at: <http://www.refworld.org/docid/3ae6b36ec.html> (accessed 28.08.2021).

27. Gang violence in Central America is a humanitarian crisis. *The New Humanarian*. Available at: <https://www.thenewhumanitarian.org/analysis/2016/09/01/gang-violence-central-america-humanitarian-crisis> (accessed 18.09.2021).

28. Sullivan J.P. Humanitarian Diplomacy for Protecting Vulnerable Persons and Humanitarian Aid Workers in Civil Strife and Non-International Armed Conflict in Mexico and Central America's Northern Triangle. Vortex Foundation and SciVortex Corp., 2020, 31 p.

29. Ismail Z. Humanitarian Access, Protection and Diplomacy in Besieged Areas. Birmingham, University of Birmingham, 2018. Available at: https://open-docs.ids.ac.uk/opendocs/bitstream/handle/20.500.12413/14311/507_Besieged_Areas_and_Humanitarian_Access.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 14.08.2021).

30. Arria-Formula Meetings. Security Council Report. Available at: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/working_methods_arria_formula_meetings.pdf (accessed 31.07.2021).

31. Ministerio de Relaciones Exteriores. Gob.pe. Available at: <https://www.gob.pe/rree> (accessed: 12.10.2021).

32. Derechos Humanos. Ministerio de Relaciones Exteriores, Comercio Internacional y Culto. Available at: <https://cancilleria.gob.ar/es/politica-exterior/derechos-humanos> (accessed 16.09.2021).

33. Cascos Blancos. Ministerio de Relaciones Exteriores, Comercio Internacional y Culto. Available at: <https://cancilleria.gob.ar/es/politica-exterior/cascos-blancos> (accessed: 17.09.2021).

34. Protección Internacional. Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana. Available at: <https://www.cancilleria.gob.ec/2020/06/25/proteccion-internacional/> (accessed 17.09.2021).

35. Urcan C. The Changing Nature of Diplomacy: Rising Powers' *Humanitarian Diplomacy Practices*. Proceedings, 2018, vol. 13, pp.244–250.

36. OACNUDH en América Central. OACNUDH. Available at: <http://www.oacnudh.org/oacnudh-en-america-central/> (accessed 18.09.2021).

37. Violencia e inseguridad. OACNUDH. Available at: <http://www.oacnudh.org/areas-de-trabajo/seguridad-ciudadana/> (accessed: 18.09.2021).

38. OHCHR – South America Regional Office. OHCHR South America Regional Office. Available at: <https://www.ohchr.org/EN/Countries/LacRegion/Pages/LatinAmericaSummary.aspx> (accessed 19.09.2021).

39. OHCHR in Mexico. Achievements. OHCHR South America Regional Office. Available at: <https://www.ohchr.org/EN/Countries/LacRegion/Pages/MXSummary1314.aspx> (accessed 21.09.2021).

40. OHCHR in Colombia. OHCHR South America Regional Office. Available at: <https://www.ohchr.org/EN/Countries/LacRegion/Pages/COSummary1314.aspx> (accessed 22.09.2021).

41. Portales C., Rodriguez-Pinzon D. Building Prevention to Protect: The Inter-American Human Rights System. *Anuario Colombiano de Derecho Internacional (ACDI)*, 2017, N 10, pp. 261-294.

42. Krause K. Authoritarianism, Social Dominance, and Contesting Human Rights in Latin America. *Latin American Research Review*, 2020, N55(2), pp. 254-265.

Olga N. Bogatyreva (olga.bogatyreva@urfu.ru)

PhD, Dr. of Sc. (Historical science), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University.

Lenin prospect, 51, 620083 Yekaterinburg, Russian Federation

The research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project No. 20-014-00033 «The concept of polymodal humanitarian diplomacy: implementation, tools and civilizational models».

Humanitarian diplomacy and human rights in Latin America. Regional and civilizational specifics

Abstract. The article is devoted to the study of the Latin American model of humanitarian diplomacy, the identification of its features and the analysis of regional human rights traditions. The specifics of the region, associated with indigenous peoples as beneficiaries of protection, civil conflicts and mass displacement, led to the development of original ideas about humanism and human rights. Latin America has become a pioneer in the formation of such humanitarian institutions as asylum, protection of displaced persons and victims of armed conflicts, and international humanitarian law. The article analyzes the negotiations of humanitarian actors to mitigate the crises in Central America. In the final part, the initiatives of the humanitarian diplomacy of Latin American states in the UN related to the protection of the rights of vulnerable groups – indigenous peoples, women, children, migrants, as well as the fight against violence and discrimination are considered. In conclusion, the author highlights the asymmetric nature of the Latin American model, which combines deep humanistic traditions and active human rights activities with manifestations of violence and inequality, narrowing the possibilities of diplomatic dialogue.

Key words: Latin America, diplomacy, humanism, human rights, vulnerable persons.

DOI: 10.31857/S0044748X0018135-7

Received 29.11.2021.

М.В.Кирчанов

«Политика памяти» в современной Бразилии (2012—2022 гг.)

Цель данного исследования — анализ исторической политики в современной Бразилии. Автор рассматривает ее как политику памяти, направленную на поддержание или ревизию мемориального канона как фактора развития национальной идентичности и культуры памяти. Новизна работы состоит в рассмотрении особенностей и противоречий политики памяти в Бразилии, так как историческая политика принадлежит к числу проблем, которые в российской латиноамериканистике изучены незначительно. В статье проанализированы основные особенности исторической политики в Бразилии; развитие «мемориальных» дискуссий в Бразилии; потенциал исторических манипуляций в стране в контексте трансформации политической идентичности. Рассмотрены различия между левыми и правыми версиями политики памяти применительно к идеологическим фрагментациям бразильского общества. Предполагается, что историческая политика в современной Бразилии развивается в направлении деконструкции левого канона национальной памяти путем выдвижения альтернативных правых интерпретаций истории. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что политика памяти в Бразилии институционально неопределенна. В ее реализацию вовлечены различные акторы, представленные интеллектуалами и политическими элитами, принимающими участие в переоценке исторических событий и формировании нового мемориального канона бразильского общества.

Ключевые слова: Бразилия, историческая память, политика памяти, левые, правые, интеллектуальные сообщества.

DOI: 10.31857/S0044748X0019915-5

Статья поступила в редакцию 19.12.2021.

Историческая политика в современной историографии в последние годы стала одной из приоритетных тем. В международной историографии, сфокусированной на проблемах взаимосвязи истории и политической конъюнктуры, в отношении политики памяти утвердился стереотип, что это явление характерно для восточно-европейской политической культуры.

Максим Валерьевич Кирчанов — доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета, Воронежский государственный университет (ПФ, 394000 Воронеж, Университетская пл. 1, <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksymkyrchanoff@gmail.com).

Подобная географическая ограниченность объясняется тем, что государства региона не достигли мемориального компромисса, не пришли к консенсусу в объяснении прошлого, интерпретации которого отягощены политическими и идеологическими противоречиями. Изучение вопросов исторической политики нередко ограничивается европейским опытом, а количество исследований политики памяти в других регионах продолжает оставаться незначительным.

Под исторической политикой, как правило, понимается «набор приемов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие» [1, с. 7]. Большинство историков склонны полагать, что описанные выше явления могут быть обнаружены в исторической памяти на уровне Восточной Европы. Это во многом происходит из-за неспособности элит достичь мемориального компромисса в условиях сохранения этнических и религиозных противоречий между сообществами региона.

Методологически статья основана на принципах историографии, сфокусированной на изучении мемориальных практик и исторической политики, трансформации национальной, социальной и культурной памяти. В центре подобных исследований — попытки социумов сформировать культуру памяти путем конструирования или деконструирования коллективного прошлого. Подобные культурные практики предусматривают установление набора коммеморативных практик, что достигается в результате ревизии более раннего мемориального канона. Считается, что такие версии памяти нестабильны, утрачивают свой консолидационный потенциал, так как перестают соответствовать запросам общества и элит.

Для бразильского общества характерны многочисленные социальные и экономические проблемы, актуальной является борьба с бедностью, но интерпретации прошлого могут привести к фрагментации общества не меньше, чем диспропорции в уровнях доходов населения. Несмотря на развитие общества в рамках демократической модели, вопросы трактовки наследия военного режима остаются неурегулированными. Противостояние между правыми элитами и преимущественно левыми интеллектуальными сообществами влекут за собой разобщение общества по «линии» оценок событий недавнего прошлого. Восприятие памяти в Бразилии многогранно, и в обществе сосуществуют различные версии идеологически мотивированного представления о тех или иных исторических событиях.

В центре внимания автора этого исследования находятся проблемы исторической политики современной Бразилии — государстве, где существуют различные интерпретации актуального прошлого, отягощенные политическими и идеологическими предпочтениями правящих элит и интеллектуальных сообществ. В число задач данной статьи входит анализ двух стратегий элит — левоориентированной Дилмы Руссефф (2011—2016 гг.) и правоориентированной Жаира Болсонару (2019 — н/в) — в деле продвижения одних моделей оценки прошлого за счет вытеснения и маргинализации других. Автор также рассматривает особенности «проработки прошлого» (путем формирования мемориального канона усилиями Национальной комиссии по установлению истины в 2012—2014 гг. и его ревизии, начиная с 2018 г.) как средства визуализации и сохранения политической памяти и идентичности.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В БРАЗИЛИИ: ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ

Историческая политика предусматривает вовлеченность государства в сферу восприятия истории и формирования образов прошлого на уровне общества. По мнению белорусско-литовского историка Г.Сагановича (Европейский гуманитарный университет, Вильнюс), причина в том, что профессиональная историография «все меньше влияет на историческое сознание общества» [2, с. 185] не только в национальной, но и в глобальной перспективе. Так, результаты труда представителей университетов и исследовательских институтов, с одной стороны, и общественных активистов, вовлеченных в политику памяти, — с другой, условно говоря, выполняют разные функции: от развития науки вообще до удовлетворения запросов элит при помощи манипуляций с фактами прошлого.

Анализируя политику памяти, следует выделить характерные черты подобного опыта в латиноамериканском контексте, однако, не свойственные Бразилии:

- создание в разной степени институционализированных структур (от институтов до музеев с открыто декларируемыми политическими и идеологическими целями), которые финансируются государством и призваны формировать санкционированные элитами версии исторической памяти. В современной Бразилии отсутствуют «институты памяти», «музеи террора» или специализированные музеи, формирующие негативный образ того или иного режима;

- принятие так называемых мемориальных законов, способствующих идеологически выверенному восприятию прошлого через утверждение определенных интерпретаций на уровне СМИ. В Бразилии мемориальные законы, близкие по содержанию к европейским, не принимались;

- финансовая зависимость от государства организаций, популяризирующих историю, с целью продвижения санкционированных интерпретаций. При этом материальная поддержка, осуществляемая для продвижения политически и идеологически мотивированного восприятия истории в Бразилии, не практикуется;

- ограничение доступа к архивам в сочетании с контролем над средствами массовой информации для регулирования производимых и тиражируемых ими нарративов. Право Бразилии не предусматривает подобных ограничительных мер.

Особенности исторической политики в целом, связанные с «изобретением» и «воображением» образов наиболее значимых событий и проведением коммеморативных мероприятий, не могут быть в полной мере перенесены в бразильские контексты. В современной Бразилии политика памяти отягощена идеологической фрагментацией общества. Поэтому его различные сегменты подвергают ревизии сложившиеся мемориальные каноны. Такая активность интеллектуалов неизбежно актуализирует диаметрально противоположные трактовки событий прошлого, представленные различными формами мемориальной культуры.

КОМИССИИ ПО ДОСТИЖЕНИЮ ИСТИНЫ КАК ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ФОРМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Историческая политика в разных странах мира выстраивается по-разному. В одних государствах (Россия, Германия, Франция) нет специальных институтов, в других (Польша, Чехия, Словакия) они существуют, а в третьих могут создаваться лишь на определенное время. Бразилию

можно отнести к последней группе. Там нет постоянных, специальных институтов, призванных корректировать модус национальной исторической памяти и сложившийся мемориальный канон. Функции Национальной комиссии по установлению истины (*Comissão Nacional da Verdade, CNV*) в значительной степени похожи на задачи, которые решают «институты памяти» в Европе, и комиссии в других латиноамериканских государствах.

Первыми странами Южной Америки, где были созданы подобные институты, стали Аргентина и Боливия. Национальная комиссия по расследованию исчезновений работала с 1982 по 1984 г. в Боливии, а в 1983 г. была сформирована аналогичная комиссия в Аргентине, призванная рассмотреть проблемы репрессий и пыток, имевшие место с 1976 по 1983 г. На протяжении 1990—1991 гг. Национальная комиссия по достижению истины и примирения (далее — Комиссия, так как названия подобных институтов в разных странах были похожи. — *М.К.*) рассматривала проблемы нарушения прав человека в Чили в период пребывания у власти Аугусто Пиночета (1974—1990 гг.). С 1992 по 1993 г. — в Сальвадоре, в 1997—1999 гг. в Гватемале Комиссия занималась расследованием военных преступлений, незаконного лишения свободы и применения пыток, происходивших, начиная с 1962 г. Аналогичные Комиссии функционировали в Панаме с 2000 по 2004 г., в Перу с 2001 по 2003 г. С 2016 по 2018 г. Комиссия со схожими функциями работала в Колумбии, но степень влияния ее деятельности на общество невелика по сравнению с аналогичными результатами, достигнутыми в этой области в других странах региона. Это объясняется тем, что страна на протяжении нескольких десятилетий находилась в состоянии гражданского конфликта, что усложняло примирение и выработку компромиссной версии исторической памяти.

Работе комиссий присущи некоторые особенности: они создавались в рамках перехода от авторитарного режима к демократии, и их деятельность была сосредоточена на преступлениях, совершенных вооруженными силами и спецслужбами. Сотрудники комиссий стремились сформировать компромиссное представление о прошлом, основанное как на осуждении лиц, ответственных за преступления, так и на возвращении имен репрессированных. В комиссиях работали практикующие юристы, общественные активисты и правозащитники, а также интеллектуалы, хотя профессиональные историки никогда не составляли большинства среди членов подобных структур. Общей чертой таких институтов был их временный характер, связанный с внешними условиями и особенностями политической конъюнктуры в латиноамериканских государствах. Поэтому, если в одних странах (например, в Аргентине и Чили) комиссии создавались практически сразу после начала демократического транзита, то в других (Бразилии) — спустя несколько десятилетий.

Деятельности подобных комиссий можно условно разделить на четыре этапа. Первый период датируется 1980-и годами, когда такие структуры были созданы в Аргентине и Боливии. Второй — работа комиссий, существовавших в 1990-е годы в Чили, Сальвадоре и Гватемале. Третий этап — 2000-е годы, ознаменованные формированием и деятельностью комиссий в Панаме и Перу. Четвертый период датируется 2010-и годами, что связано с активной работой комиссий в Бразилии и Колумбии. Таким образом, можно отметить, что *CNV* в Бразилии создана в рамках четвертой волны исторической политики в Латинской Америке, направленной на «проработку прошлого» в той его части, которая касалась коллективной травмы, связанной с нарушениями прав человека в период пребывания у власти военного режима.

CNV И ПЕРЕСМОТР МЕМОРИАЛЬНОГО КАНОНА (2012—2014 гг.)

CNV была создана Законом 12528/2011 и учреждена 16 мая 2012 г. Ее целью являлось расследование нарушений прав человека и преследований по политическим мотивам, которые имели место в Бразилии с 18 сентября 1946 г. по 5 октября 1988 г. Образование *CNV* было подчинено решению политических задач. Семь членов этой организации привела к присяге президент Дилма Руссефф. Институционализацию *CNV* поощряли и бывшие президенты страны Жозе Сарнеем (1985—1990 гг.), Фернанду Коллором де Меллу (1990—1992 гг.), Фернанду Энрике Кардозу (1995—2003 гг.) и Луисом Инасиу Лулой да Силвой (2003—2011 гг.) [3]. Бразилия пошла на учреждение *CNV* под внешним давлением: в 2010 г. Межамериканский суд Организации американских государств по правам человека осудил ее по иску, поданному родственниками погибших и пропавших без вести в результате проведения военных операций с 1972 по 1974 г. в регионе Мараба в штате Пара [3].

Комиссия не создавалась на регулярной основе, перед ней не ставились задачи радикальной ревизии исторических нарративов и формирования нового мемориального канона. Деятельность *CNV* была направлена на решение политических задач, касающихся консолидации общества, путем преодоления раскола, связанного с множественными интерпретациями периода военного режима. На церемонии открытия *CNV* Д.Руссефф подчеркивала, что категории «демократия» (*democracia*), «истина» (*verdade*), «память» (*memória*) и «история» (*história*) [4] в бразильской политической идентичности тесно связаны. Деятельность *CNV* была направлена на пересмотр истории Бразилии в период военного режима, что определило ее структуру [5] и приоритетные направления исследований. Они сводились к изучению репрессий, нарушений прав человека, коренных групп населения и применений пыток в отношении арестованных, преследований по политическим мотивам на национальном, региональном и международном уровне в отношении граждан Бразилии и иностранцев, а также роли церкви [6].

К моменту создания *CNV* в бразильском обществе существовали неоднозначные взгляды на исторические события. Подобно другим странам региона, которые переживали переход от авторитарных военных режимов к демократии, что сопровождалось пересмотром истории, «прошлое воспринималось как нечто негативное, как отклонение от “нормального” пути», что автоматически поставило перед элитами «задачи прощания с наследием и преодоление негативного опыта собственной траектории развития» [7]. Поэтому полный переход к демократии, как полагала Руссефф, был невозможен без ревизии истории и формирования нового мемориального канона. Она считала, что «некоторые режимы выживают, запрещая правду, но мы вправе надеяться, что при демократии правда, память и история выйдут из тени и станут известны, прежде всего, новым и будущим поколениям» [4]. В декабре 2013 г. мандат *CNV* был продлен до декабря 2014 г. Комиссия практиковала меры, характерные и для других версий политики памяти, расширяя доступ к архивам [8], где хранилась информация о жертвах политически мотивированного преследования. В результате работы *CNV* был упрощен доступ к делам членов семей жертв диктатуры и документам, переданным Аргентиной, ФРГ, Чили, США и Уругваем, касавшимся нарушения прав человека в период военного режима [9].

Практически с самого начала усилия членов *CNV* были сосредоточены на расследовании нарушений прав человека и фактов исчезновения противников режима. Поэтому *CNV* выпустила экспертные заключения, посвященные расследованию исчезновения оппонентов диктатуры, включая Карлоса Маригеллу [10] и Владимира Эрцога [11], а также возможной причастности вооруженных сил к смерти Жуселину Кубичека [12] и Жоау Гуларта [13]. Работа *CNV* была открытой, ее члены активно сотрудничали со СМИ. В итоге был запущен механизм исторической политики как формы придания монопольного статуса определенным интерпретациям прошлого, так как «даже правильно освещенная истина не способствует спасению социальной памяти, если она не раскрывается и не распространяется» [14].

В ходе своей деятельности *CNV* воспроизводила только некоторые методы из арсенала политики «проработки прошлого», применяемые в других странах. Комиссия преимущественно решала задачи, связанные с консолидацией демократического режима, который нуждался в символической легитимации. Работа *CNV* оказалась эффективной в том, что касалось пересмотра сложившегося компромиссного канона исторической памяти, основанного на игнорировании идеологически спорных вопросов новейшей истории Бразилии. Вместо поставленного под сомнение канона памяти был предложен новый мемориальный компромисс, базировавшийся на последовательном осуждении политического наследия военного режима.

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КАНОН В БРАЗИЛИИ (2014—2018 гг.)

Деятельность *CNV* была направлена на ревизию сложившегося к первой половине 2010-х годов мемориального канона, основанного на «амнезии» и замалчивании спорных моментов истории. Подобную роль *CNV* подчеркивала Руссефф, указывая на важность выработки нового канона исторической памяти, который позволит бразильскому обществу знать свою историю, так как «незнание истории не умиротворяет, а, наоборот, держит в латентном состоянии обиды и вражду» [4]. *CNV* воспринималась как институт, способный сформировать новый канон памяти с целью консолидации бразильского общества. Поэтому она воспользовалась услугами профессиональных историков: именно они становятся «авторами исторического нарратива, «изобретая» традиции, на которых и возникают коллективные идентичности» [15].

Руссефф указывала на фрагментированность исторической и политической памяти в стране, отягощенность идеологическими противоречиями. Она подчеркивала, что «Бразилия заслуживает правды, новые поколения заслуживают правды и, прежде всего, те, кто потерял друзей и родственников и продолжает страдать, как если бы они умирали снова и снова каждый день... так как истории без голоса не бывает» [4]. Попытки выработать новый мемориальный канон не только привели к осуждению военного режима, основанного на нарушении прав человека, но и к восприятию вооруженных сил как основного виновного, которому следует «признать свою институциональную ответственность» [14]. В бразильском обществе утвердилось мнение, что активность *CNV* была направлена на «поиск истины, спасение памяти и содействие национальному примирению» [14]. Это вписывалось в попытки сформировать новый компромиссный мемориальный канон, основанный не на забывании и замалчивании фактов нарушений прав человека, а на осуждении военного режима, который применял подобные методы.

Новый мемориальный канон в Бразилии возник к середине 2010-х годов в условиях ассимиляции истории обществом, которое выработало свой «широкий спектр реакций на прошлое, начиная с элементарных символов, неосознанных фрагментов информации о прошлом, представлений о причинно-следственных взаимосвязях, заканчивая историческими доктринами и схемами, ежедневно входящими в сознание людей» [16]. Бразильское общество, нуждавшееся в консолидированной версии собственного прошлого, проявило готовность воспринимать историю в форме доктрины. Предложенная версия исторической памяти в Бразилии сформировалась в условиях стабильного демократического режима, что указывает на реализацию в стране отложенной модели «политики прошлого». Попытки пересмотра сложившихся мемориальных культур в Бразилии в хронологической перспективе были отложены по сравнению с самими процессами демократизации второй половины 1980-х годов, начавшись в 2010-е годы, что сопровождалось изменением оценок как авторитарного режима, так и версий его истории, доминировавших в коллективной памяти.

РЕВИЗИЯ МЕМОРИАЛЬНОГО КАНОНА В АКТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ (2018—2022 гг.)

Избрание в октябре 2018 г. президентом Бразилии Жаира Болсонару привело к попыткам пересмотра канона исторической памяти, который сложился в результате деятельности *CNV*. Одним из результатов работы *CNV* стала актуализация в исторической памяти моментов, связанных с нарушением прав человека в период военного режима. Ж.Болсонару еще до победы на выборах усомнился в универсальности мемориального канона, предложенного *CNV*, и попытался изменить векторы «функционирования» исторической памяти.

Если бы материалом коллективной памяти, по мнению французского социолога М.Хальбвакса, «были только даты или списки исторических фактов, она бы играла лишь второстепенную роль» [17]. В центре бразильской исторической памяти — проблемы подавления прав и свобод в условиях военного режима, что в обществе, где роль левых велика, превращает различные идеологически мотивированные модели восприятия недавней истории в повод для политической конфронтации. Еще в период предвыборной кампании Болсонару предпринимал попытки подвергнуть сомнению модель исторической памяти, основанную на последовательной критике армии, и публично критиковал Руссефф [18]. Болсонару считал, что предлагаемая версия исторической памяти является односторонней. Примером тенденциозности нового мемориального канона, по его мнению, стало посмертное осуждение полковника Карлоса Альберту Брильянте Устра [19]. В 2015 г. уже умерший к тому времени офицер был признан виновным в пытках левой активистки Марии Амелии Телес, имевших место между 1970 и 1974 гг. Публичная поддержка покойного полковника со стороны президента в целом расходилась с общими тенденциями развития исторической памяти в Бразилии.

Болсонару эффективно воспользовался противоречиями, существовавшими в бразильском интеллектуальном сообществе. Комментируя особенности современных интеллектуалов, П.Барковски полагает, что они столкнулись с ситуацией, в которой «необходимо продолжать деконструировать — критиковать и заново определять те смыслы, которые мы теряем в результате деполитизации политического мира... и нигилизацию мышления в новейшем обществе» [20]. Особенностью бразиль-

ской ситуации стало то, что «деконструировать», «критиковать» и «определять» начали не интеллектуалы, а глава государства, предлагающий пересмотреть мемориальный канон, основанный на осуждении вооруженных сил за нарушение ими прав человека.

Болсонару позитивно относится к перевороту 31 марта 1964 г., который он определяет как «великий день свободы» и «второе провозглашение нашей независимости». Военный режим, по мнению нынешнего президента Бразилии, следует оценивать положительно, потому что бразильцы «прожили 20 лет не в период диктатуры, но при режиме сильной власти, которая позволила Бразилии расти, создав полную занятость, уважение прав человека, безопасность, любовь к родине и демократия... мы все спасли Бразилию от коммунизации, от диктаторского режима» [21]. Болсонару продвигает альтернативный канон памяти, формируя позитивный образ военного режима. Он признает преемственность собственной политики с той, которую проводила армия. Так, в 1999 г. Болсонару декларировал, что бразильское общество может измениться «только в том случае, если однажды мы начнем гражданскую войну здесь, внутри, и будем делать то, чего не делал военный режим» [18].

Журналистка электронного издания *Brasil de Fato* Катарина Барбоза предлагает, что Болсонару в своем отношении к истории «не скрывает ностальгии по военной диктатуре, будь то участие в продиктаторских действиях, милитаризация министерских структур или военные мероприятия» [22] и склонен позитивно интерпретировать историю военного режима как время спасения свободы от «ужасных бразильцев» [23], под которыми он понимает левых. Риторика Болсонару формирует альтернативный образ военного режима, подвергает ревизии мемориальный канон, возвращая бразильское общество в состояние, определяемое в историографии как «войны памяти» [24], то есть конфликт разных исторических памяти об общем прошлом. В Бразилии конфронтация по вопросам памяти ограничена правыми, идеализирующими военный режим, и левыми, склонными его осуждать.

По мнению болгарской исследовательницы Евгении Ивановой (Новый болгарский университет, София), «память или забвение определенных событий истории являются индикатором тенденций развития общества. Выбор памяти, героической или травматической, может определить не только отношения в обществе, но и наметить механизмы его модернизации» [25]. В Бразилии, несмотря на процессы демократизации, социум не смог в полной мере создать стабильный мемориальный канон и по-прежнему остается фрагментированным. Множественная память существует в героической и травматической версиях, основанных на актуализации образов — положительного или отрицательного — военного режима, редуцируя историю до коллективной травмы. Эти две версии поддерживаются правыми и левыми силами.

Высказывания Болсонару стали попыткой пересмотра сложившегося в Бразилии мемориального канона, основанного на осуждении военного режима. Президент предлагает альтернативную версию восприятия прошлого, основанную на реабилитации военных. О подобной позиции нынешнего главы государства свидетельствовали слова его пресс-секретаря Оттавиу Регу Барроса, которые отражали отношение Болсонару к перевороту 1964 г.: «Президент не считает 31 марта 1964 г. военным переворотом. Он считает, что общество, гражданское и военное, собравшись и осознав опасность, которую в тот момент грозила стране, объединилось, и нам удалось восстановить нашу страну. Если бы этого не произошло, если бы не

здоровый смысл, сегодня у нас здесь было бы такое правительство, от которого никому не было бы хорошо» [21].

Продвигая подобные интерпретации военного режима, Болсонару стремится сформировать альтернативный канон памяти, используя при этом язык мифа. Политические мифы функционируют как «способ и форма сохранения и расширения знаний о прошлом» [26]. В этом контексте они принадлежат к коллективной памяти, на ревизию которой и направлены усилия президента. В политическом дискурсе Болсонару вооруженные силы воспринимаются как жертвы более ранних попыток пересмотра истории, инициированных левыми. Президент регулярно отвергает обвинения армии в нарушениях прав человека в период военного режима, полагая, что «ни у кого нет никаких доказательств» [27], например, в отношении убийства в 1975 г. известного левого журналиста Владимира Эрцога. Подвергая сомнению мемориальный канон, сформированный левыми, Болсонару оправдывает репрессивные действия военного режима, подчеркивая, что «ошибка диктатуры заключалась в том, что пытали, а не убивали» [18].

Подобные высказывания бразильского президента свидетельствуют о наличии в обществе множества представлений о прошлом: если левые стремятся сформировать канон памяти, основанный на демонизации военного режима, то правые предпринимают попытки поставить под сомнение мемориальный канон, сформированный *CNV*.

Отсутствие формальных институтов, интегрированных в механизм государственной власти, и довольно высокая степень разделения общества определили ряд особенностей исторической политики в Бразилии, характеризующейся тем, что в ней так и не сформировался стабильный мемориальный канон.

Современное бразильское общество фрагментировано в том, что касается восприятия прошлого, а границы между различными версиями исторической памяти проходят по линии приверженности граждан правой или левой идеологии. Бразильцы неоригинальны в своих подходах к «проработке прошлого». Поэтому Бразилия пошла по пути других латиноамериканских государств, ограниченно используя институциональный ресурс. В стране была создана *CNV*, основной задачей которой было формирование компромиссного канона исторической памяти, но эффект от ее деятельности оказался крайне ограниченным.

Бразильская версия исторической политики основана на вовлечении в деконструкцию старого и выработку нового мемориального канона интеллектуалов или представителей политических элит. Политика памяти осуществляется в форме общественных дебатов относительно отдельных идеологически отягощенных моментов истории. На протяжении 1990—2010-х годов историческая память в Бразилии функционировала в условиях политического и интеллектуального усиления левых настроений, что привело к ее временной консолидации на основе демонизации военного режима и единства в восприятии преступлений и нарушений прав человека, совершенных с 1965 по 1985 г.

Культура памяти современного бразильского общества нестабильна. Тенденции к ревизии и даже деконструкции канона сложились в конце 2010-х годов, что было связано с избранием Болсонару президентом страны. Болсонару, известный своими правыми взглядами, начал проводить политику последовательного пересмотра сложившегося мемориального канона. Это проявилось в попытках ослабления левых интерпретаций прошлого, в реабилитации вооруженных сил и несогласии с предъявляемыми им обвинениями в нарушениях прав человека. Фактически в бразильском

обществе сосуществуют взаимоисключающие версии исторической памяти, так как они основаны на восприятии истории в правой или левой системе координат.

Политика памяти в Бразилии находится в рамках институциональной неопределенности, множественности акторов, вовлеченных в процессы ревизии истории, деконструкции мемориального канона и формирования нарративов, претендующих на определение границ и особенностей новой версии мемориального канона.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Миллер А.И. Россия: Власть и история. *Pro et Contra*, М., 2009, № 3–4, сс. 6–23. [Miller A.I. Rossiya: Vlast' i istoriya [Russia: Power and History]. *Pro et Contra*, Moscow, 2009, N 3–4, pp. 6–23 (In Russ.).]
2. Сагановіч Г. Безуладдзе і праўладнасць беларускіх гісторыкаў. *Беларускі Гістарычны Агляд*, Вільнюс, 2013, Т. 20, № 1 – 2, сс. 173 – 188. [Saganovich G. Bezuladdze i prawlalnasc belaruskich gistorykaw [Anarchy and the rule of Belarusian historians]. *Belaruskі Gіstarychny Agljad*, Vilnius, 2013, vol. 20, N 1–2, pp. 173–188.]
3. A instalação da Comissão Nacional da Verdade, em 16 de maio de 2012. Available at: <http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/institucional-acesso-informacao/a-cnv/57-a-instalacao-da-comissao-nacional-da-verdade.html> (accessed: 17.04.2021).
4. Discurso da Presidenta da República, Dilma Rousseff, na cerimônia de instalação da Comissão da Verdade. Palácio do Planalto, 16 de maio de 2012. Available at: <http://www.biblioteca.presidencia.gov.br/presidencia/ex-presidentes/dilma-rousseff/discursos/discursos-da-presidenta/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-cerimonia-de-instalacao-da-comissao-da-verdade-brasilia-df> (accessed: 17.04.2021).
5. Decreto Nº 7.919, de 14 de fevereiro de 2013 que estrutura a Comissão Nacional da Verdade. Available at: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2011-2014/2013/Decreto/D7919.htm (accessed: 17.04.2021).
6. Plano de Trabalho da Comissão Nacional da Verdade. Available at: <http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/institucional-acesso-informacao/a-cnv/60-plano-de-trabalho-da-comissao-nacional-da-verdade.html> (accessed: 17.04.2021).
7. Ластоўскі А. Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка. *Палітычная сфера*, Вільнюс, 2016, № 1, сс. 37 – 55. [Lastowski A. Prapracowka kamunistycznaga minulaga w Slavakii: asnownyja faktary i dynamika [Study of the communist past in Slovakia: the main factors and dynamics]. *Palitychnaja sfera*, Vilnius, 2016, N 1, pp. 37–55.]
8. Regimento Interno da Comissão Nacional da Verdade. Resolução nº 08, de 04 de março de 2013. Available at: <http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/institucional-acesso-informacao/a-cnv/59-regimento-interno-da-comissao-nacional-da-verdade.html> (accessed: 17.04.2021).
9. Acervo da Comissão Nacional da Verdade, 05 de Agosto de 2015. Available at: <http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/institucional-acesso-informacao/acervo.html> (accessed: 17.04.2021).
10. Análise dos elementos materiais produzidos em função da morte de Carlos Marighella. No 156/2012. Available at: http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/images/pdf/laudos/analise_carlos_marighella.pdf (accessed: 17.04.2021).
11. Laudo pericial indireto produzido em decorrência da morte de Vladimir Herzog. Available at: http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/images/pdf/laudos/analise_vladimir_herzog.pdf (accessed: 17.04.2021).
12. Laudo referente à análise dos elementos materiais produzidos em função da morte do ex-presidente Juscelino Kubitschek de Oliveira e de Geraldo Ribeiro. Available at: http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/images/pdf/laudos/analise_jk.pdf (accessed: 17.04.2021).
13. Laudo nº 1816/2014 - INC/DITEC/DPF, de 28 de novembro de 2014, de perícia sobre os restos mortais do ex-presidente João Goulart, realizado pelo Instituto Nacional de Criminalística

do Departamento de Polícia Federal. Available at: http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/images/documentos/Capitulo2/Nota%2043-00092_003341_2014_69.pdf (accessed: 17.04.2021).

14. Verdade, Memória e Reconciliação // Folha de São Paulo. 10 de dezembro de 2014. Available at: <http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/institucional-acesso-informacao/verdade-e-reconciliacao.html> (accessed: 17.04.2021).

15. Сагановіч Г. Танэнберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі. *Беларускі Гістарычны Агляд*, Вільнюс., 2010, Т. 17, № 1–2, сс. 89–116. [Saganovich G. Tanjenberg / Grunval'd / Dubrowna 1410: simvalizacyja bitvy w Belarusi [Tannenberg / Grunwald / Dubrovno 1410: symbolization of the battle in Belarus]. *Belaruski Gistarychny Agljad*, Vilnius, 2010, vol. 17, N 1–2, pp. 89–116.

16. Маркава А. Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі. *Беларускі Гістарычны Агляд*, Вільнюс, 2012, Т. 19, № 1 – 2, сс. 179–212. [Markava A. Gistarychnaja svjedomasc jak pradmet samarjefleksii w chjeshskaj gistoryjagrafii. [Historical consciousness as a subject of self-reflection in Czech historiography]. *Belaruski Gistarychny Agljad*, Vilnius, 2012, vol. 19, N 1–2, pp. 179–212.

17. Halbwachs M. La mémoire collective et le temps. *Cahiers internationaux de sociologie*, 1996, No 101. pp. 45–65.

18. Bolsonaro em 25 frases polêmicas. *Carta Capital*. 2018. 29 de outubro de 2018. Available at: <https://www.cartacapital.com.br/politica/bolsonaro-em-25-frases-polemicas/> (accessed: 17.04.2021).

19. Jair Bolsonaro, candidato à Presidência pelo PSL, durante o programa Roda Viva, da TV Cultura, no dia 30 de julho de 2018. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=IDL59dkeTi0> (accessed: 17.04.2021).

20. Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер. *Палітычная сфера*, Вільнюс, 2013, № 2, сс. 94–96. [Barkowski P. Intelektualny manifest: tut i cjafer [Intellectual Manifesto: here and now]. *Palitychnaja sfera*, Vilnius, 2013, N 2, pp. 94–96.

21. Mergulhão A., Castro R. Oito vezes em que Bolsonaro defendeu o golpe de 64. *O Globo*. 31 de março de 2021. Available at: <https://oglobo.globo.com/epoca/brasil/oito-vezes-em-que-bolsonaro-defendeu-golpe-de-64-24949762> (accessed: 17.04.2021).

22. Barbosa C. Relembre 7 vezes em que o governo Bolsonaro se espelhou no Brasil da ditadura militar. *Brasil de Fato*. 31 de Março de 2021. Available at: <https://www.brasildefato.com.br/2021/03/31/relembre-7-vezes-em-que-o-governo-bolsonaro-se-espelhou-no-brasil-da-ditadura-militar> (accessed: 17.04.2021).

23. Freitas C. Bolsonaro exalta ditadura militar e volta a dizer que Forças Armadas garantirão “liberdade”. *Valor Econômico*. 15 de abril de 2021. Available at: <https://valor.globo.com/politica/noticia/2021/04/15/bolsonaro-exalta-ditadura-militar-e-volta-a-dizer-que-forcas-armadas-garantirao-liberdade.ghtml> (accessed: 17.05.2021).

24. Filho J.R.M., Thompson T. The War of Memory: The Brazilian Military Dictatorship according to Militants and Military Men. *Latin American Perspectives*. Riverside, 2009, Vol. 36, No 5, pp. 89–107.

25. Иванова Е. Консенсуси на българската памет. *Либерален преглед*. София, 2012. 29 март [Ivanova E. Konsensusi na bŭlgarskata pamet [Consensus of Bulgarian memory]. *Liberalen pregled*. Sofia, 2012, 29 mart. Available at: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1537-2012-03-29-07-44-45> (accessed: 17.04.2021).

26. Сагановіч Г. Палітычны міф у гістарычнай памяці і гісторыяпісанні. *Беларускі Гістарычны Агляд*, Вільнюс, 2012, №. 1–2, сс. 213–238. [Saganovich G. Palitychny mif u gistorychnaj pamjaci i gistoryjapisanni [Political myth in historical memory and historiography]. *Belaruski Gistarychny Agljad*, Vilnius, 2012, N 1–2, pp. 213–238.

27. Jair Bolsonaro eleito: veja aqui 110 frases ditas por ele e checadas pela Lupa em 2018. *Agência Lupa*. 28 de outubro de 2018. Available at: <https://piaui.folha.uol.com.br/lupa/2018/10/28/tudo-sobre-bolsonaro/> (accessed: 17.04.2021).

Maksym W.Kyrchanoff (maksymkyrchanoff@gmail.com)

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Historical Faculty, Voronezh State University

Universitetskaya sq. 1, 394000 Voronezh, Russian Federation

«The politics of memory» in modern Brazil (2012—2022)

Abstract: The purpose of this study is to analyze the historical politics in modern Brazil. The author analyzes historical politics as a politics of memory aimed to maintain and revise the memorial canon as a factor in the development of national identity and culture of memory. The novelty of the study lies in the analysis of the features and contradictions of the politics of memory in Brazil, since historical politics is one of the problems that have not been studied enough in Latin American studies in Russian historiography. The article analyzes 1) the main features of historical politics in Brazil, 2) the development of "memorial" discussions in Brazil, 3) the potential of historical manipulations in Brazil in contexts of the transformation of political identity. The article analyzes the differences between left and right versions of the politics of memory in the context of the ideological fragmentation of Brazilian society. It is assumed that historical politics in modern Brazil develops as a deconstruction of the left canon of national memory by putting forward alternative right-wing interpretations of history. The results of the study suggest that the politics of memory in Brazil is institutionally undetermined, various actors are involved in its implementation, represented by intellectuals and political elites who participate in the revision of history and the formation of a new memorial canon of Brazilian society.

Keywords: Brazil, historical memory, politics of memory, left, right, intellectual communities.

DOI: 10.31857/S0044748X0019915-5

Received 19.12.2021.

ИБЕРИЙСКИЙ АПСЕКТ

А.В.Баранов

Электоральное поведение граждан на региональных выборах в Испании (2020–2022 гг.): новые тенденции

Актуальность темы заключается в том, что автор данной статьи рассматривает изменения факторов и параметров электорального поведения в региональных сообществах Испании в условиях пандемии. Исследование проведено на материалах Страны Басков, Галисии, Мадрида, Каталонии, Кастилии и Леона. Теоретическая основа статьи — социокультурный подход к электоральному поведению. Проанализированы итоги опросов и голосования, предвыборные программы и заявления представителей политических партий, статистические данные. Показаны серьезные изменения партийных ориентаций и идентичности электората в условиях пандемии коронавируса и экономического кризиса. Отмечается рост влияния онлайн-технологий в ходе предвыборных кампаний. Научная значимость работы состоит в выявлении факторов неравномерности поддержки партий в сравнимых автономных сообществах. Определены последствия поражения партийной коалиции Вместе можем (*Unidas Podemos (UP)*) на выборах в Мадриде. Автор приходит к выводам о трансформации партийных систем и росте влияния правого популизма в рассмотренных автономных сообществах.

Ключевые слова: электоральное поведение, региональные выборы, политические партии, Испания, тенденции.

DOI: 10.31857/S0044748X0019916-6

Статья поступила в редакцию 23.02.2022.

Актуальность темы данного исследования определяется тем, что в ходе выборов в автономных сообществах Испании (2020—2022 гг.) проявились новые тенденции и параметры электорального поведения, что уже привело к серьезным изменениям картины поддержки партий и скажется на последующих общенациональных и европейских выборах. Новизна подхода состоит в том, чтобы определить мотивы голосования граждан в условиях

Андрей Владимирович Баранов — доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета (РФ, 350040 Краснодар, ул. Ставропольская, 149, <https://orcid.org/0000-0001-7109-3062>, baranovandrew@mail.ru).

пандемии коронавируса и экономического кризиса путем сравнения избирательных кампаний 2019 и 2020—2022 гг. Выборы в таких автономных сообществах, как Каталония, Страна Басков и Галисия, показательны для осмысления потенциала и перспектив сепсессионизма. Несмотря на то, что первые научные работы, в которых рассматривается электоральное поведение граждан в отдельных автономных сообществах, уже написаны, тема пока остается малоизученной.

Цель статьи — определить новые тенденции электорального поведения, касающиеся поддержки политических партий на региональных выборах в Испании (2020 — начало 2022 г.). На протяжении данного времени выборы представительных органов состоялись в Стране Басков, Галисии, Автономном сообществе Мадрид, Каталонии, Кастилии и Леоне.

Теоретической основой исследования является социокультурный подход к электоральному поведению и активности политических партий в трактовке Сеймура Мартина Липсета и Стейна Роккана [1, pp. 1-64]. Согласно этому подходу, в территориально неоднородных обществах возникают долгосрочные социокультурные размежевания (между центром и периферией, богатыми и бедными, приверженцами различных идеологий, верующими и атеистами и др.). Они проявляются в различиях электоральной поддержки тех или иных партий, причем социокультурные расхождения выражены более отчетливо и радикально в тех случаях, когда они дополняются территориальными разногласиями. Между двумя группами факторов отчетливо прослеживается взаимозависимость.

Данный подход можно подтвердить, применив концепцию протестного политического поведения Теда Роберта Гарра, позволяющую определить факторы поведения электората оппозиционных партий [2]. Для объяснения выбора партийных стратегий ведения избирательных кампаний, позиционирования партий и их лидеров использован исторический неонституционализм, дающий возможность установить «тропу зависимости» от предшествующего развития (в трактовке Рэйчел Битти Ридл) [3, pp. 223-238]. Мы применили вторичный анализ результатов анкетных опросов.

Эмпирическая основа работы включает в себя материалы социологических исследований в автономных сообществах, результаты выборов, предвыборные программы и заявления представителей политических партий, материалы социально-экономической статистики, сообщения и комментарии в периодической печати за 2020 — февраль 2022 г.

Среди современных исследований темы важны работы испанских политологов. Лаура Кабеса и Матиас Скантамбурло оценивают последствия одновременного проведения общенациональных и региональных выборов 2019 г. в Испании [4]. Территориальные различия в повестках дня избирательных кампаний 2019 г. выясняют Пауло Карлос Лопес-Лопес, Пальмира Чаверо Рамирес и Мария Перейра Лопес [5]. Упрочение пространственной неоднородности голосований и его связь с процессами в сфере региональной идентичности установили Даниэль Ромеро-Портильо и Антония Мария Руис Хименес [6]. Эффекты преференциального голосования в избирательных системах автономных сообществ определили исследователи Карлос Фернандес-Эскьер и Хавьер Сьерра-Родригес [7]. Взаимосвязь между

языковым фактором, сепсессионизмом и соперничеством партий раскрывают каталонские эксперты Марк Санжауме-Кальвет и Эльвира Риера-Жиль [8].

Российская школа исследований темы представлена работами ведущих ученых — С.М. Хенкина о факторах каталонского конфликта [9], В.Л. Верникова о парламентских выборах 2021 г. в Каталонии [10], П. П. Яковлева о влиянии пандемии коронавируса на политические процессы в Испании [11]. А.А. Куракина-Дамир выявила тенденции изменений электорального поведения в цикле 2015—2019 гг. и на региональных выборах 2021 г. в Мадриде [12]. А.А. Орлов проанализировал ослабление левоцентристского правительства в условиях пандемии, оценил результаты выборов 2021 г. в Каталонии [13]. Но партийные стратегии и электоральные предпочтения в автономных сообществах Испании меняются столь быстро и кардинально, что некоторые аспекты темы (влияние коммуникаций в онлайн-пространстве на голосование, межрегиональный «эффект домино» в протестном голосовании, социальная база поддержки и стратегии партий) остаются малоизученными.

Избирательные системы автономных сообществ Испании регулируются конституцией страны, а также действующей редакцией (2018 г.) Органического закона об общей избирательной системе. Выборы депутатов представительного органа проводятся не реже, чем раз в четыре года по пропорциональной системе в многомандатных округах с закрытыми партийными списками. Календарь парламентских выборов в каждом регионе свой, что сильно влияет на распределение голосов между партиями и коалициями. Каждое автономное сообщество устанавливает определенный заградительный барьер на выборах, за исключением Валенсиянского сообщества, где барьера не существует. В сравниваемой нами выборке сообщества применяют 3% заградительный барьер, кроме Галисии и Мадрида (5%). Голоса всюду перераспределяются по формуле д'Ондта, дающей преференции наиболее влиятельным партиям за счет аутсайдеров.

Значительное влияние на исход выборов оказывает «предложение» на электоральном рынке — состав партий и коалиций, что особенно зримо проявляется в Каталонии, Стране Басков и Галисии. Так, в Стране Басков региональные политические партии и коалиции получили на выборах 2020 г. 53 из 75 депутатских мест (70,7%) [14], в Каталонии на выборах 2021 г. — 82 из 135 мандатов (60,7%) [15], в Галисии в 2020 г. — 19 из 75 мест (25,3%) [16]. Таким образом, региональные партийные системы, сложившиеся в Стране Басков и Каталонии, значительно отличающиеся по составу акторов от общеиспанской системы. В Галисии эта тенденция выражена намного слабее. Испанские исследователи критикуют существующие «правила игры», отмечая неравномерное территориальное распределение мандатов между округами и диспропорции представительства партий, вызванные применением закрытых партийных списков и низким заградительным барьером. Испанские политологи Альберто Пенадес и Сальвадор Сантиусте отмечают завышенное представительство малонаселенных избирательных округов и заниженное — густонаселенных, что дает чрезмерное преимущество наиболее влиятельным партиям (Испанской социалистической рабочей партии (*Partido Socialista Obrero Español*, PSOE) и Народной партии (*Partido Popular*, PP) [17, pp. 89-116]. К.Фернандес-

Эскьер и Х. Сьерра-Родригес предлагают реформу статута автономных сообществ для перехода к открытым партийным спискам и выравнивания численности избирателей по округам [7, pp. 51-52, 93-95].

Д. Ромеро-Портильо и А.М. Руис Хименес полагают, что кризис двухпартийной системы и ее перерастание в систему умеренного плюрализма в 2010-х годах привели к поляризации партий по оси «унитаризм — сецессионизм», и это особенно ярко проявляется в Стране Басков и Каталонии [6, pp. 33-34].

За период 2020 — начало 2022 г. повестка дня региональных выборов значительно изменилась. Специалисты испанского Центра социологических исследований в выпуске *Barómetro* за декабрь 2019 г. (пропорциональная выборка — 4804 человек) отмечали, что испанцы считали действия политических партий второй по значению проблемой страны (49,5% ответов, на первом месте была безработица — 57,4% ответов, на третьем — экономические проблемы (30,5%), на четвертом — коррупция и мошенничество (20,7%), независимость Каталонии — на восьмом месте (11,8%) [18, p. 3]. Проявляли интерес к политике 38,9% опрошенных, 30% участвовали в общественных объединениях. Ориентации избирателей довольно размыты. Социалистами считали себя 13,4%, консерваторами — 13,1%, прогрессистами — 12,6%, либералами — 9,9%, социал-демократами — 5,5% респондентов. В совокупности 24,7% опрошенных отказались указать идеальные предпочтения или не сумели их выразить [18, p. 5].

Анализ итогов опросов за 2012—2019 гг., проведенный испанскими политологами Микелем Барреда и Летисией Руис Родригес, доказал, что для 56,5% респондентов предпочтительными являются интересы региона, а не общеиспанских партий, а 75% воспринимают депутатов как представителей интересов автономных сообществ. В наибольшей мере такое мнение распространено в Каталонии, Стране Басков, Галисии и Наварре [19, pp. 17-21].

Аналогичный опрос Центра социологических исследований, проведенный в сентябре 2021 г. (пропорциональная общенациональная выборка 3780 человек старше 18 лет, погрешность — 1,6%), показывает качественно иную иерархию проблем в восприятии граждан. На первом месте — безработица (41,3% ответов), на втором — экономический кризис (35,5%), на третьем — угроза жизни и здоровью вследствие пандемии коронавируса (24,7%). На пятом месте — общеполитические проблемы (18,1%), на шестом — плохое поведение политиков (13,9%), а только на одиннадцатом — партии (6%). Проблемы статута автономных сообществ и независимости Каталонии считают важными, соответственно, 2,7% и 1,9% опрошенных. Повышенный балл оценки эффективности получили либо руководители органов государственной власти (премьер-министр Испании Педро Санчес), либо лидеры правых партий (*PP*, Граждан (*Ciudadanos*) и Голоса (*Vox*) [20, p. 41]. В условиях пандемии стали преобладать базовые ценности (жизнь, здоровье, доходы, безопасность). Опрос Центра социологических исследований (сентябрь 2021 г.) свидетельствует о противоречивом восприятии принятых правительством мер эпидемиологической безопасности. Одобрены увеличение финансирования здравоохранения 48,6% респонден-

тов, а паспорта вакцинации — 38,7%, мобильные приложения для контроля над инфицированными — 33,2% [20, р. 2].

Пандемия повлекла за собой экономический кризис, но в различных автономных сообществах он проявляется по-разному. По публикации на сайте *www.datomacro.com* ВВП на душу населения в 2020 г. был выше всего в Мадриде — 32048 евро, на втором месте в Стране Басков — 30401, на четвертом в Каталонии — 27812 (в сравнении со средним по Испании — 23690 евро). Пониженный уровень ВВП на душу населения был в Кастилии и Леоне (23167 евро), а также в Галисии (21903 евро). Снижение ВВП в высокоразвитых регионах за 2020 г. сильнее, чем в менее развитых [21]. Уровень безработицы в сравниваемых регионах остается ниже среднего: во втором триместре 2021 г., по данным сайта *www.datomacro.com*, от 10% в Стране Басков до 12,4% в Галисии (в целом по Испании — 14%) [22].

Все партии активно использовали в предвыборных заявлениях темы противостояния пандемии и обеспечения безопасности граждан. Но правящей левоцентристской коалиции пришлось отвечать за действия власти и качество медицинских услуг, а оппозиция могла критиковать власть, не неся ответственности. На региональном уровне возросла роль эффективной политики сильных лидеров, каковым признается в общественном мнении председатель правительства Мадрида Исабель Диас Аюсо [23]. Во всех сравниваемых регионах выросло влияние праворадикальной партии *Vox*, причинами чего С.М. Хенкин справедливо считает недовольство граждан безработицей и коррупцией, неприятие сепаратизма и критику государства автономий, антимигрантские настроения, критику неолиберализма, наличие прочной организационной структуры партии и опытных лидеров [24, сс. 69-72]. Исследователи Пабло Ортис Баркери, Андрес Бенитес Эспиноса и Альба Мария Арагон Моралес установили, что основными факторами успеха *Vox* в регионах являются высокий экономический статус партийных активистов, политический и образовательный личный капитал кандидатов и их «укорененность» в регионе (система личных связей) [25, pp. 14-17].

Пандемия ускорила внедрение цифровых технологий в избирательных кампаниях. Профессор Барселонской школы менеджмента Тони Айра отмечает в интервью, что кампания 2021 г. в Каталонии велась на основе технологий распространения информации ресурсами *YouTube*, *Instagram* и *Twitter* [26]. Повысилась роль менеджеров коммуникации, которые обязаны уметь работать в мультимедийном пространстве на многих платформах одновременно. Впервые широко применялись краткие видеоролики в *Instagram Stories*, телеканал политических партий в *YouTube*. По мнению Т. Айры, акторы политики значительно продвинулись в области методов разработки брендов, презентаций и лозунгов кампании, онлайн-информирования избирателей [26]. Переход конкуренции в онлайн-пространство вызвал усиление категоричности лозунгов, распространяемых в tweet-сообщениях.

Перейдем к рассмотрению избирательных кампаний 2020 — февраля 2022 г. Выборы парламента Страны Басков (12 июля 2020 г.) состоялись при довольно низкой явке (50,8%), которая сократилась по сравнению с предыдущей кампанией 2016 г. и общенациональными выборами 2019 г. [27]. Среди 886 человек, опрошенных социологическим центром правительства Страны Басков в июле 2020 г., 42% считали политическую ситуацию хо-

рошей или очень хорошей, а плохой или очень плохой — 13%. Граждане получали информацию о выборах, прежде всего, из телепередач (57%), Интернета и социальных сетей (45%), а также из газет (38%). Наиболее устойчивы в предпочтениях были избиратели Баскской националистической партии (*Euzko Alderdi Jeltzalea, Partido Nacionalista Vasco; EAJ-PNV*) — 65% из них, по самооценке, поддерживают партию постоянно — и сторонники левоцентристской коалиции Единство Страны Басков (*Euskal Herria Bildu, EH Bildu*) — 59% постоянных сторонников в сравнении с 45% всех опрошенных. Электорат данных двух политических сил показал наибольшую уверенность в своих предпочтениях (72 и 70%) [28]. Исследование профессора Университета Страны Басков Хона Азкуне Торреса, проведенное на основе опросов службы *Sociómetro Vasco*, показывает, что уровень удовлетворенности функционированием демократии в регионе за 2017—2019 гг. остался постоянным — 59%, а удовлетворенность басков демократией на уровне страны снизилась с 30 до 24%. Тенденция подтверждается и различиями степени доверия к политическим институтам (наибольшая — к муниципалитетам и правительству Страны Басков, наименьшая — к правительству Испании и банкам). Характерен спад доверия почти ко всем политическим партиям [29, pp. 88-92].

В итоге выборов 2020 г. *EAJ-PNV* получила 39,1% голосов, *EH Bildu* — 27,9%, *PSOE* — 13,7%, *UP* в коалиции с региональными левыми силами — 8,1%, коалиция *PP* и *Ciudadanos* — 6,8%, *Vox* — 2,0% [27]. Это означает рост влияния региональных сил — *EAJ-PNV* и *EH Bildu* — на фоне ослабления правоцентристов и *UP*.

Кампания в Галисии (проходившая, как и в Стране Басков, 12 июля 2020 г.), состоялась при явке 49%, снизившейся по сравнению с 53,6% в 2016 г. Высокий заградительный барьер (5%) в этом автономном сообществе приводит к доминированию трех основных партий, что проявлялось и раньше. Правящая в Галисии *PP* во главе с премьер-министром Альберто Нуньесом Фейхоо победила с 48%. Галисийский националистический блок (*Bloque Nacionalista Galego, BNG*) проиграл, набрав 23,8%. Заградительный барьер также преодолела Социалистическая партия Галисии (*Partido dos Socialistas de Galicia, PSdeG-PSOE*) — 19,4%. Продолжилось ослабление в Галисии *UP* (3,9%) и *Ciudadanos* (2,1%), многие сторонники которых вернулись к поддержке, соответственно, *PSOE* и *PP* [16; 30].

После выборов *BNG* стремилась вернуть влияние, перехватив электорат у других левых партий. Так, 6 сентября 2021 г. лидер националистов Ана Понтон объявила о «великом политическом наступлении» одновременно на трех уровнях — в регионе, Испании и Евросоюзе. Цель кампании, по словам А. Понтон, — обеспечение законных интересов Галисии. Это потребует нарастить государственные услуги в сфере здравоохранения, экологии, образования и поддержки промышленности, отказаться от неолиберальных мер регионального правительства, в особенности снизить тарифы на электроэнергию. Националисты выразили готовность сотрудничать с *PSOE* и *UP* [31]. А. Понтон выступила 23 февраля 2022 г. в парламенте Галисии, обвинив председателя регионального правительства Альберто Нуньеса Фейхоо в покровительстве коррупции и пренебрежении нуждами пожилых людей, страдающих от коронавируса. Критика обуслов-

лена стремлением А. Нуньеса Фейхоо возглавить общенациональное руководство *PP* [32].

Выборы депутатов Парламента Каталонии 14 февраля 2021 г. были проведены в условиях жестких эпидемиологических ограничений. Это привело к снижению явки с 82% в декабре 2017 г. до 53,6%. Относительным победителем стала Партия социалистов Каталонии (*Partit dels Socialistes de Catalunya, PSC*) — региональное отделение *PSOE* (23,0%). Несколько меньше набрали, почти поровну, сторонники сецессии — партия Левые республиканцы Каталонии (*Esquerra Republicana de Catalunya, ERC*) — 21,4% и правоцентристская коалиция Вместе за Каталонию (*Junts per Catalunya*) — 20,1% (для них это чуть меньший успех, чем в 2017 г.). Новой тенденцией стал рост влияния правонационалистической партии *Vox* — 7,7% (на предыдущих выборах маргинальной) и леворадикальной Кандидатуры народного единства (*Candidatura d'Unitat Popular*) — 6,7% в сравнении с 4,5% в 2017 г. Поражение потерпела партия *Ciudadanos*, уменьшившая влияние с 25,4 до 5,6% и *UP*, получившая 6,9% голосов вместо 7,45%. Только благодаря низкому заградительному барьеру (3%) сохранила представительство *PP* (3,8%) [15; 33]. Подтвердились отмеченные в декабре 2017 г. тренды полевения каталонского электората, а также «дрейф» избирателей в рамках левоцентристской, правоцентристской и националистической «партийных семей» от одной партии к другой [34, pp. 31-33]. Впервые отмечен рост левого (*Candidatura d'Unitat Popular*) и правого (*Vox*) радикализма. Вследствие формата избирательной системы сторонники сецессии увеличили представительство в парламенте Каталонии с 67 до 74 мест из 135 [33], что затрудняет диалог между каталонскими и общеиспанскими политическими силами.

Чем объясняется такой исход выборов? Опрос, проведенный Центром социологических исследований Женералитата (*Centre d'Estudis d'Opinió*) в мае 2021 г. (пропорциональная выборка — 1200 человек, погрешность — 2,83%), показывает скептическое отношение жителей Каталонии к соблюдению демократических принципов. Полностью удовлетворены этим 2%, умеренно довольны 17,8%, слабо удовлетворены 50,4% и совсем недовольны 26,8% респондентов [34, p. 23]. Республиканцами считают себя 72,3%, а сторонниками монархии — лишь 15,1% (монархисты преобладают в электорате *Vox*, *Ciudadanos* и *PP*) [34, pp. 40-41]. Степень доверия региональным политикам — ниже среднего (3,36 баллов из 10 максимальных по шкале), а общеиспанским политикам доверяют в полтора раза меньше. Доверие партиям колеблется от 4,7 баллов к *ERC* до 1,38 к *Vox* [34, p. 25]. При этом 62,4% респондентов считают себя левыми и левоцентристами, а центристами — 11,7%, правоцентристами — 4,2% и правыми — 4,7% [34, p. 34].

Корреляционный анализ причин поддержки независимости, проведенный Жозепом Ольером, Альбертом Саторрой и Адольфом Тобеней осенью 2019 г., доказывает наибольшее прямо пропорциональное влияние языка родителей, высоких доходов (свыше 3 тыс. евро в месяц) и участия в социальных сетях на поддержку отделения Каталонии. Поддержка сецессии повышена в подвыборке опрошенных с доходами более 1200 евро в месяц, а также среди молодежи [35].

Для Каталонии характерен рост сегментации и неустойчивости партийной системы. Сохраняется поддержка сепессионистских сил, но сторонники государственного единства имеют почти такую же поддержку на всех выборах (47-48%). Баланс остается таковым десять лет, провоцируя радикализацию партийного соперничества. Размежевание пролегает между избирателями, имеющими самооценку «каталонцы, живущие в Каталонии» и «испанцы, живущие в Испании». По анкетному опросу мая 2021 г., Испанию называют «иностранным государством, в котором моя страна не должна быть частью», 61,3% сторонников коалиции *Junts per Catalunya*, 58% избирателей *Candidatura d'Unitat Popular* и 32,7% — *ERC*. Напротив, называют себя «испанцами, живущими в Испании» голосующие за *Vox* (20,8%), сторонники *Ciudadanos* (17,4%) и *PP* (17%) [34, pp. 43, 45, 49]. Данный опрос подтвердил одобрение независимости Каталонии 34,2% респондентов, а федерализации Испании — 25,6%. Статус автономного сообщества одобряют 28,1% [34, p. 52]. Но сторонники сепессии более сплочены, чем те, кто выступают за государственное единство. В большей степени сепессию поддерживают жители горных местностей, а не полиэтничных Барселоны и Таррагоны, что объясняется неравномерным влиянием каталонской идентичности.

Внеочередные выборы Ассамблеи Сообщества Мадрид 4 мая 2021 г. оказали значительное влияние на партийную систему всей Испании и ситуацию, связанную с соперничеством партий. Сравнение партийных программ на выборах в Мадриде показывает, что правая *PP* активно заимствует у левых лозунги повышения качества медицинских услуг, образования, защиты молодежи и семьи, надеясь на государственно-частное партнерство. *PSOE*, *UP* и *Más Madrid* (Больше Мадрида) обещали повысить пособия малоимущим слоям общества, создать новые рабочие места и повысить количество бюджетных студентов. Все партии призывали ускорить вакцинацию от коронавирусной инфекции и сделать ее более доступной [36; 37].

Явка на выборы в Мадриде повысилась по сравнению с 2019 г. с 64,3 до 71,7%. Если на предыдущих выборах победила *PSOE*, то теперь — *PP*, причем с мощным отрывом от соперников. *PP* получила 44,8% голосов, левоцентристская партия *Más Madrid* — 17%, *PSOE* — 16,8%, *Vox* — 9,2%, *Unidas Podemos* — 7,2% и *Ciudadanos* — 3,6% (последние из-за 5%-заградительного барьера не получили мест в Ассамблее) [36; 12, сс. 42–45]. Подтвердилось, хотя почти не выросло, влияние праворадикальной партии *Vox*. Отметим провал *Ciudadanos* (спад влияния с 19,5 до 3,6%) [36; 37]. Прослеживается неравномерность поддержки партий в зависимости от уровня жизни в городских районах и социальной стратификации, доказанная в исследовании Андрино Борха, Даниэле Грассо, Луиса Севильяно Пиреса и Кико Льянераса [38].

Впервые новая левоцентристская сила опередила *PSOE*, а *Podemos* потерпели поражение, что привело к уходу их лидера Пабло Иглесиаса из большой политики. Причинами поражения *UP* стали невыигрышная программа по сравнению с программами конкурентов, авторитарный стиль лидерства П. Иглесиаса, непоследовательность действий представителей партии в правительстве. Вполне вероятно поглощение критически ослабшей партии *Ciudadanos* со стороны *PP*.

Внеочередные выборы в Кастилии и Леоне 13 февраля 2022 г. важны тем, что они определяют тенденции предстоящего электорального цикла. Явка на выборы составила 63,4% (немного меньше, чем в мае 2019 г.). Подтвердила свое влияние *PP* (31,4% голосов и 31 из 81 мандата в Кортесах автономного сообщества). *PSOE* проиграла, сократив влияние с 34,8 до 30% и с 35 до 28 мест. Значительного успеха добилась *Vox* — 17,6% голосов вместо 5,5%, 13 мандатов. Провалом закончилась кампания для *Ciudadanos* (4,5% голосов вместо 14,9%). *UP* сохранили влияние на низком уровне (5,1% голосов и 1 мандат). Новой тенденцией стал рост влияния регионалистских партий. Союз леонского народа (*Unión del Pueblo Leonés*) нарастил поддержку с 2 до 4,3% голосов, платформа Сория, живее! (*Soria ¡Ya!*) впервые получила 1,5%, а блок *Por Ávila* (За Авилу) — 1,2% голосов [39]. *PP* и ее региональный лидер Альфонсо Фернандес Мануэко нуждаются в голосах *Vox* для создания правой коалиции либо голосах *PSOE* для коалиции прагматической. Оба варианта воспринимаются как поражение, усиливают критику в адрес председателя *PP* Пабло Касадо со стороны Исабель Диас Аюсо и Альберто Нуньеса Фейхоо [40]. Вероятно, в ближайшие месяцы произойдет смена лидера *PP*, что временно ослабит партию.

Новые тенденции поддержки политических партий на региональных выборах в Испании в условиях пандемии и экономического кризиса 2020 — начала 2022 гг. таковы: значительное изменение ценностей и идентичности регионального электората, усиление персонификации партийной приверженности, рост правого популизма и волатильности внутри «партийных семей».

Выборы представительных органов автономных сообществ Страны Басков, Галисии, Каталонии, Мадрида, Кастилии и Леона (2020 — начало 2022 г.) характеризовались масштабными изменениями, касающимися повестки дня и поддержки политических партий по сравнению с электоральным циклом 2015—2019 гг. На первый план среди требований избирателей вышли вопросы безопасности, здоровья, сохранения уровня жизни и занятости. В рамках избирательных кампаний стали активно применяться цифровые технологии. Это привело к росту авторитета эффективных региональных лидеров, но усилило и популистские лозунги.

Следует отметить неравномерность поддержки партий в сравниваемых автономных сообществах: центр — периферийное строение сообществ, размеры населенных пунктов, этнический состав, уровень доходов и безработицы электората.

Выявлены изменения, касающиеся поддержки тех или иных партий на выборах в Стране Басков, Галисии, Каталонии, Мадриде, Кастилии и Леоне. В Каталонии и в меньшей степени в Галисии наблюдается следующая тенденция: довольно большое количество избирателей проголосовали за левые партии. В Стране Басков и особенно в Мадриде, напротив, наибольшая поддержка была оказана правоцентристам. В Кастилии и Леоне сохранилось влияние *PP*, а влияние *PSOE* сократилось. Повсеместно происходит укрепление позиций *Vox*.

Одним из последствий поражения *Unidas Podemos* на выборах в Автономном сообществе Мадрид является консолидация электоральной под-

держки *PP* и ее регионального лидера И. Диас Аюсо, что может в ближайшее время привести к смене национального руководства партии.

Следует подчеркнуть, что в Каталонии происходит рост и правого, и левого популизма одновременно, что отражает недовольство общества чередованием у власти сил, лояльных существующему политическому порядку. Вполне вероятно, что в стране появятся новые политические организации, в том числе регионалистские, ориентированные на протестный электорат. Во всех сравниваемых сообществах растет влияние правого популизма, что выражается в поддержке партии *Vox*. Это происходит на фоне углубления экономического кризиса и усиления недовольства антипандемийными мерами правительства, противоречий внутри *PP* и резкого ослабления *Ciudadanos*. Вполне вероятно, что в Испании будут проведены досрочные выборы депутатов Генеральных кортесов и региональных ассамблей; преимуществу от этого будут иметь в основном правые политические силы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction. *Lipset S.M., Rokkan S., (eds.), Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York, Free Press, 1967, pp. 1-64.
2. Gurr T.R. Why Men Rebel. Princeton (New Jersey), Princeton University Press, 1970, 440 p.
3. Beatty Riedl R. Political Parties, Regimes, and Social Cleavages. *Fioretos O., Falletti T.G., Sheingate A. (eds.), The Oxford Handbook of Historical Institutionalism*. Oxford, Oxford University Press, 2016, pp. 223–238.
4. Cabeza L., Scantamburlo M. Dual Voting and Second-Order Effects in the Quasi-Simultaneous 2019 Spanish Regional and National Elections, *Revista Española de Ciencia Política*, 2021, N 55, pp. 13–35.
5. López-López P.C., Chavero Ramírez P., Pereira López M. Las Agendas Territoriales Españolas: Análisis Temático de los Debates en las Elecciones Autonómicas del Año 2019. *Revista Latina de Comunicación Social*. 2020, N 76, pp.163–188.
6. Romero-Portillo D., Ruiz Jiménez A.M. La Consolidación Electoral del Desequilibrio Territorial e Identitario en España (2008–2019). *RIPS: Revista de investigaciones políticas y sociológicas*, 2020, Vol. 19, N 2, pp. 9–44.
7. Fernández-Esquer C., Sierra-Rodríguez J. El Voto Preferencial en las Comunidades Autonomas: Propuestas y Condicionantes Jurídicos. *Revista d'Estudis Autonòmics i Federals – Journal of Self-Government*, 2019, N 29, Junio, pp. 51–100.
8. Sanjaume-Calvet M., Riera-Gil E. Languages, Secessionism and Party Competition in Catalonia: A Case of De-Ethnicising Outbidding? *Party Politics*, 2020, N XX (X), pp. 1–20.
9. Хенкин С.М. Каталонский конфликт: Национальное и международное измерения. *Актуальные проблемы Европы*. М., 2020, №2, сс.94–121. [Khenkin S.M. Katalonskiy konflikt: Natsional'noe i mezhdunarodnoe izmereniya. [The Catalan Conflict: National and International Dimensions]. *Aktual'nye problemy Evropy*. Moscow, 2020, N 2, pp. 94–121 (In Russ.).
10. Верников В.Л. Выборы в Каталонии – тест для правительства в Мадриде. *Аналитические записки Института Европы РАН*. М., 2021, № 3(233), сс.1–5. [Vernikov V.L. Vybery v Katalonii – test dlya pravitel'stva v Madride. [Elections in Catalonia are a test for the government in Madrid]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*. Moscow, 2021, N 3(233), pp. 1–5.

Available at: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2021/an233.pdf> (accessed 20.10.2021) (In Russ.).

11. Яковлев П.П. Эффект COVID-19: Испания перед вызовами коронакризиса. *Перспективы. Электронный журнал*. М., 2020, № 2(22), сс. 22–37. [Yakovlev P.P. Effekt COVID-19: Ispaniya pered vyzovami koronakrizisa. [The effect of COVID-19: Spain facing the challenges of the coronacrisis]. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal*. Moscow, 2020, N 2 (22), pp. 22–37. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/effekt_covid-19_ispanija_pered_vyzovami_koronakrizisa_2020-05-28.htm (accessed 20.10.2021) (In Russ.).

12. Куракина-Дамир А.А. Испания: избирательный процесс в условиях фрагментации парламента. *Латинская Америка*. М., 2020, № 4, сс.32–45. [Kurakina-Damir A.A. Ispaniya: izbiratel'nyy protsess v usloviyakh fragmentatsii parlamenta [Spain: electoral process in the context of a fragmented parliament]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, N 4, pp. 32–45. (In Russ.).

13. Орлов А.А. Испанский политический пасьянс в период пандемии. *Обозреватель – Observer*. М., 2021, № 3, сс.63–73. [Orlov A.A. Ispanskij politicheskij pas'jans v period pandemii. [Spanish Political Solitaire During the Pandemic.]. *Обозреватель–Observer*. Moscow, 2021, N 3, pp. 63–73 (In Russ.).

14. El PNV Gana Ampliamente, EH Bildu Logra una Gran Subida y Vox Entra en el Parlamento. Available at: <https://www.eitb.eus/es/elecciones/autonomicas-vascas/> (accessed 20.10.2021).

15. La Participació a les Eleccions al Parlament del 14-F al Final de la Jornada és del 53,56%, amb el 98% Escrutat. Available at: https://exteriors.gencat.cat/ca/detalls/noticia/not_210214_rdp_resultats_provisionals (accessed 20.10.2021).

16. Elecciones en Galicia. *El Pais*, 14.07.2020. Available at: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2020/autonomicas/11/index.html> (accessed 20.10.2021).

17. Penades A., Santiuste S. La Desigualdad en el Sistema Electoral Español y el Premio a la Localización. *Revista Española de Ciencia Política*, 2013, N 32, Julio, pp. 89–116.

18. CIS. Estudio nº3269. Barómetro de Diciembre 2019. Postelectoral Elecciones Generales 2019. Madrid, Centro de Investigaciones Sociológicas, 2020. 51 p. Available at: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/3260_3279/3269/es3269mar.pdf (accessed 20.10.2021).

19. Barreda M., Ruiz Rodríguez L.M. Citizens' Preferences Towards Modes of Representation: Analysis and Typology of the Spanish Case. *RIPS: Revista de investigaciones políticas y sociológicas*, 2019, Vol. 18, N 2, pp. 9–30.

20. Barómetro de Septiembre 2021. Avance de Resultados. Estudio nº 3334. Madrid, Centro de Investigaciones Sociológicas, 2021. 56 p. Available at: http://datos.cis.es/pdf/Es3334marMT_A.pdf (accessed 21.10.2021).

21. PIB Per Capita de las Comunidades Autónomas. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/pib/espana-comunidades-autonomas> (accessed 02.02.2021).

22. Economía de las comunidades autónomas. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/ccaa/> (accessed 20.10.2021).

23. Ónega F. Fernando Ónega: "Si Díaz Ayuso Tiene Más Fuerza Electoral que Pablo Casado, el Señor Casado se Debiera Preocupar". *Onda Cero*. 07.02.2022. Available at: https://www.ondacero.es/programas/mas-de-uno/audios-podcast/opinion-masdeuno/onega/fernando-onega-diaz-ayuso-tiene-mas-fuerza-electoral-que-pablo-casado-senor-casado-debiera-preocupar_202202076200bb2cf6a5490001dcf12a.html/ (accessed 07.02.2022).

24. Хенкин С.М. «ВОКС»: испанский вариант праворадикальной партии в современной Европе. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2021, т. 65, № 11, сс. 69–78 [Khenkin S.M. «VOKS»: ispanskiy variant pravoradikal'noy partii v sovremennoy Evrope. [VOX

- Spanish Variant of Radical Right Party in Present-Day Europe]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2021, vol. 65, N 11, pp. 69–78 (In Russ.).
25. Ortiz Barquero P., Benítez Espinosa A., Aragón Morales A.M. Organización Partidista y Rendimiento Electoral. Una Aproximación al Caso de la Derecha Radical en España. *RIPS: Revista de Investigaciones Políticas y Sociológicas*, 2021, N 20 (2), pp. 1–17.
26. Amat A. Elecciones Catalunya: El Salto de la Política a Instagram Stories y los Directos de YouTube. *La Vanguardia*. 12.02.2021. Available at: <https://www.lavanguardia.com/vida/formacion/20210212/6242813/elecciones-catalunya-campana-audiovisual-instagram-youtube.html> (accessed 21.10.2021).
27. Elecciones País Vasco. *El País*. 14.07.2020. Available at: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2020/autonomicas/14/> (accessed 21.10.2021).
28. Comportamiento EN Elecciones Autonómicas 2020 (Julio de 2020). Nota de Prensa. Available at: https://bideoak2.euskadi.eus/2020/07/17/news_62701/20TEF5_notaprensa.pdf (accessed 21.10.2021).
29. Azkune Torres J. ¿Naciones sin Estado o Estatalidades Subalternas? Análisis del Nacionalismo Contemporáneo Desde el Caso Vasco. *Revista d'Estudis Autònomic i Federals*, 2021, N 33, pp. 59–116.
30. Rostoll P. País Vasco y Galicia. Hay Mucho en Juego, Más de lo que Parece, en el Resultado de los Comicios de Este Fin de Semana. *El Periódico*. 10.07.2020. Available at: <https://www.elperiodico.com/es/politica/20200710/cinco-claves-elecciones-pais-vasco-galicia-8035060> (accessed 24.10.2021).
31. Pontón (BNG) Anuncia una “Gran Ofensiva Política” para Hacer Valer los Intereses de Galicia en Todas las Instituciones. *Europa Press*. 06.09.2021. Available at: <https://www.europapress.es/eseuropa/noticia-ponton-bng-anuncia-gran-ofensiva-politica-hacer-valer-intereses-galicia-todas-instituciones-20210906145506.html> (accessed 24.10.2021).
32. Ana Pontón: “Feixoo tiene que elegir: Galicia o PP”. Available at: <https://www.bng.gal/articulo/novas/ana-ponton-feixoo-ten-que-escoller-galiza-pp/20220223144143031771.html> (accessed 23.02.2022).
33. Eleccions al Parlament de Catalunya – 21 de Desembre de 2017. *Diari Oficial de la Generalitat de Catalunya*, 2018, N 7534A, 12 de enero, pp. 1–8.
34. Enquesta Sobre Context Polític a Catalunya. 2021 Dossier de Premsa. Barcelona, Centre d'Estudis d'Opinio, Generalitat de Catalunya, 2021, 102 p.
35. Oller J., Satorra A., Tobeña A. Pathways and Legacies of the Secessionist Push in Catalonia: Linguistic Frontiers, Economic Segments and Media Roles Within a Divided Society. *Policy Network*, 30.09.2019. Available at: <https://policynetwork.org/publications/papers/pathways-and-legacies-of-the-secessionist-push-in-catalonia/> (accessed 24.10.2021).
36. 4M. Resultados Definitivos. Datos. Available at: <https://resultados2021.comunidad.madrid/Resultados/Comunidad-Madrid/0/es> (accessed 24.10.2021).
37. Programas Electorales de las Elecciones en Madrid: Esto Es lo que Plantean los Partidos. *El País*. 04.05.2021. Available at: <https://elpais.com/espana/elecciones-madrid/2021-05-04/programas-electorales-de-las-elecciones-en-madrid-esto-es-lo-que-plantean-los-partidos-para-el-4-m.html> (accessed 24.10.2021).
38. Borja A., Grasso D., Sevillano Pires L., Llaneras K. Los Resultados de las Elecciones en Madrid, Calle a Calle: la Participación no Ayuda a la Izquierda y la Derecha Sube También en los Barrios Pobres. *El País*, 05.05.2021. Available at: <https://elpais.com/espana/elecciones-madrid/2021-05-05/los-resultados-de-las-elecciones-en-madrid-calle-a-calle-la-participacion-no-ayuda-a-la-izquierda-y-la-derecha-sube-tambien-en-los-barrios-pobres.html#?rel=mas> (accessed 24.10.2021).

Андрей Баранов

39. España: el Partido Popular Ganó las Elecciones en Castilla y León, Pero Necesitará de la Ultraderecha para Gobernar. Available at: <https://www.infobae.com/america/mundo/2022/02/13/espana-el-partido-popular-gano-las-elecciones-en-castilla-y-leon-pero-necesitara-de-la-ultraderecha-para-gobernar/> (accessed 15.02.2022).

40. Ortega J. Feijóo y los Barones Transmitirán a Casado que lo Mejor es que Dimita Cuanto Antes. Available at: <https://www.vozpopuli.com/espana/fejoo-casado-dimita.html> (accessed 23.02.2022).

Andrey V. Baranov (baranovandrew@mail.ru)

Doctor of Science (Politics), Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University

Stavropolskaya Str. 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation

Electoral behavior of citizens in regional elections in Spain (2020–2022): new trends

Abstract. The relevance of the topic is manifested in the need to find out the changes in the factors and parameters of electoral behavior in the regional communities of Spain in the context of a pandemic. The study is conducted on the materials of the Basque Country, Galicia, Madrid, Catalonia, Castile and Leon. The theoretical basis of the article is a socio-cultural approach to electoral behavior. The results of questionnaires and voting, election programs and statements of political parties' representatives, statistical data are analyzed. Serious changes in party orientations and the identity of the electorate are shown in the context of the coronavirus pandemic and the economic crisis. There is an increase in the influence of online technologies in the course of election campaigns. Short-term factors of changes in the support of parties in elections are revealed. The scientific significance of the work lies in the identification of spatial factors of uneven support for parties in the compared autonomous communities. The consequences of the defeat of "Unidas Podemos" in the elections in Madrid are determined. The author comes to conclusions about the transformation of party systems and the growth of the influence of right-wing populism in the studied autonomous communities.

Key words: electoral behavior, regional elections, political parties, Spain, trends.

DOI: 10.31857/S0044748X0019916-6

Received 23.02.2022.

В.Н.Шкунов

Внешняя торговля Бразилии с 1822 г. до конца XIX в.: поиск идентичности

Статья посвящена проблемам развития внешней торговли Бразилии со времени обретения независимости до конца XIX в. В материале предложена периодизация истории внешней торговли в рассматриваемый период. Особое внимание уделено эволюции внешнеторговых отношений с ведущими торговыми партнерами страны в Европе, США, Латинской Америке, Российской империи, особенностям торговли кофе. Автор статьи раскрывает значение работоторговли как специфической сферы внешней торговли Бразилии, приводит примеры российско-бразильского торгового сотрудничества. В исследовании использованы преимущественно малоизвестные и довольно редкие дореволюционные источники на русском, английском, испанском и португальском языках, из которых извлечены ценные статистические данные, характеризующие динамику и объемы внешней торговли Бразилии на протяжении XIX в.

Ключевые слова: Бразилия, внешняя торговля, кофе, сахар, работоторговля, экспорт, импорт.

DOI: 10.31857/S0044748X0019543-6

Статья поступила в редакцию 06.12.2021.

XIX век — сложная и противоречивая эпоха в истории Бразилии. Это время обретения независимости от Португалии, провозглашения 12 октября 1822 г. империи во главе с Педру I (1822—1831 гг.) и ее падения с провозглашением республики 15 ноября 1889 г. В течение столетия страна активно развивала внешнеторговые связи: ее торговые интересы простирались от американского континента до Европы, Африки и Азии. В бразильских товарах нуждалась и развивавшаяся российская экономика. В этот период бразильско-российская торговля получила новый импульс: выросли ее объемы, расширился ассортимент экспортных и импортных товаров, упрочилось морское торговое судоходство.

Владимир Николаевич Шкунов — доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории и археологии Самарского федерального исследовательского центра Российской академии наук (РФ, 443001 Самара, Студенческий пер., 3а (orientru@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0311-9061>).

Развитие внешней торговли Бразилии на протяжении рассматриваемого периода находилось и находится в центре внимания многих исследователей. В Бразилии и в странах, являвшихся ее основными партнерами, уже в начале XIX в. появились труды, содержавшие статистические сведения о внешней торговле, данные об ассортименте экспорта и импорта. В них были представлены характеристики торговых путей, цен, компаний, анализ таможенной политики, раскрывались причины падения спроса на отдельные виды товаров, содержались предложения по развитию коммерческих связей с конкретными странами. На протяжении всего столетия тематика исследований расширялась, росло число публикаций бразильских ученых, в частности экономистов [1]. Традиции, заложенные во внешней торговле в XIX в., получили развитие в XX столетии. Нередко бразильским предпринимателям и торговцам приходилось действовать в сложных условиях, преодолевать многочисленные препятствия, связанные с конкурентной борьбой на рынках, трудностями в транспортировке товаров, приспособливаться к меняющемуся торговому и тарифному законодательству и т.д. Этот уникальный опыт не утратил своей значимости и в наше непростое время. Именно поэтому обращение к данной теме мы считаем своевременным и актуальным.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ БРАЗИЛИИ С 1822 г. ДО КОНЦА XIX в.

На наш взгляд, в развитии внешней торговли Бразилии в указанный период можно выделить несколько этапов:

— 1822—1831 гг. — провозглашение независимости, период правления императора Педру I. Расцвет работорговли, расширение внешнеторговых связей Бразилии с США, европейскими странами и государствами Латинской Америки, снижение таможенных пошлин, открытие портов, законодательное поощрение внешней торговли;

— 1831—1889 гг. — период правления императора Педру II (1831—1889). Укрепление позиций Бразилии на мировом рынке торговли кофе, отмена рабства («Золотой закон» от 13 мая 1888 г.).

— 1889—1899 гг. — провозглашение республики (15 ноября 1889 г.). Обретение первенства в мировой торговле сахаром, кофе, деятельность крупных торговых компаний, ориентированных на экспорт.

Внешняя торговля Бразилии в самом начале XIX в. находилась под контролем Лиссабона, регламентировалась португальскими законами и была ориентирована на удовлетворение потребностей королевства и расширение сбыта экспортоориентированных товаров на разных рынках мира. Интерес к бразильскому рынку проявляли многие страны, включая Российскую империю.

В самом конце XVIII в. 16 (27) декабря 1798 г. между Российской империей и Португалией был заключен Договор дружбы, мореплавания и торговли (возобновление Договора от 9 (20) декабря 1787 г.) [2]. В соответствии со ст.8 данного документа предусматривалось снижение вдвое таможенных пошлин на ввоз в Россию бразильского индиго и молотого табака. Указанные товары выделены отдельно, так как на рубеже веков играли особую роль в двусторонней торговле и пользовались повышенным спросом на территории России.

Интерес к Бразилии проявляла Российско-Американская компания. Так, по пути следования из Ново-Архангельска российские торговые суда заходили в порты Южной Америки, включая Рио-де-Жанейро, где осуществлялась погрузка местных товаров (в частности, какао и сахарного песка) для доставки в порт Кронштадт. Например, судно «Суворов», принадлежавшее Российско-Американской компании, 6 июня 1818 г., прибыв в порт Рио-де-Жанейро, находилось здесь на протяжении 32 дней, в течение которых осуществлялись закупки [3, с. 575].

Определенная часть бразильских товаров в конце второго десятилетия XIX в. реэкспортировалась в Российскую империю из Португалии. Этот путь был, разумеется, короче, однако, стоимость бразильских товаров в этом случае была выше. Известно, что в период с 1 января по 30 июня 1818 г. в Лиссабон прибыло 43 российских судна. На них было доставлено в Россию португальских и бразильских товаров на общую сумму 127 570 986 рейсов [3, с. 813].

В колониальный период внешняя торговля Бразилии находилась в большой зависимости от португальских властей. Метрополии было выгодно реализовывать бразильские товары на европейском рынке, получая значительные прибыли от их перепродажи. Сдерживающим фактором в это время также была таможенная политика португальских властей в Бразилии. К примеру, статусом наиболее благоприятствующей нации пользовались англичане, имевшие льготную пошлину в размере 15% в отличие от торговцев других стран, включая Российскую империю, вынужденных оплачивать пошлину в размере 25%. Правление Российско-Американской компании по этому поводу отмечало: «...торговля наша с Бразилией никогда не будет важна, доколе иностранным купцам не воспрещено будет иметь там на кораблях своих самовольно употребляемый российский флаг и доколе россияне не воспользуются тем же правом, какое имеют там англичане» [4, с. 517].

Первый из выделенных нами хронологических этапов развития собственно бразильской коммерции (1822—1831 гг.) характеризовался активным нормотворчеством в сфере торговли, расширением внешнеторговых связей с зарубежными странами. «Бракоразводный процесс» с Португалией был сложным и противоречивым. Однако события, предшествовавшие провозглашению независимости Бразилии, делали его неизбежным. Российский посланник в Рио-де-Жанейро Федор Васильевич Тейль ван Сераскеркен в депеше статс-секретарю МИД Карлу Васильевичу Нессельроде от 8 (20) ноября 1820 г. писал: «...для Португалии отделение от Бразилии более неприятно, нежели для Бразилии — отделение от Португалии по той причине, что Португалия без Бразилии мало что значила бы, тогда как Бразилия при наличии администрации, умеющей использовать ее обширные ресурсы, может стать весьма могущественной независимо от Португалии» [5, с. 599]. Эти слова оказались во многом пророческими: обретение независимости открывало перед Бразилией большие возможности, в том числе в сфере внешней торговли.

Неоднозначное отношение Европы к провозглашению Бразилией независимости не мешало сохранению и преумножению внешнеторговых связей последней. Установление дипломатических отношений также придало импульс развитию бразильской коммерции. Например, в Санкт-

Петербург в качестве поверенного в делах был направлен Луиш Соза Диаш, в прошлом успешный бразильский купец [6, с. 71]. В рассматриваемый период бразильские торговцы установили взаимовыгодные деловые связи с новыми партнерами в США, странах Европы, Латинской Америки, а объемы внешней торговли выросли.

Особую роль в развитии внешней торговли Бразилии сыграл Торговый (коммерческий) кодекс, принятый 25 июня 1850 г. (Закон № 556), который регламентировал вопросы как внутренней, так и внешней торговли империи. Это — один из первых в странах Латинской Америки коммерческих кодексов, вобравший в себя многие положения из торгового законодательства Португалии, Франции и Испании [7]. Этот внушительный правовой акт (общий объем — почти 1000 страниц) имеет особую ценность для исследователей истории внешней торговли Бразилии. В нем содержится подробный перечень экспортных товаров, ставки таможенных пошлин, особенности регулирования импорта и экспорта, основы международного коммерческого арбитража и т.д. Примечательно, что в Кодексе неоднократно упоминается Россия как один из внешнеторговых партнеров Бразилии. Некоторые позиции во внешнеторговых отношениях двух стран регламентировались особо. В последующие годы Торговый кодекс Бразилии служил определенным эталоном для других стран Латинской Америки. Детальный анализ этого документа содержится в докторской диссертации и публикациях Ксении Михайловны Беликовой [8].

К середине века торговые связи Бразилии с другими странами значительно расширились, что потребовало совершенствования действующего торгового законодательства, пересмотра устаревших норм, в части, пошлин, условий торговли, морских перевозок и пр. В стране издавались специальные сборники законов и иных правовых актов, в том числе по торговому законодательству. Новые нормативно-правовые акты в сфере торгового права, в частности, публиковались в ежегодных «Сборниках законов Бразильской империи» [9].

В конце века одним из важнейших торговых партнеров Бразилии оставались Соединенные Штаты Америки. Так, в 1892 г. бразильский экспорт оценивался в 118 633 604 долл., а американский — в 14 291 873 долл. [10, р. 26]. Таким образом, внешнеторговый оборот Бразилии с США в этот период характеризовался положительным сальдо с девятикратным превышением экспорта над импортом. При этом объемы бразильско-американской торговли росли с каждым годом: если в 1890 г. она оценивалась в 71 290 970 долл., в 1891 г. — в 97 350 841, то в 1892 г. — уже в 132 925 477 долл. [10, р. 27]. Из США в Бразилию доставлялись разнообразные товары. Среди них в 1891 г. были ввезены автомобили и экипажи (на 736 833 долл.), уголь (138 464 долл.), изделия из хлопка (453 497 долл.), строительное оборудование, включая пилы и прочие инструменты (244 165 долл.), паровые двигатели и машины (2 225 312 долл.), фрукты, орехи, хмель и семена (86 744 долл.), канифоль, деготь, смола и скипидар (226 155 долл.), нефть очищенная (956 486 долл.), ветчина (758 897 долл.), сало (917 812 долларов) [10, pp. 31-38].

Развитию внешней торговли Бразилии в самом конце XIX в. способствовало внушительное расширение морского торгового судоходства. По количеству пароходов с грузоподъемностью более 100 т Бразилия уступала

на американском континенте только Соединенным Штатам: если в США в 1896—1897 гг. таких морских судов насчитывалось 477, то в Бразилии — 314. Третье место занимала Аргентина с 61 парохомом [11, р. 175]. Такой большой отрыв по сравнению с другими латиноамериканскими странами давал известные преимущества бразильским компаниям и торговцам. Кроме этого, следует принять во внимание рост числа торговых судов, прибывавших в бразильские порты под иностранными флагами. При этом американские транспортные компании имели очевидные преимущества перед бразильскими за счет меньших расходов на перевозку товаров, хорошие доходы (10% от стоимости объема перевозимого груза), большей грузоподъемности морских судов и т.д. Кроме того, в бразильско-американской торговле были задействованы торговые суда еще 13 европейских государств (преимущество было у англичан) — Великобритании, Норвегии, Италии, Германии, Голландии и др.

Поступательному развитию внешнеторговых связей Бразилии с государствами Европы опосредованно способствовала значительная миграция европейцев в Латинскую Америку. Так, в 1896 г. только в штат Сан-Паулу прибыли 74 918 мигрантов. Всего в период с 1827 по 1896 г. в штат мигрировали из Европы 701 211 европейцев, из них 493 535 итальянцев. Остальные мигранты — португальцы, испанцы, немцы и др. [11, р. 188]. Бразильское правительство поощряло внешнюю миграцию, но придерживалось мнения о необходимости создания компактных национальных поселений из числа прибывших европейцев. Мигранты активно включались в экономическую жизнь Бразилии, в том числе во внутреннюю и внешнюю торговлю.

КОФЕ — ГЛАВНЫЙ ЭКСПОРТНЫЙ ТОВАР БРАЗИЛИИ

К концу века главным экспортным товаром оставался кофе. Если в начале XIX столетия этот товар экспортировался в незначительном количестве, то в 90-е годы он доминировал на рынках США, стран Европы, Российской империи и т.д. Только через порты Рио-де-Жанейро и Сантус было экспортировано значительное количество кофе. В таблице 1 представлена динамика экспорта кофе через указанные порты (количество мешков по 60 кг кофе).

Т а б л и ц а 1

ЭКСПОРТ КОФЕ В ПЕРИОД С 1800 ПО 1895 гг.

Год	Количество мешков	Год	Количество мешков
1800	13	1840	1 037 981
1817	66 985	1876	3 765 122
1820	97 489	1895	6 508 768
1830	484 222		

Источник: Smith J.P. Monthly Bulletin of the Bureau of American Republics. International Union of American Republics. 1897, July. Washington, DC USA, 1897, p. 339.

В течение века кофейные плантации на территории Бразилии значительно увеличились. Традиционно эта культура возделывалась на широте между 18° и 25°, где почвенно-климатические условия были самыми благоприятными. В последние десятилетия XIX в. зона культивирования кофе расширилась на север. В этот прибыльный бизнес вовлекалось все больше производителей. Основным сортом возделываемого кофе был сорт *coffea vermelho*. В зависимости от региона выращивания применялись различные методы агротехнологии. Учитывались особенности температуры, влажности, почвы и т.д. Соответственно, и сроки сбора урожая были разными. Например, в штате Сеара на северо-востоке Бразилии молодые саженцы кофе всегда выращивались в теплицах и в возрасте двух лет в период с января по апрель высаживались в открытый грунт. Технология подготовки собранного урожая также отличалась в зависимости от региона. Более совершенной была технология подготовки кофе в штатах Сан-Паулу и Минас-Жерайс, где использовалась современная техника. К определенному времени кофе доставлялся в мешках в порты и оттуда вывозился за границу.

К концу века в Бразилии сформировались крупные плантации, где произрастали десятки тысяч кофейных деревьев. Крупнейшей считалась плантация француза Анри Дюмона в штате Минас-Жерайс. Общая площадь владения составляла 30 тыс. га, из которых 6150 га было отведено под кофе. На плантации были задействованы преимущественно итальянцы (8 тыс. человек). В 1895 г. здесь было собрано 4 100 000 кг кофейных зерен, в 1896 г. — 4 500 000 кг [11, р. 340]. В 1893 г. плантацию, приносящую огромную прибыль, выкупила одна бразильская компания за 12 млн франков.

Одним из крупнейших центров торговли бразильским кофе был порт Гамбурга в Германии. Отсюда этот товар расходил по всей Европе, включая ярмарку в Лейпциге, — крупнейший центр европейской оптовой торговли. С Лейпцигской ярмарки бразильский кофе доставлялся и на территорию Российской империи. В 1885 г. в Гамбургский порт было привезено 179 млн фунтов кофе (в 1884 — 161 млн фунтов) [12, с. 748]. Стоимость бразильского кофе в это время составляла 28,5 пфеннигов за 0,5 кг.

Потребление кофе практически на всех континентах на протяжении рассматриваемого периода возрастало. О его объемах можно судить по данным таблицы 2. Популярность кофе была вызвана и распространившимся мнением о его пользе для здоровья, применении при лечении некоторых заболеваний. В некоторых странах Европы появились научные статьи и специальные исследования о пользе кофе. Некоторые из трудов были переведены на русский язык [13].

В Российской империи бразильский кофе продавался оптом на аукционе в Санкт-Петербурге. Сюда он доставлялся как иностранными, так и отечественными купцами после уплаты таможенных пошлин [14, с. 428]. Другими каналами поставки кофе в России служили рижский и одесский порты. Причем объемы ввоза кофе в этих портах существенно различались. Так, в Риге ввоз этого товара долгое время сдерживался высокими таможенными пошлинами в отличие от порто-франко в Одессе. Незначительные объемы кофе доставлялись через Архангельск и некоторые прибалтийские порты (кроме Риги). Об объемах ввоза кофе в Российскую империю в 1832—1845 гг. можно судить по данным, приведенным в таблице 3.

Т а б л и ц а 2

**ПОТРЕБЛЕНИЕ КОФЕ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ МИРА В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ 40-х ГОДОВ XIX в. (в тоннах)**

Государства	Объем потребления	Государства	Объем потребления
Великобритания	11 500	Франция, Испания, Италия, Европей- ская Турция, Левант и др.	35 000
Голландия, Бельгия	40 500	Америка	20 000
Германия, скандинав- ские страны	132 000		

Источник: Сен-Ароман А. О действии на здоровье и влиянии на нравственность кофе, чая и шоколада. В 2-х ч. СПб., Типография К.Жернакова, 1845, сс. 35-36.

Т а б л и ц а 3

**ОБЪЕМЫ ВВОЗА КОФЕ В РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ
В 1832—1845 гг.**

Годы	Количество (в пуд.)	Сумма привоза (в руб.)	Цена за 1 пуд
1832—1836	117 333	957 522	8 руб.15 коп. сер.
1837—1841	131 703	1 018 403	7 руб. 80 коп. сер.
1842—1845	154 556	1 051 061	6 руб. 80 коп.

Источник: Неболсин Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России. Ч.1, СПб., Типография Департамента внешней торговли, 1850, с. 388.

Снижение таможенных пошлин и рост потребления стимулировали увеличение ввоза кофе в Россию и способствовали уменьшению цены товара.

**РАБОТОРГОВЛЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ОТРАСЛЬ ВНЕШНЕЙ
ТОРГОВЛИ БРАЗИЛИИ**

Рабовладение и работорговля напрямую и опосредованно влияли на развитие внешней торговли Бразилии на протяжении многих десятилетий, вплоть до официальной отмены рабства в 1888 г. (запрет на работорговлю был установлен еще в 1850 г.). Планомерный, систематический привоз африканских рабов в Бразилию, развитие рынков работорговли, растущая потребность в рабах в связи с расширением сельскохозяйственного производства — все это ставило бразильскую экономику в сильную зависимость от рабовладения. Особенности работорговли полно и разносторонне исследо-

вались как учеными прошлого (XIX в.), так и современными исследователями. Среди последних следует особо выделить Лесли Бетелла [15], Ричарда Грэма [16], а также Максима Валерьевича Кирчанова [17]. Нашей целью является анализ влияния работорговли на развитие внешней торговли Бразилии в рассматриваемый период.

Экономические преобразования, проведенные португальским принцем-регентом Жуаном VI (1816—1826 гг.) в период его вынужденного переезда в Бразилию (1807—1821 гг.), были нацелены на расширение производства основных экспортных культур, стимулирование развития внутренней и внешней торговли, пополнение государственного бюджета (в том числе за счет роста поступлений от таможенных пошлин), совершенствование торгового законодательства. Данные реформы были немыслимы без увеличения притока африканских рабов, занятых на плантациях сахара, кофе, какао и других культур.

Экстенсивный путь развития бразильской экономики в первые десятилетия XIX в. напрямую зависел от количества рабов, их стоимости, стабильного воспроизводства рабской силы, уровня и качества развития рынка работорговли, правовых основ рабовладения и т.д.

Импорт и продажа чернокожих рабов в первой половине XIX в. было выгодным делом. В работорговлю были вовлечены тысячи самых разнообразных лиц: от закупщиков невольников на рынках Африки, капитанов морских судов и их команд, до скупщиков и продавцов непосредственно в Бразилии, рабовладельцев, надсмотрщиков и пр. Несомненно, это была полноценная и значительная по объемам торговли сфера. Стоимость раба на внутреннем рынке менялась в зависимости от многих обстоятельств: количества доставленных невольников, их пола, возраста, физического состояния, моральных качеств (покорность или, напротив, агрессивность) и др.

Противодействие работорговле со стороны Британии легко преодолевалось доставкой чернокожих рабов на судах под флагами США и Франции. Полностью контролировать огромную бразильскую береговую линию в 3900 миль было невозможно. Опытные капитаны использовали разные приемы, чтобы выполнить свою миссию. В частности, они пользовались возможностями входа кораблей в устья рек и выгрузкой невольников уже в глубине бразильской территории, частыми туманами, прикрывавшими суда от посторонних взоров и т.д. Британская эскадра, патрулировавшая побережье Африки, практически оказывалась бессильной и не могла достичь поставленных целей: более того, торговля людьми на бразильском направлении расширялась. Лондон надеялся на военный талант своих лучших офицеров, но и их опыт и заслуги не помогли пресечь работорговлю: Бразилия ежегодно получала столько африканских рабов, сколько было нужно для ее экономики. Представители Общества освобождения в Глазго в своей петиции отмечали: «Работорговля становится все более интенсивной в точном соответствии с дополнительными средствами, используемыми правительством ее Величества в попытке насильственно подавить ее» [18, р. 17].

Наиболее активно работорговля велась в 1846 и 1847 гг. Если в 1842 г. с восточного побережья Африки в Бразилию были доставлены 30 тыс. рабов,

то в последующие годы это количество возрастало [18, р. 22]. Коммерсанты, занимавшиеся этой деятельностью, получили колоссальную прибыль. В Рио-де-Жанейро и в других городах действовали страховые компании, которые специализировались на страховании судов, перевозивших рабов из Африки. А приобретение компаниями в Рио-де-Жанейро двух больших пароходов не только ускорило доставку, но и дало возможность привозить дополнительно до 10 тыс. невольников ежегодно. Примечательно, что заказы на рабов имели свою специфику. Так, в 1840-е годы на некоторых кораблях привозили только африканских детей в возрасте до 8 лет. Разумеется, что не все рабы доживали до выгрузки в Бразилии. По некоторым оценкам, смертность во время плавания составляла от 25 до 30% [18, р. 33]. Однако эти потери с лихвой окупались при реализации живого товара.

В торговлю рабами, как отмечалось выше, на разных этапах было вовлечено огромное количество лиц, включая африканских царьков, — основных поставщиков невольников. Если на восточном побережье Африки местным вождям за невольника платили в среднем по 4-6 фунтов стерлингов, то в Бразилии он уже стоил более чем на порядок дороже [18, р. 38]. Нередко покупка рабов в Африке сочеталась с приобретением слоновой кости, золотого песка, красильных материалов, пальмового масла и пр. Такой подход объяснялся стремлением извлечь максимальную выгоду от дальнего путешествия: гибель рабов во время плавания компенсировалась прибылью от продажи африканских товаров.

Исторический опыт показывает, что попытки пресечь вывоз невольников в Бразилию приводили только к тому, что работорговцы находили обходные пути, способы завуалировать свою деятельность, решали любые проблемы. А местные вожди, чьи торговые интересы нарушали англичане, нередко прибегали к насилию, сжигали английские корабли, склады, бойкотировали торговые сделки с британцами. Несмотря на все препятствия, объемы ввоза рабов в Бразилию полностью удовлетворяли местный рынок.

Увеличение количества ввозимых невольников из Африки приводило к снижению цены на них в Бразилии. Если в 1845 г. стоимость раба составляла от 75 до 85 фунтов стерлингов, то в 1848 г. она снизилась до 45-50 фунтов. В первой половине XIX в. работорговля была одним из самых прибыльных сегментов бразильской внешней торговли. Как отмечалось в британской прессе того времени, даже если одно из пяти или шести судов с рабами благополучно достигало берегов Бразилии, оно окупало все потери и приносило прибыль [18, р. 54]. Чистая прибыль работорговцев при всех рисках и потерях (включая смерть невольников в пути) в удачные для них годы оценивалась в 65 фунтов за голову. Если, к примеру, работорговец приобретал старое судно по самой низкой цене (от 700 до 1000 фунтов.), а при покупке рабов в Африке за 4-10 фунта (20-25 долл.) набивал в трюм от 400 до 500 невольников, то это приносило ему (даже с учетом смерти рабов в пути) 22 000 фунтов. [18, р. 55]. В периодической печати того времени приводились примеры успешных операций работорговцев: одно судно в течение года способно было совершить пять рейсов к берегам Африки и перевезти от 2 до 3 тыс. рабов. В этом случае при цене раба в 50 фунтов прибыль оценивалась бы в 125 тыс., при цене 30 ф.ст. — 75 тыс. [18,

р. 57]. Столь высокая прибыль стала причиной того, что работорговлей начинали заниматься новые предприниматели, и именно эта прибыль поддерживала данный вид «бизнеса» в течение длительного времени.

Распределение рабов по бразильским провинциям было неравномерным: наибольшая их концентрация приходилась на важнейшие сельскохозяйственные регионы. Так, в 1887 г. в провинции Минас-Жерайс насчитывалось 192 тыс. рабов, в Рио-де-Жанейро — 162 тыс., в Сан-Паулу — 107 тыс. [19, с. 155]. По оценкам некоторых исследователей, ко времени прекращения привоза чернокожих рабов в Бразилию (1850 г.) их общий экспорт составлял около 3 млн человек [19, с. 67].

Отмена рабства в 1888 г. побудила бразильские власти и предпринимателей к поиску новой экономической модели, перестройке основных подходов к регулированию экономических отношений в обществе. Неслучайно с конца 1880-х годов усиливается миграция в Бразилию из стран Европы, включая Российскую империю, а также других регионов мира.

ОСНОВНЫЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ПАРТНЕРЫ БРАЗИЛИИ

Развитие торгово-экономических отношений Бразилии с зарубежными странами зависело от многих обстоятельств. Торговля неоднократно прекращалась при обострении межгосударственных отношений, в период войн, приграничных конфликтов, во время эпидемий, эпизоотий, эпифитотий и т.д. Торговля также зависела от уровня развития транспорта (прежде всего морского и речного), климатических особенностей (сезоны дождей), объемов собранного урожая сельскохозяйственных культур и пр.

В начале XIX в. ведущим торговым партнером Бразилии по понятным причинам являлась Португалия. Экспорт в метрополию был прерван в связи с нашествием Наполеона I Бонапарта, вызвавшим необходимость миграции королевского двора в Бразилию. После обретения Бразилией независимости Португалия сохранила с бывшей колонией тесные торговые связи и установила особые привилегии и преимущества. Двусторонняя торговля была взаимовыгодной. Так, в 1865 г. португальская таможня получила доход в размере 7 547 519 915 реалов, из которых на долю бразильского сахара пришлось 1 206 288 885 реалов [20, р. 29]. Большую прибыль приносила торговля бразильским кофе и хлопком-сырцом. Из Португалии в Бразилию поступали разнообразные товары, включая вина, мануфактурные изделия и т.д.

Тесные торговые связи на протяжении всего рассматриваемого периода сохранялись с Аргентиной, Венесуэлой, Уругваем, Парагваем, Колумбией, Перу, Боливией. Объемы двусторонней торговли существенно различались. В частности, показатели бразильского экспорта в Аргентину в 1880-е годы представлены в таблице 4. Из Бразилии в Аргентину экспортировались оливковое масло, рис, рафинированный сахар, какао, кофе, сахар-песок, треска и рыбопродукты, ячмень, фрукты свежие и консервированные, пшеница, рыба в консервах, чай, сыр, минеральная вода, пиво, коньяк, сидр, вермут, вино, уксус, сигары, табак, пряжа, холст, разнообразные ткани, лесоматериалы, бумага, книги, металлический провод и пр. Аргентинский экс-

Внешняя торговля Бразилии с 1822 г. до конца XIX в.

порт в Бразилию был представлен лошадьми, овцами, свиньями, выделанными кожами, шерстью, кукурузой, свежими фруктами, картофелем, семенами, пшеницей, жиром и т.д. [21]. Объемы ввозимых в Аргентину бразильских товаров во многом зависели от таможенной политики республики: размеры пошлин колебались от 5 до 25%.

Во второй половине века упрочились торговые связи Бразилии с Мексикой. Основными экспортируемыми бразильскими товарами были кофе (25 711 998 либр), сахар (8 505 623 либры) [22, р. 27].

Т а б л и ц а 4

**ОБЪЕМЫ БРАЗИЛЬСКОГО ЭКСПОРТА В АРГЕНТИНУ
(80-е годы XIX в., в долл.)**

Год	Объем экспорта
1881	2 675 141
1882	2 153 769
1883	2 182 720
1884	2 332 956
1885	2 206 612
1886	2 308 964
1887	2 517 943
1888	2 377 734
1889	2 607 017
1890	3 354 566

Источник: Estadística del Comercio y de la Navegación de la República Argentina. Correspondiente al año 1890. Buenos Aires, Compañía Sud-Americana de Billetes de Banco, 1891, p. 14.

Значительные объемы бразильских товаров ежегодно отправлялись во Францию. Так, в 1883 г. общий объем бразильского экспорта оценивался в 25 094 144 долл. В таблице 5 приведен перечень основных экспортных товаров.

Т а б л и ц а 5

**АССОРТИМЕНТ БРАЗИЛЬСКОГО ЭКСПОРТА ВО ФРАНЦИЮ
В 1883 г. (в долл.)**

Наименование товара	Количество (кг)	Сумма
Кофе	64 297 265	17 874 639
Говяжьей шкуры		2 877 620
Какао	5 755 838	2 359 893
Каучук		351 895
Табак		337 606
Древесина необработанная		305 954
Перья птиц для украшений		207 864
Хлопок-сырец		136 827
Рога крупного рогатого скота	379 190	91 005
Конский волос	144 007	86 404

Зерновые культуры		70 989
Крахмал		71 741
Шерсть	154 924	65 068
Кора хинного дерева	42 970	40 392
Китовый жир		25 908
Табак в листьях	18 971	18 530
Сахар нерафинированный	188 973	18 519
Китовый ус		15 360
Глицерин		15 178
Горный хрусталь		10 911
Говяжьи кости	329 510	10 448
Растительное волокно		9 954
Прочие товары		90 532
Итого		25 094 144

Источник: Informes y documentos relativos a comercio interior y exterior. Agricultura e industrias. N 4. 1885, mes de octubre, Mèxico: Oficina Tip. de la Secretaria de foment, 1885, p. 73.

Таким образом, бразильский экспорт во Францию характеризовался широким ассортиментом традиционных товаров, пользовавшихся большим спросом в Европе. Следует заметить, что с конца 1870-х годов торговый баланс Бразилии с Францией был положительным (за исключением 1880 г.): вывоз превышал ввоз в разные годы от 2 410 000 долл. (1882 г.) до 8 900 000 долл. (1883 г.) [22, p. 88].

В этот же период времени (1885 г.) бразильский экспорт в Германию оценивался в 30 692 605 долл., а в Великобританию — от 23 740 080 долл. в 1879 г. до 30 692 605 долл. в 1883 г. [22, pp. 103, 111]. Большим спросом в Англии, Франции и других европейских странах пользовались ценные породы бразильских деревьев и готовая мебель. Интерес к этой продукции возрос в Европе после 1867 г. — года Парижской всемирной выставки. Бразилия и некоторые другие латиноамериканские страны представили так называемые лесные продукты, вызвавшие повышенный интерес у посетителей и предпринимателей. Некоторые бразильские экспортеры были удостоены золотых медалей. От импорта определенных пород бразильских деревьев зависело развитие химической, текстильной и других отраслей европейской промышленности. Например, из Бразилии только в Великобританию ежегодно экспортировалось 112 тыс. пудов кампешевого (сандалового) дерева [23, с. 126].

Главным внешнеторговым партнером Бразилии (по объемам торговли) на протяжении почти всего XIX в. оставались США. В 1885 г. бразильский экспорт туда составил 50 265 889 долл. (при импорте американских товаров на общую сумму 41 563 980 долл.) [22, p. 136]. В 1897 г. США импортировали из Бразилии какао на 63 838 долл., кофе — на 47 312 637 долл., каучук — на 652 883 долл. и пр. [11, p. 357]. Во второй половине века внешнеторговый баланс в торговле США оставался для Бразилии в основном положительным, и эта страна являлась ведущим внешнеторговым партнером Соединенных Штатов в Латинской Америке.

Рост производства тростникового сахара в Бразилии в последнем десятилетии XIX в. стимулировал расширение внешнеторговых связей с другими европейскими странами. Так, в 1899—1900 гг. производство сахара в Бразилии достигло 192 700 т, а в 1901—1902 гг. — уже 215 000 т [25, с. 909]. Таким образом, страна входила в тройку ведущих мировых производителей сахара наряду с Явой и Кубой.

Тесные торгово-экономические отношения сложились у Бразилии и с государствами Южной Америки. Например, в 1873 г. объем бразильского экспорта в Уругвай оценивался в 1 857 811 долл., а уругвайского экспорта в Бразилию — в 1 996 554 долл. [24, р.189]. При общем объеме экспорта Уругвая в 1873 г. в 16 301 772 долл. на долю Бразилии в это время приходилось более 12% (подсчитано мною. — *В.Ш.*). Это достаточно высокий показатель во внешней торговле.

На протяжении XIX в. внешняя торговля Бразилии развивалась довольно быстрыми темпами, успешно адаптируясь к кардинальным изменениям как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Благодаря динамичному развитию сельскохозяйственного производства и внешнеторговых связей с ближними и дальними странами Бразилия постепенно превратилась в важного экспортера кофе, хлопка и сахара на мировом рынке, в одну из ведущих стран Латинской Америки. На протяжении многих десятилетий практически вся бразильская экономика базировалась на подневольном рабском труде, а сама работорговля была важной сферой внешней торговли. Благодаря отмене рабства в стране возникли новые экономические и производственные условия, зарождались принципиально иные производственные отношения, что вызвало необходимость в притоке мигрантов. Потребности экономического развития Бразилии могли быть удовлетворены только при условии обеспечения ее внешнеторговых интересов. Неслучайно в рассматриваемый период значительно расширилась география внешней торговли: бразильские товары к концу столетия можно было найти на всех континентах. Некоторые из них стали своеобразной визитной карточкой страны и сохранили данный статус до наших дней. Вышесказанное в полной мере относится к торговым связям Бразилии и России: бразильские товары на протяжении всего рассматриваемого периода можно было увидеть на Нижегородской ярмарке, в Москве и Санкт-Петербурге, в Харькове и городах Сибири, в Хельсинки, Варшаве, Архангельске и Риге. Расширение сбыта продукции за границу стимулировало экономическое развитие новых бразильских территорий. В осваиваемых регионах появлялись плантации сахарного тростника, кофе, какао, хлопка и других культур, что повышало экономическую активность населения и приводило к появлению новых фазенд. Развитию бразильской внешней торговли способствовали геологоразведочные работы, увеличение добычи полезных ископаемых, а также возникновение новых отраслей национальной промышленности. К началу XX в. Бразилия стала заметным субъектом международной торговли с широкими внешнеторговыми связями по всему миру.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Catalogo da Exposição de Historia do Brazil. Rio de Janeiro, Typ. de G. Leuzinger & Filhos, 1881, 990 p.
2. Договор дружбы, мореплавания и торговли между их величествами императором всероссийским и королевою португальскою возобновленный в Санкт-Петербурге декабря 16/27 дня 1798 года [Ратифицирован в Павловске, июня в 18 день... 1799]. М., Сенатская тип., 1799, 14 с. [Dogovor družby, moreplavaniya i trgovli mezhd u ih velichestvami imperatorom vserossijskim i korolevoyu portugal'skoyu vozobnovlennyy v Sankt-Peterburge dekabr'ya 16/27 dnya 1798 goda [Ratificirovan v Pavlovske, iyunya v 18 den'... 1799 [The Treaty of Friendship, Navigation and Trade between Their Majesties the Emperor of All Russia and the Queen of Portugal, renewed in St. Petersburg on December 16/27, 1798]. Moscow, Senatskaya tip., 1799, 14 p.
3. Главное правление Российско-американской компании Александру I, 3 (15) ноября 1818 г. *Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел*. Серия 2: 1815 – 1820 гг., т. 2(10): октябрь 1817 г. – апрель 1819 г. М., Издательство политической литературы. 1976, сс.574–576. [Glavnoe pravlenie Rossijsko-amerikanskoy kompanii Aleksandru I, 3(15) noyabr'ya 1818 g. *Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala HKH veka: Dokumenty Rossijskogo Ministerstva inostrannyh del*. [The Main Board of the Russian-American Company to Alexander I, November 3 (15), 1818. *The foreign policy of Russia of the XIX and the beginning of the XX century: Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs*. Series 2: 1815 – 1820 Vol. 2 (10): October 1817 – April 1819], Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1976, pp.574 – 576.
4. Донесение Главного правления Российско-американской компании Александру I. 10 (22) апреля 1817 г. *Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел*. Серия 2: 1815 – 1830 гг., т. 1(9): ноябрь 1815 г. – сентябрь 1817 г. М., Издательство политической литературы. 1974, сс.516–517. [Donesenie Glavnogo pravleniya Rossijsko-amerikanskoy kompanii Aleksandru I. 10 (22) aprelya 1817 g. *Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala HKH veka: Dokumenty Rossijskogo Ministerstva inostrannyh del*. [Report of the Main Board of the Russian-American Company to Alexander I. April 10(22), 1817. *The foreign policy of Russia of the XIX and the beginning of the XX century: Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs*. Series 2: 1815 – 1830 Vol. 1(9): November 1815 – September 1817]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974, pp.516 – 517.
5. Посланник в Рио-де-Жанейро Ф.В.Тейль-фан-Сероскеркен статс-секретарю К.В.Нессельроде. 8(20) ноября 1820 г. *Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел*. Серия 2: 1815 – 1830 гг., т.3(11): май 1819 г. – февраль 1821 г. М., Наука. 1979, сс.595 – 602. [Poslannik v Rio-de-Zhanejro F.V. Tejl'-fan-Seroskerken stats-sekretaryu K.V. Nessel'rode. 8 (20) noyabr'ya 1820 g. *Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala HKH veka: Dokumenty Rossijskogo Ministerstva inostrannyh del*. [Envoy to Rio de Janeiro F.V. Teil-fan-Seroskerken to State Secretary K.V. Nesselrode. November 8 (20), 1820. *The foreign policy of Russia of the XIX and the beginning of the XX century: Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs*. Series 2: 1815 – 1830 Vol. 3 (11): May 1819 – February 1821]. Moscow, Nauka. 1979, pp.595 – 602.
6. Вице-консул в Рио-де-Жанейро П.П.Кильхен послу в Лондоне Х.А.Ливену. 16(28) февраля 1825 г. *Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел*. Серия 2: 1815 – 1830 гг., т.6(11): январь 1825 г. – декабрь 1826 г. М., Наука. 1985, сс.70 – 71. [Vice-konsul v Rio-de-Zhanejro P.P. Kil'hen poslu v Londone H.A. Livenu. 16 (28) fevral'ya 1825 g. *Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala HKH veka: Dokumenty Rossijskogo Ministerstva inostrannyh del*. [Vice-Consul in Rio de Janeiro P.P. Kilchen to the Ambassador in London H.A. Lieven. February 16 (28), 1825 *The foreign policy of Russia of the XIX and the beginning of the XX century: Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs*. Series 2: 1815 – 1830 Vol. 6 (11): January 1825 – December 1826]. Moscow, Nauka. 1985, pp.70-71.

7. Código Commercial do Imperio do Brasil. Rio de Janeiro, Eduardo & Henrique Laemmer, 1869, 44 p.
8. Беликова К.М. Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки: дисс. на соиск. уч. ст. доктора юр. наук. М., РУДН, 2012, 438 с. [Belikova K.M. Pravovoe regulirovanie trgovogo oborota i kodifikaciya chastnogo prava v stranah Latinskoj Ameriki [Belikova K.M. Legal regulation of trade turnover and codification of private law in Latin America]. Moscow, RUDN, 2012, 438 p.
9. Coleção das Leis do Imperio do Brasil de 1859. Tomo 2. Rio de Janeiro: Na Tipographia Nacional, 1859, 14 p.
10. First Annual Report, 1891. Bulletin N30, 1802, January, Washington, DC, 1892, 119 p.
11. Smith J.P. Monthly Bulletin of the Bureau of American Republics. International Union of American Republics. 1897, July. Washington, DC USA, 1897, 511 p.
12. Вестник финансов, промышленности и торговли. СПб., Типография Министерства финансов, 1885, т.4 (октябрь – декабрь). 1160 с. [Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli. [Bulletin of Finance, Industry and Trade]. St. Petersburg, 1885, Vol.4 (October – December). Tipografija Ministerstva finansov, 1160 p.
13. Сен-Ароман А. О действии на здоровье и влиянии на нравственность кофе, чая и шоколада. В 2-х ч. СПб., Типография К.Жернакова, 1845, 78 с. [Sen-Aroman A. O dejstvii na zdorov'e i vliyanii na нравstvennost' kofe, chaya i shokolada. [About the effect on health and the influence on morality of coffee, tea and chocolate]. In 2 hours St. Petersburg: Printing house of K.Zhernakov, 1845, 78 p.
14. Энциклопедический лексикон. СПб. Типография А.Плюшара, 1835, т.3, сс.428-429. [Enciklopedicheskij leksikon [Encyclopedic Lexicon]. St. Petersburg. A. Plyushar's printing house, 1835, t.3, pp.428-429.
15. Behell L. The Decline and Fall of Slavery in Nineteenth Century Brazil. *Transactions of the Royal Historical Society*. Cambridge, Cambridge University Press, 1991, Vol.1, p.71 - 88.
16. Graham R. Causes for the Abolition of Negro Slavery in Brazil: an Interpretive Essay. *The Hispanic American Historical Review*. Durham, Duke University Press, 1966, Vol.46, N2, pp.123 – 137.
17. Кирчанов М.В. Imperio, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889)/ Воронеж, Научная книга, 2008, 155 с. [Kirchanov M.V. Imperio, Estado, Nação. Politicheskie modernizacii i intellektual'nye transformacii v Brazil'skoj Imperii (1822 – 1889). [Impero, Estado, Nação. Political modernization and intellectual transformations in the Brazilian Empire (1822-1889)]. Voronezh, Nauchnaja kniga, 2008, 155 p.
18. Thomson T.R.H. The Brazilian Slave Trade, and its Remedy: shewing the Futility of Repressive Force Measures / T.R.H. Thomson, London: Pub. by John Mylrea, 1850, 86 p.
19. Фаусту Б. Краткая история Бразилии. М., Весь мир, 2013, 448 с. [Faustu B. Kratkaya istoriya Brazili. [Fausto B. A Brief history of Brazil]. Moscow, Ves' mir, 2013, 448 p.
20. Barzanallana Don Jose García. Estudios económicos y administrativos sobre Portugal. Madrid, Imprento de Manuel Tello, 1868, 172 p.
21. Estadística del Comercio y de la Navegación de la República Argentina. Correspondiente al año 1890. Buenos Aires: Compañía Sud-Americana de Billetes de Banco, 1891, 475 p.
22. Informes y documentos relativos a comercio interior y exterior. Agricultura e industrias. N4. 1885, mes de octubre, México: Oficina Tip. de la Secretaria de fomento, 1885, 312 p.
23. Мицуль М. О произведениях лесоводства и лесных продуктах на Парижской всемирной выставке 1867 года. СПб., Типография Товарищества «Общественная польза», 1869, 127 с. [Micul' M. O proizvedeniyah lesovodstva i lesnyh produktah na Parizhskoj vseмирной vystavke 1867 goda. [Mizul M. About the works of forestry and forest products at the Paris World Exhibition of 1867]. St. Petersburg, Printing House of the Partnership "Public Benefit", 1869, 127 p.
24. Comercio, Navegación y hacienda pública. Estadística del Comercio exterior correspondiente a los años 1874 y 1875: Dirección de Estadística General de la República Oriental del Uruguay. Cuaderno N8, Montevideo, Imprenta de «El Siglo», 1877, 308 p.

Владимир Шкунов

25. *Вестник сахарной промышленности*: Еженедельная газета Всероссийского общества сахарозаводчиков, 1901, Второе полугодие. Киев, Типография Г.Л. Фронцкевича, 1902, 1084 с. [*Vestnik saharnoj promyshlennosti*: Ezhenedel'naya gazeta Vserossijskogo obshchestva saharozavodchikov. [Bulletin of the sugar industry: Weekly newspaper of the All-Russian Society of Sugar Growers, 1901, The second half of the year]. Kiev, Printing House of G.L. Frontskevich, 1902, 1084 p.

Vladimir N. Shkunov (orientru@mail.ru)

Doctor of History, Doctor of Pedagogic, Professor, Leading research fellow, History and Archaeology Department, Samara Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Studencheskiy per., 3a, 443001 Samara, Russian Federation

Brazil's foreign trade from 1822 to the end of the XIX century: the search for identity

Abstract. The article is devoted to the problems of the development of Brazil's foreign trade from the time of independence to the end of the XIX century. The author proposes a periodization of the history of Brazil's foreign trade in the period under review. Special attention is paid to the evolution of foreign trade relations with leading trading partners in Europe, the USA, Latin America, the Russian Empire, and the peculiarities of coffee trade. The article reveals the importance of the slave trade as a specific sphere of Brazil's foreign trade, and provides examples of Russian-Brazilian trade. The author uses mostly little-known and rarely used pre-revolutionary sources in Russian, English, Spanish and Portuguese, from which valuable statistical materials characterizing the dynamics and volumes of Brazil's foreign trade during the XIX century are extracted.

Key words: Brazil, foreign trade, coffee, sugar, slave trade, export, import.

DOI: 10.31857/S0044748X0019543-6

Received 06.12.2021.

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

Л.С.Хейфец

«Ответ», вызывающий новые вопросы

Батиста Ф. Ответ. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2021, 288 с.

В данной рецензии проанализированы недавно переведенные на русский язык воспоминания бывшего руководителя Кубы Фульхенсио Батисты. Взгляды автора на кубинскую революцию критически сопоставлены с рядом фактов, известных из литературы.

Ключевые слова: Куба, революция, историография, Фидель Кастро, Фульхенсио Батиста, Коммунистическая партия Кубы.

DOI: 10.31857/S0044748X0019917-7

Рецензия поступила в редакцию 03.01.2022.

Появление рассматриваемой книги уже на этапе ее выхода в свет вызвало серьезную дискуссию среди ученых-латиноамериканистов, людей, интересующихся историей континента, и мнения оказались полярными. «Давно пора познакомиться с представлением Батисты о кубинской революции», — писали одни. «Ни в коем случае нельзя допустить публикацию книги этого диктатора и убийцы», — возражали другие. Представляется, что предмета спора, собственно, и нет. История требует всестороннего анализа событий и явлений. «Ложь — религия рабов и хозяев. Правда — бог свободного человека». Эти слова Сатина из пьесы А.М.Горького «На дне» стали хрестоматийными. Однако постижение правды — тяжелый труд. Понять, что такое правда, и стать свободным очень непросто. Но истина Сатина — лишь часть правды. И то, что он считал ложью, для Луки являлось его правдой.

Простая замена одной правды (революции Фиделя Кастро) на другую (режима Фульхенсио Батисты) — не лучший способ разобраться в кубинских реалиях второй половины XX в. Абсолютную объективность при сравнении двух полярных позиций соблюсти невозможно, к познанию истины можно только стремиться, но познать ее невозможно. У кубинской революции были и есть безусловные убеж-

Лазарь Соломонович Хейфец — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9; профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения (РФ, 190000 Санкт-Петербург, Большая Морская ул., 67, <https://orcid.org/0000-0001-6376-7813>, ilaranspb@hotmail.com).

денные сторонники. Одновременно были и есть люди, ненавидящие «режим Кастро». Наверное, можно согласиться с Р.Киплингом, сформулировавшим красивую идею: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда».

Поэтому нужно выразить признательность С.Ю.Василенко за то, что он способствовал выходу этой книги на русском языке. Но, к величайшему сожалению, энтузиазм издателя, искренне стремившегося донести точку зрения свергнутого кубинского диктатора Ф.Батисты до российского читателя, и некоторая идеологическая детерминированность не всегда позволяли Василенко в обстоятельном предисловии и комментариях остаться объективным и как бы вынудили его сделать несколько существенных ошибок. Неточно расставленные акценты временами меняют смысл слов.

Трудно согласиться с издателем в том, что от «советской латиноамериканистики мало что осталось... и поэтому познания современного российского общества о кубинской революции находятся на уровне конца 70-х — начала 80-х гг.» (с. 6). Конечно, такого интереса к ней, который был в первые десятилетия существования революционного режима, сегодня нет, да и быть не может. Я хорошо помню, как чуть ли не весь Ленинград вышел встречать приехавшего в СССР Фиделя в мае 1963 г. И было это не по разнарядке обкома КПСС, а по зову сердца. Но прошло время, выросли новые поколения, для которых Куба и ее революция давно уже перестали быть символом революционной молодости, революционного прорыва, а являются не более чем фактом истории.

Автор предисловия, безусловно, прав, утверждая, что из-за стремления снизить свои затраты издательства в 1980—1990-е годы покупали права на наиболее дешевые книги, в первую очередь об Эрнесто Че Геваре. Нельзя не признать: даже специалисту иной раз трудно было понять тексты, переведенные наспех, абсолютно непрофессионально. Но наряду с этим появились и переводы блестящих книг Пако Игнасио Тайбо II [1] и Джона Ли Андерсона о Че [2]; в этих работах максимально объективно описаны жизнь и борьба «героического партизана». Кроме того, начиная с конца 1990-х годов стали выходить научные исследования и публикации в СМИ, позволившие критически переосмыслить кубинский феномен. Это и вышедшая тремя изданиями книга Александра Фурсенко и Тимоти Нафтали «Адская игра» [3] (другое ее название — «Безумный риск») [4], и монография Серго Микояна [5], и биографии Фиделя Кастро (автор — Максим Макарычев [6]) и Рауля Кастро (под авторством Николая Леонова [7]), книга Сергея Брилева «Фидель. Футбол. Фолкленды» [8], фундаментальная «История Латинской Америки» ИВИ РАН, ряд исследований сотрудников Института Латинской Америки и СПбГУ [9]. Да не сочтут читатели нескромным, но и автор этой рецензии вместе с постоянным соавтором опубликовали несколько книг и статей, в которых на основе ранее недоступных документов попытались по-новому взглянуть на события кубинской истории. Отмечу также, что и взгляд на кубинскую революцию «из Майами» до-

статочно подробно излагался некоторыми СМИ конца 1980 — начала 1990-х, двумя изданиями была опубликована книга бескомпромиссного критика «режима Кастро» Карлоса Альберто Монтанера «Накануне краха» [10].

Да, в отечественной латиноамериканистике имеют место некоторые атавизмы очарования кубинской революцией. Но разве это не естественно? Но следует признать и то, что наша отрасль исторической науки сумела накопить новые знания, выработать новые подходы, позволяющие дистанцироваться от советского прошлого.

Признаюсь честно: чтение рассматриваемой книги во многом разочаровало. Ожидая найти в ней анализ событий, пусть и написанный второпях, по горячим следам, автор настоящей рецензии увидел в итоге лишь безудержное оправдание Батистой своей беспомощности перед шквалом революции, который и смел режим. Очень жаль, что не издана первая часть мемуаров. Как представляется, взгляд Батисты на события 1930—1940-х годов позволил бы точнее понять его самого и его роль в истории страны. Попробую изложить несколько сумбурные впечатления, сложившиеся в ходе прочтения воспоминаний.

«Коммунизм является неизбежной темой в любом обсуждении режима Кастро... Куба под Кастро — это сателлит красных, который нужен России близ берегов Америки» — писал Батиста в 1960 г. (с. 40). Надо отдать должное экс-диктатору: он увидел значительную роль компартии и коммунистических идей в кубинском обществе, то, чего до сих пор не замечают многие исследователи, видящие в революции Кастро только роль повстанческой войны. В свое время именно такое поверхностное видение привело к эйфории от быстрого успеха повстанцев и породило феномен гериллы в большинстве стран Латинской Америки. Вопрос в другом: пытаясь запугать читателя «коммунистической угрозой», Батиста гиперболизировал эту роль, демонизировал коммунистов, аргументируя свои позиции явными домыслами.

Мемуарист очень трепетно относился к оценке своего места в истории страны, категорически отменяя обвинения в диктатуре: «Многие люди теперь убеждены, что я был «диктатором» и «тираном», а Кастро — «демократом» и «гуманистом» (с. 213-214). На страницах книги эта мысль проходит как рефрен. Для обоснования своей позиции Батиста даже привел характеристики демократического, диктаторского и тиранического режимов: «Диктаторский режим — это режим, при котором один человек имеет абсолютную власть, хотя и использует существующие законы». (с. 214). Ну, действительно, можно ли применить такую оценку к сержанту-стенографу, всего лишь возглавившему армию, на протяжении почти семи лет контролировавшую политическую власть, сменив за это время семь президентов? Батиста, видимо, полагал эти детали «мелочами». Мотивы революции 4 сентября объясняются им просто и доходчиво: «... страна находилась в состоянии анархии — сотни людей, убитых на улицах, разграбленные дома и учреждения, центры производства, особенно сахарные заводы, были захвачены коммунистами... Я возглавил революцию [4 сентября 1933 года], которая победила *без кровопролития*; тогда, так же, как и во время революции 1952 года, не было пролито ни одной капли крови» (с. 233-234).

Какую же роль играл Батиста? Как отмечено в предисловии, он выступал «гарантом порядка и спокойствия» на фоне президентской чехарды (в 1930-е годы) (с. 13), т.е. контролировал политические процессы. В критикуемой в книге историографической традиции это трактуется иначе: армия контролировала политические процессы, назначая и смещая президентов. Разве кто-то из них был избран? Разве не было президентов на один день? Разве не Батиста был «делателем» президентов, то бишь традиционным каудильо?

Бывший «сильный человек» Кубы нарисовал автопортрет, тщательно выписав образ «гиганта мысли, отца кубинской демократии», ее бескомпромиссного и бес-

корыстного защитника, всю свою политическую карьеру не снимавшего белых перчаток. Но не совсем понятно, что он имел в виду. Разве не после победы «заговора сержантов» военные обстреляли из пулеметов демонстрацию во время перезахоронения праха студенческого лидера Хулио Антонио Мельи, подавили с применением артиллерии восстание мачадовских офицеров в отеле *Nacional*, расправились над руководителем «Молодой Кубы» Антонио Гитерасом (членом «правительства 100 дней», начавшим борьбу против «диктатуры Мендиэты — Кэффери — Батисты»), убили лидера Национальной федерации медиков Хосе Элиаса Борхеса, *etc, etc...* Этот список можно продолжать. «Сотни убитых» как мотив переворота? Не пролито ни одной капли крови? Вполне очевидно, что Батиста кривил душой.

Говоря о побудительных мотивах своей «революции», автор забыл упомянуть, что режим Херардо Мачадо был свергнут в результате всеобщей забастовки, организованной Национальной рабочей конфедерацией Кубы (*Confederación Nacional Obrera de Cuba, CNOC*) и Коммунистической партией Кубы (*Partido Comunista de Cuba, PCC*). Успех был настолько неожиданным для партии, что она не смогла (даже и не старалась) взять власть, а временное правительство Карлоса Мануэля Сеспедеса не пыталось (да и не могло успеть за три недели) решить социальные проблемы. А вот рабочее движение в ходе августовской антимачадовской революции ощутило свою важную роль в жизни страны: на Кубе действительно стремительно увеличивалось количество мощных стачек, рабочие начинали устанавливать контроль над предприятиями. В предисловии это трактуется как использование «нестабильной ситуации различными радикальными движениями коммунистического толка» (с. 12). Разве коммунисты как политическая сила, добившаяся успеха 12 августа, сбросив диктатуру Мачадо, не имели морального права на то, чтобы занять достойное место в политической жизни? Впрочем, пленум Центрального Комитета *PCC*, взявший курс на создание Советов, проходил в конце августа, когда «заговор сержантов» уже форсированным маршем двигался к реализации. Первый «Совет» (в Мабасе) был создан только 13 сентября. Позволю себе задать вопрос, скорее риторический: так, кто же использовал «нестабильную ситуацию» в свою пользу — «сержанты» или «коммунисты»?

Тема коммунизма и роли компартии несколько раз затрагивается на страницах книги. Батиста указывает на его «не предположительную, а вполне реальную угрозу». Он отмечает способность коммунистов «мимикрировать», опираясь на методы, позволяющие «приспосабливаться и облегчать проникновение в системы и среды, заражая разные слои общества» (с. 237).

И здесь нельзя не согласиться с экс-диктатором, только вместо минуса я тут поставил бы плюс. Влияние коммунистов на Кубе в самом деле было велико. Да, они не могли похвастаться выдающимися электоральными успехами, а число сенаторов и депутатов было невелико. Но сила партии и ее влияние на общественное сознание были не на электоральном поле. Главным достоинством «первой марксистско-ленинской партии Кубы» являлась реализация стратегии Хулио Антонио Мельи по соединению рабочего и студенческого движения [11, pp. 81-100]. В политическую, культурную жизнь страны пришло целое поколение людей, участвовавших в студенческом и профсоюзном движении 1920—1930-х годов, находившемся под влиянием коммунистов. Не все они остались в рядах «первой марксистско-ленинской партии»: некоторые присоединились к ортодоксам — Леонардо Фернандес Санчес, Исидро Фигероа, аутентикам — Аурелиано Санчес Аранго, Эусебио Мухаль, влились в ряды М-26-7 — Давид Сальвадор, Карлос Франки. Даже среди яростных сторонников Батисты был бывший активист компартии Роландо Масферрер. Огромной популярностью марксистские идеи пользовались в среде интеллигенции. Одной из важнейших предпосылок столь стремительного перерастания кубинской революции в социалистическую было наличие глубоких

корней в обществе. Напомним, что еще в 1944 г. тогдашний лидер коммунистов Блас Рока написал книгу «Основы социализма на Кубе», в которой сформулировал предпосылки этого процесса.

Именно указанная выше роль компартии стала побудительным мотивом для Батисты, заключившего с ней электоральный союз в 1939 г. перед выборами в Учредительную ассамблею (в то время партия называлась Революционно-Коммунистическим союзом (*Unión Revolucionaria Comunista, URC*), с 1944 г. — Народно-Социалистической партией (*Partido Socialista Popular, PSP*). Правда, забыв об этом, Батиста пишет о поддержке коммунистами своего правительства «во время Второй мировой войны, когда Соединенные Штаты и Англия были союзниками с Советской Россией» (с. 265). Его поддерживает и автор предисловия: «... в условиях начавшейся Второй мировой войны коммунисты (Кубинская коммунистическая партия и Революционный союз), согласно установкам Москвы, умерили свой радикализм и были готовы под лозунгом борьбы с фашизмом вступать в политические союзы и блоки» (с. 14).

Здесь мы видим сразу несколько, мягко говоря, неточностей. Во-первых, в 1939 г. еще не существовало антигитлеровской коалиции, в которой участвовали СССР и США, но альянс Батисты с коммунистами уже был. Во-вторых, *PCC* не всегда и не во всем следовала директивам Коминтерна. Еще в 1927 г. Мелья предлагал альянс коммунистов и Националистического союза (*Unión Nacionalista, UN*) для организации вооруженной борьбы против Мачадо, отвергнутый Москвой. Кстати, лидер *UN* Карлос Мендизта был президентом в 1934—1935 гг. В апреле 1935 г., еще до VII конгресса Коминтерна, провозгласившего курс на Народный фронт, генсек *PCC* Блас Рока обсуждал в Майами с Рамоном Грау координацию действий с аутентиками, а в 1936 г. *PCC* вместе с «Молодой Кубой» (*Jóven Cuba*) и Кубинской революционной партией (аутентиками) (*Partido Revolucionario Cubano (auténtico), PRC(a)*) в Кайо-Ларго приняла решение направить в Испанию членов своих вооруженных организаций, готовивших вооруженное восстание против диктатуры [12]. В-третьих, никак нельзя согласиться с комментарием переводчика о явных «пятнах» в биографиях старых коммунистов Карлоса Рафаэля Родригеса и Хуана Маринельо, так как они занимали должности в правительстве Батисты в 1940-е годы (с. 64). *PSP* и ее лидеры не только никогда не замалчивали этот факт, но считали это своим достижением.

Надо отдать должное С.Василенко, поправившему автора: «сам Батиста не имел собственной сколько-нибудь крупной политической организации... он всегда опирался прежде всего на профсоюзы, которые на Кубе традиционно имели очень большое влияние. В данном случае важнейшую роль играла поддержка новой Конституции [1940 г.] со стороны Конфедерации трудящихся Кубы (*Confederación de Trabajadores de Cuba, CTC*) — крупнейшего профсоюзного объединения страны, контролировавшегося в это время именно коммунистами» (с. 14).

Говоря о причинах «революции 1952 года», Батиста утверждает: «Нашей первой целью было спасти страну от хаоса, и народ с удовольствием наблюдал падение правительства Прио, которое опозорило само себя» (с. 69). Коррупция являлась одним из главных обвинений, выдвигавшихся в адрес правительства аутентиков. Но разве для искоренения коррупции нельзя было отстранить их от власти посредством триумфальной победы на выборах? Или шанса на легитимный приход к власти не было, и только переворот открывал дорогу к ней? Как пишет Батиста, «выборы, запланированные на 1952 год, были перенесены на 1953-й, но также не состоялись» (с. 60). Правда, при этом автор забывает упомянуть о том, что именно он отменил выборы, приостановил конституционные гарантии, заложенные в его собственном детище — Конституции 1940 г., значимость которой Батиста все время отмечает на страницах книги. Одним из первых ответов противников переворота были символические похороны

Конституции (6 апреля 1952 г.). Перед процессией с национальным флагом шел студент Рауль Кастро, в ней участвовали Хосе Антонио Эчеверриа, Хуан Педро Карбо, Армандо Арт. Этот протест был мирным. Эти люди лишь через год взяли в руки оружие для борьбы с диктатурой.

Позже, для укрепления и легитимизации своей власти Батиста ослабил ограничения, объявил амнистию, провел выборы, на которых «триумфально» победил. Позволю себе поиронизировать: чем, если не заботой о демократии, можно объяснить все эти действия? Видимо, Батиста искренне считал диктатуру самым коротким и радикальным путем к формированию демократического общества.

На страницах книги идет спор вокруг бескровности режима, установленного 10 марта 1952 г., и «кроважности революции Фиделя Кастро». «Двадцать тысяч смертей?», — задает Батиста риторический вопрос (с. 41), а издатель уточняет: эта цифра придумана в редакции оппозиционного журнала *Bohemia*. Чуть позже следует еще одно разъяснение: «после прихода к власти Кастро журнал *Bohemia* ... начал публиковать списки «жертв режима» (кавычки издателя мемуаров. — Л.Х.). После обнародования 849 фамилий публикация прекратилась» (с. 226). Возможно, действительное число жертв было меньше названного в журнале, а затем растиражированного. Но зададим наивный вопрос: а 849 — это мало? Если — да, то тогда мы по-разному смотрим на цену человеческой жизни. Есть еще один немаловажный нюанс: владелец журнала — Мигель Анхель Кеведо, эмигрировавший с Кубы летом 1960 г. и перешедший в стан противников революции, — в письме своему соратнику Эрнесто Монтанеру (якобы написанном перед самоубийством (1969 г.), заявил, что указанные сведения — плод воображения «запойного маньяка» Энрике де ла Оса (после эмиграции Кеведо более десяти лет возглавлявшего журнал). Но другой соратник Кеведо — Агустин Тамарго — оценил это письмо как «мошенничество» Монтанера, ибо оригинал письма или его факсимиле никто не видел. В те времена понятие «фейк» еще не было на слуху, но что здесь фейк, а что правда?

Батиста недвусмысленно намекает на некий всемирный коммунистический заговор, частью которого была революция на Кубе. Однако впервые об отношении кубинских коммунистов к повстанцам советские вожди слышали в 1957 г. на Международном совещании коммунистических и рабочих партий из уст Мануэля Лусардо, оценившего борьбу партизан как весьма ограниченную, не имеющую перспектив распространиться на другие районы страны, неспособную «превратиться в решающий фактор кубинской действительности» [13]. Движение 26 июля и его лидер, по мнению делегата *PSP*, являлись «представителями мелкой буржуазии, которые в ряде случаев имели, правда, весьма робкие, антиимпериалистические тенденции». Задачу партии Лусардо видел в том, чтобы направить Движение, «которое пользуется большим престижем и влиянием в стране, особенно у мелкой буржуазии, на правильную позицию массовой борьбы и единства» [13]. Аналогичной позиции партия придерживалась и в отношении других политических организаций и групп «буржуазной оппозиции».

На самом деле у советского руководства была уникальная возможность получить информацию о повстанческих планах Фиделя. Скромный сотрудник посольства СССР в Мексике Николай Леонов, познакомившийся с Раулем Кастро на судне *Andrea Gritti* еще до Монкады, случайно встретился с ним в Мехико в 1956 г. и общался с ним и Че Геварой [2, с. 194]. Но после ареста мексиканской полицией руководителей готовившейся экспедиции на яхте *Granma*, в ходе которого у Че нашли подаренные молодым дипломатом книги и его визитную карточку, начальство сочло это знакомство предосудительным и отозвало Леонова на родину. Его услуги оказались востребованы на кубинском направлении советской внешней политики только после победы революции.

Серьезные сомнения вызывает тезис Батисты о широкомасштабной поддержке властями США кубинских повстанцев. То, что некоторые политики, отдельные организации, в том числе и такие, как ЦРУ, могли проявлять интерес и сочувствие к борьбе некоммунистических антибатистовских сил, не вызывает сомнения. Было бы наивным предполагать обратное, если только взглянуть на карту и оценить геополитическое положение Кубы. Не исключено, что и в рядах повстанцев были, как пишет Василенко в предисловии (со ссылкой на инспектора ЦРУ Л.Киркпатрика), представители этой организации (с. 22). Достаточно вспомнить команданте Второго фронта Эскамбрай американца Вильяма Моргана, осужденного в 1961 г. как агента ЦРУ, хотя его принадлежность к разведке подтверждена не была. Но поверить в то, что городское Движение 26 июля действовало «под покровительством посольства США» трудно. Если бы дипломаты из высотки на Малеконе не интересовались действиями подпольщиков и партизан, их наверняка изгнали бы из аппарата Госдепартамента. Но покровительство... Это тот случай, когда вслед за Александром Галичем хочется воскликнуть: «А из зала мне кричат: давай подробности!».

Батиста жалуется: «Правительство не могло получить оружие даже по контрабандным каналам, а террористические группы получали его в изобилии и в самих Соединенных Штатах, и у своих союзников в Центральной и Южной Америке» (с. 110). При этом он забывает, что после введения эмбарго в марте 1958 г. некоторое количество оружия из США все-таки просачивалось, не говоря уже о поставках из Великобритании, Дании, Италии, Бельгии, Доминиканской Республики.

Что же касается «воздушного моста» между США и Свободной территорией, о котором говорится в предисловии, то его наличие вызывает серьезные сомнения. Помощь повстанцам действительно поступала. Достоверно известно о нескольких таких рейсах. 30 марта 1958 г. в Сьенагилье приземлился двухмоторный самолет из Коста-Рики, на котором прилетела группа активистов Движения 26 июля [14, р. 232], и было доставлено оружие, «присланное одним влиятельным другом из той страны»: 2 пулемета, несколько десятков винтовок, мины и около 50 тысяч патронов» [15, с. 54]. «Влиятельным другом», имя которого не захотел назвать в мемуарах *Jefe Máximo* кубинской революции (из-за его более позднего неприятия политики революционного правительства) был президент Коста-Рики Хосе Фигерес (1948—1949, 1953—1958, 1970—1974 гг.), на свои средства снарядивший этот и еще два самолета с оружием. Прилетевший первым самолетом тогдашний соратник Фиделя Убер Матос вспоминал, что Кастро лично опробовал все это оружие, стреляя из него «как ребенок, который просыпается на Рождество: теперь мы действительно выиграли войну» [16]. Учитывая последующую роль команданте Матоса, одного из самых бескомпромиссных противников Кастро, трудно сомневаться в достоверности его информации. 6 декабря 1958 г. на повстанческом аэродроме в Сьерре приземлился самолет с оружием, приобретенным на средства, собранные венесуэльской секцией Движения 26 июля и пожертвованные революционной властью Венесуэлы. Этим же рейсом на Кубу прилетел и временный президент Кубы Мануэль Уррутиа [14, р. 78].

В связи с сюжетом о поставке оружия возникает несколько вопросов. Был бы так неподдельно счастлив вождь повстанцев, если бы действительно существовал «воздушный мост» из США? Как объяснить то, что в самом крупном сражении герильи — битве за Санта-Клару — наиболее мощным оружием повстанцев был «Дракон-1» — танк, переоборудованный Камило Сьенфуэгосом из бульдозера?

На страницах книги генерал-президент много места уделяет рассуждениям о причинах краха своей власти. Для него естественным оказалось обвинение в адрес «международного коммунизма», с «неслыханной наглостью» усилившего «кампанию террора и лживой пропаганды» (с. 69). Частью этого коварного заговора Ба-

тиста объявил действия «террористов», «умышленно провоцировавших ответные репрессии со стороны правительства», и прессу, которая связывала эти «печальные события с существованием «диктаторского» и «жестокого» режима, выставляя генерала «как диктатора без совести» (с. 70-71).

Автор книги явно испытывает раздражение по поводу своего любимого детища — армии. Руководителя заговора полковника Рамона Баркина, «пользовавшегося доверием правительства», Батиста обвинил в обмане, а потом и в «тяжком вероломстве», «преступной капитуляции», когда тот, после двух дней руководства страной в январе 1959 г., передал армию «под контроль орды бородатых преступников, которые ее так и не победили» (с. 80). Важно отметить и то, что армейский заговор был раскрыт до высадки с *Granma* и свидетельствовал о неприятии частью офицерского корпуса «революции 1952 г.» вне связи с повстанческой войной.

Батиста упрекает армейские подразделения, сдававшиеся повстанческим группировкам осенью 1958 г., в «халатности, сговоре, подкупе или страхе и трусости» (с. 72). У регулярной армии, по его мнению, «отсутствовала адекватная тактика», что вызывало «медлительность в борьбе с партизанами» (с. 120). Одну из причин состояния, в котором находились антипартизанские силы, экс-диктатор усматривал в отсутствии взаимодействия руководителей операции, соперничестве и спорах генералов Франсиско Табернильи и Кантильо (с. 121-122).

Итогом разброда и шатаний в главной опоре режима стал вывод, к которому пришли высшие армейские руководители, сформулированный Начальником объединенного генерального штаба Ф.Табернилей: «Солдаты устали, а офицеры не хотят воевать. Больше ничего не поделаешь», «наше дело проиграно» (с. 134, 143). Армия не капитулировала. Она просто перестала воевать. Но почему исчезла былая консолидация старых соратников и почему они перестали сопротивляться повстанцам? Только из-за недостатка оружия? Что это было: предательство, дезертирство, личное соперничество, подкуп со стороны повстанцев, желание сохранить или даже усилить свою роль при новой власти и т.д., о которых как о причинах поражения пишет мемуарист? Или же то, что США бросили Батисту на произвол судьбы? Ну, и, конечно, международный коммунистический заговор, ключевую роль в котором играл скрытый коммунист Фидель Кастро. Поневолу можно вспомнить анекдот советских времен: Кастро в кабинете у Хрущева отдирает наклеенную бороду со словами: «Не могу больше, Никита Сергеевич!». «Надо, Федя, надо!».

А если оставить в стороне иронию, то нельзя не задаться вопросом: смогла бы повстанческая армия одержать победу над регулярной, в десять раз превосходившей ее по численности, если бы режиму Батисты не отказало в поддержке практически все кубинское общество? «Спасибо, Фидель!». Да, возможно, не все кубинцы понимали тогда истинные намерения и цели Фиделя, но в этих словах жителей Гаваны, написанных на витринах и лобовых стеклах автомобилей во время триумфального вступления повстанцев в столицу, было совершенно ясно выражено неприятие, отвержение власти Батисты. Это и есть ответ на сетования бывшего «сильного человека» Кубы.

Наверное, было бы грешно упрекать Фульхенсио Батисту в сознательном желании извратить историю. Он так видел... Возможно, для российских читателей знакомство с позицией проигравшего диктатора — шаг к более объективному восприятию истории Кубы. Будем ждать публикации обещанных издательством мемуаров полковника Рамона Баркина и участников борьбы против Революционного правительства в горах Эскамбрай. Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Тайбо П.П.И. Гевара по прозвищу Че. М.: Эксмо-Пресс, 2000, 800 с. [Taibo P.P.I. Guevara po prozvischu Che [Guevara also called as Che]. Moscow, Exmo Press, 2000, 800 p.
2. Андерсон Дж.Л. Че Гевара. Важна только революция. СПб: Амфора, 2009, 767 с. [Anderson Dzh. L. Che Guevara. Vazhna tolko revoliutsiia [Che Guevara: Only Revolution Matters]. Saint-Petersburg, Amphora, 2009. 767 p.
3. Фурсенко А; Нафтали, Т. Адская игра. Секретная история Карибского кризиса. 1958-1962. М.: Гейтарум, 1999, 556 с. [Fursenko A., Naftali A. Adskaya igra. Sekretnaya istoriia Karibskogo krizisa. 1958-1962 [One hell of a gamble": The Secret Story of the Caribbean Crisis, 1958-1964]. Moscow: Geya-Itarum, 1999, 556 p.
4. Фурсенко А; Нафтали Т. Безумный риск. Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962. М.: Росспэн, 2006, 544 с. [Fursenko A., Naftali A. Bezumnyi risk. Sekretnaya istoriia Kubinskogo raketnogo krizisa 1962 g. [One hell of a gamble": Krushchev, The Secret Story of the Cuban missile crisis of 1962]. Moscow: Rosspen, 2006, 544 p.
5. Микоян С. Анатомия Карибского кризиса. М.: Академия, 2006, 1074 с. [Mikoyan S. Anatomiiia Karibskogo krizisa [The Anatomy of the Caribbean Crisis]. Moscow: Academia, 2006, 1074 p.
6. Макарычев М. Фидель Кастро. М.: Молодая гвардия, 2017, 639 с. [Makarychev M. Fidel Kastro [Fidel Castro]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2017, 639 p.
7. Леонов Н. Рауль Кастро. М.: Молодая гвардия, 2015, 255 с. [Leonov N. Raul Kastro [Raul Castro] Moscow: Molodaya Gvardiya, 2015, 255 p.
8. Брилев С. Фидель. Футбол. Фолкленды. Латиноамериканский дневник. М.: Аст-Зебра, 2008, 330 с. [Brilev S. Fidel. Futbol. Folklendy. Latinoamerikanskii dnevnik [Fidel, Football and Falkland Islands. The Latin American Diary]. Moscow, Ast-Zebra, 2008, 330 p.
9. Jeifets, V. and Andreev A. Cuba and Post-Soviet Russia. Challenges and Opportunities // Rouvinski, V. and Jeifets V. Rethinking Post-Cold War Russian-Latin American Relations. New York: Routledge, 2022.
10. Монтанер К.А. Накануне краха. Фидель Кастро и кубинская революция. М.: Знаменитая книга, 1992 [Montaner K.C. Nakanune krakha. Fidel Kastro i kubinskaia revoliutsiia [Before the Failure: Fidel Castro and the Cuban Revolution]. Moscow: Znamenitaya kniga, 1992.
11. Jeifets, V. y Jeifets, L. El encuentro de la izquierda cubana con la Revolución Rusa: el Partido Comunista y la Comintern. *Historia Crítica*. Bogotá, 2017, N 64, pp. 81-100, <https://doi.org/10.7440/histcrit64.2017.05>.
12. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Кубинские добровольцы на Гражданской войне в Испании: переключка двух революций // ЭНОЖ «История». М., 2019, т. 10. вып. 2(76). DOI: 10.18254/S207987840002585-2 [Jeifets V.L, Jeifets L.S. Kubinskie dobrovoltsy na Grazhdanskoi voine v Ispanii: pereklichka dvukh revoliutsii. ENOZH "Istoriia", 2019, t. 10. Vyp. 2(76 [The Cuban Volunteers in the Spanish Civil War: the Roll Call of Two Revolutions]. *Electronic Scientific and Educative Journal "Istoriya"*. Moscow, 2019. Vo. 10. N.2(76).
13. Наследники Коминтерна. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). Документы. М.: Росспэн, 2013 [Nasledniki Kominterna. Mezhdunarodnye soveschaniia predstavitelei kommunisticheskikh i rabochikh partii v Moskve (noyabr 1957 g.). Dokumenty [The Comintern's Heirs. International Meetings of the representatives of the Communist and Workers' Parties in Moscow (November, 1957)]. Moscow: Rosspen, 2013.
14. Pividal Padrón F. Movimiento 26 de Julio – Seccion Venezolana. La Habana, 2019.
15. Кастро Рус Ф. Стратегическая победа. М.: Международные отношения, 2011 [Kastro Rus F. Strategicheskaya pobeda [A Strategic Victory]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2011.
16. A Moderate in the Cuban Revolution. Available at: <https://www.pbs.org/wgbh/americanexperience/features/castro-huber-matos-moderate-cuban-revolution>

Лазарь Хейфец

Lazar S.Jeifets (ilaranspb@hotmail.com)

Dr. of Sc. (Historical science), Professor at the Saint-Petersburg State University,
professor at the Saint-Petersburg University of Aerospace Instrumentation

Universitetskaya embankment, 7-9, 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation

Bolshaya Morskaya st., 67, 190000, Saint-Petersburg, Russian Federation

An answer that raises new questions

[Review of the book by Батиста Ф. Ответ. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2021, 288 с. [In Russ.]

Abstract. This review analyzes recently translated into Russian the former leader of Cuba, Fulgencio Batista. The author's views on the Cuban revolution are critically compared with a number of facts known from the literature.

Key words: Cuba, revolution, historiography, Fidel Castro, Fulgencio Batista, Communist Party of Cuba.

DOI: 10.31857/S0044748X0019917-7

Received 03.01.2022.

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибьюторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru · <http://urss.ru>

УРСС

- Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Отв. ред. Чумакова М.Л.
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX — начале XXI веков. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иберо-американская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Португалия: эпоха перемен. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. Отв. ред. Ивановский З.В.
- Латинская Америка на мировом рынке продовольствия. Отв. ред. Яковлев П.П.
- Яковлева Н.М. Португалия: история политической модернизации.
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. Сударев В.П., Симонова Л.Н.
- Современная организованная преступность в Латинской Америке и в странах Карибского бассейна. Отв. ред. Мартынов Б.Ф.
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- Политические конфликты в Латинской Америке. Отв. ред. Ивановский З.В.
- Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства.
- Война США против Мексики. Постфактум. Спустя 170 лет.
- Куба накануне смены поколений. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Куба 51. 60 лет Революции. Отв. ред. Калашников Н.В.
- Иberoамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Давыдов В.М. Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте.
- Кодзоев М.А.-М. США — Куба: эхо холодной войны.
- Яковлев П.П. Глобальные головоломки: Иberoамерика в меняющемся мире.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А.
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. Давыдов В.М.
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. Давыдов В.М.
- Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям. Отв. ред. Давыдов В.М.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

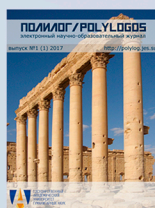
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2022 г. выпустить в свет следующие книги:

- Ибероамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Испания: трудный выбор в условиях неопределенности. Серия "Саммит". Отв. ред. *Давыдов В.М.*

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом
книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Универси-
тет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76;
«Фаланстер» (Малый Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21);
Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru